

РАЗГОВОРЫ С ДЖЕМАЛЕМ

Гейдар Джемаль

Разговоры с Джемалем

«Питер»

2017

УДК 28
ББК 86.38

Джемаль Г.

Разговоры с Джемалем / Г. Джемаль — «Питер», 2017

ISBN 978-5-4461-0433-8

Гейдар Джемаль – известный философ, общественный деятель, Председатель Исламского комитета России. Он известен своими яркими статьями и выступлениями на сайтах «Поистине» и «Контрудар» и канале YouTube. «Разговоры с Джемалем» составлены на основе бесед автора с Олегом Дружбинским на радио Медиаметрикс. Эти беседы посвящены как жизни общества, социума, вопросам современной политики («Противостояние Востока и Запада», «Конец левой и правой идеи», «Кто заменит пролетариат в роли гегемона», «Невозможность возврата в сталинизм», «Обыватель и миф о прогрессе» и др.), так и человеку, его месту в мире физическом и духовном («Возможна ли свобода?», «Человек как часы Вселенной», «Боль и общество»). Автор идет от простого к сложному, сначала обсуждая вопросы, близкие каждому человеку, затем постепенно погружая его в мир метафизики. Гейдар Джемаль – широко эрудированный человек, он приводит массу интереснейших примеров из мировой и отечественной истории, культуры, религии. Острые и парадоксальные, беседы погружают человека в мир веры и глубоких смыслов. В книге есть что почитать и о чём задуматься. Читайте книгу Гейдара Джемалья – и она изменит Ваш взгляд на мир.

УДК 28
ББК 86.38

ISBN 978-5-4461-0433-8

© Джемаль Г., 2017

© Питер, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	72
Глава 9	81
Глава 10	91
Глава 11	107
Глава 12	126
Глава 13	135
Глава 14	141
Глава 15	149
Глава 16	156
Глава 17	164
Глава 18	172

Г. Джемаль

Разговоры с Джемалем

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ООО Издательство «Питер», 2017

Глава 1

Конец левой и правой идеи

Самое отвратительное в политическом размежевании «левых» и «правых» – это его амбивалентность. Фактически так называемый левый пакет на 90 % состоит из правых тезисов, просто распределённых под другим брендом. Что же касается самого крайне правого, то стержнем этого, с точки зрения левых либералов, идеологического «мракобесия» оказывается... «социализм»! То есть крайне правые всё равно танцуют от сверхзадачи идеально упорядочить общество, «починить» в конце концов этот чёртов двигатель внутреннего сгорания, чтобы он зажёвывал людей с максимальной эффективностью. Получается чистая левизна.

После того как московский социализм закончил своё существование по всему миру, бывшие коммунисты и социал-демократы пошли прислуживать победителям в холодной войне. Брюссельская бюрократия, рулящая конструкцией НАТО, сегодня переполнена бывшими леваками (и некоторые из них даже не считают себя бывшими).

Политический ислам справедливо издевается над этим цирком, над этими игрищами многопартийной демократии. Политический ислам ориентирован на рассмотрение «юдоли человеческой» в контексте сверхчеловеческой вертикали. При таком подходе выписывать себе справку о своей «левизне» или «правизне» – означает предстать перед историей в статусе безнадёжного идиота.

Добрый день, друзья, с вами радио «Медиаметрикс» и программа «Разговоры с Джемалем», ведёт её Олег Дружбинский. И в студии, естественно, Гейдар Джемаль. Добрый день, Гейдар.

Г. Д.: Добрый день. Добрый вечер.

О. Д.: Да, уже вечер. Добрый вечер, дорогие слушатели и видеозрители. Тема, которую предложил сегодня Гейдар, звучит так: «Конец левой и правой идеи».

Г. Д.: В современном мире.

О. Д.: Да, и так. Давайте мы попробуем сначала разобраться, что это значит: левой и правой идеи? И почему они должны умереть? Я сразу, наверное, все вопросы задал. С какого момента мы начнём?

Г. Д.: Я хотел бы предварить наш разговор тем, что от того, что мы это обсудим, сегодняшние левые и правые, которые эксплуатируют свои бренды, не перестанут таковыми быть. Они и дальше будут цепляться за эти, как мне кажется, отработанные уже ярлыки. Тем более что здесь присутствует достаточно широкое разнообразие. Потому что левых даже не пятьдесят оттенков красного, их там и сто пятьдесят может быть.

О. Д.: Ну, левыми мы считаем коммунистов, социалистов и всех таких прочих, да? Тех, кто за социальную справедливость.

Г. Д.: Да, это социал-демократы. Причём нюансов там очень много. Если человек, допустим, считает, что для богатых людей должны быть повышены налоги, он, может, уже где-то и радикалом проходит.

Есть троцкисты. Их несколько групп, совершенно разных. Есть посттроцкисты и так далее.

Есть сталинисты даже сегодня.

О. Д.: Да. Я догадываюсь, что до сих пор они существуют – мало, но есть.

Г. Д.: На самом деле здесь присутствует большой спектр, он позволяет манипулировать, маневрировать в этом разнообразии и скрывать суть дела. Но я боюсь, что разнообразия у правых безусловно меньше. И их идеологическая база тоже более жёстко оформленная и более бедная на разные претензии: на научность, историзм и так далее. Но нам надо это всё свести к двум парадигмам – одной и другой.

С моей точки зрения, левые изначально начинали борьбу против традиций и против иерархии. Откуда они взялись, левые? Левые – это якобинцы, это понятно. Они сидели в национальном собрании Франции, в Конвенте. Справа сидели сторонники концессионной монархии, посередине Болото, Жерондо. А слева сидели якобинцы.

Якобинцы, они, естественно, республиканцы. Они последовательно выступали против сложившейся иерархии, против церкви, но не против религии вообще. Как известно, они заменили всё на культ Великого Существа, но они были против истеблишмента. Потом их взгляды стали развиваться, диверсифицироваться, но при этом всюду оставалась эта главная линия – против иерархии, против символизма, против трансцендентной нагрузки со смыслом, против того, что одни считают себя выше, чем другие, по каким-то сверхчеловеческим причинам, по праву рождения и так далее, а потом уже и из-за того, что кому-то удалось урвать больше. Потом это всё начали сводить к уровню неравенства потребления. Но это произошло, когда уже якобы добились (на взгляд обывателя) иерархии религиозно обеспеченные, после чего стали бороться с иерархиями социально-экономическими.

О. Д.: По сути, левые были за социальную справедливость.

Г. Д.: Относительно, скорее за равенство в потреблении.

А правые сначала были за сохранение традиции, за власть, государство, божественное право и так далее. Но по мере эволюции общества они хватались за то, что возникало. В итоге сегодняшний средний правый отстаивает те результаты, что получились в итоге двухсот лет наступления левых.

О. Д.: То есть это, по сути, сегодняшний либерал: права человека, свободный рынок и так далее.

Г. Д.: Да. Обычный правый – это либерал. И обычный правый сегодня стоит на защите той платформы, которая сто лет назад была нормальной средней платформой левых.

То есть левые победили. В глобальном метафизическом смысле. Оказалось, что мир, который они получили в итоге, это не только мир несправедливый, он гораздо хуже стал, гораздо несправедливее. В результате того, что исчезла иерархия. В результате того, что возник либеральный мир, в котором отсутствует символизм, в котором церковь утратила свои высшие функции, монархия стала декоративной, а дворянство присваивается каким-то футболистам и так далее.

О. Д.: И музыкантам.

Г. Д.: В этом мире на сегодняшний день 60 человек сосредоточили в своих руках столько богатств, сколько имеет 3,5 миллиарда беднейшей части населения, что невозможно было раньше, когда мир якобы был несправедлив. Теперь у левых есть новый фронт, по крайней мере подходящий для демагогии – дескать, вот, существует неравенство собственности, неравенство потребления... Они объясняют это тем (что, конечно, очень смешно), что налоги не так берутся. Дескать, потому 60 человек собрали в своих руках 7 триллионов долларов, что, оказывается, налоги не так берутся.

А с другой стороны, есть правые, которые отстаивают статус-кво. Вот именно тот статус-кво, которого добились левые. Левые добились его, теперь правые его отстаивают. Но, конечно, у левых больше манёвра. Потому что они могут себя показать. Показать, что им есть за что бороться ещё. А правые – они только защищают сложившийся порядок, но им показывают, что мир-то ужасен! И им очень сложно его защищать, поэтому у правых очень дискомфортная ситуация.

О. Д.: А может, именно поэтому в российский парламент и не проходят правые фракции? Последние 10–15 лет, как только собирается какая-то группа людей под видом правой платформы, союз правых людей, они все, что называется, пролетают.

Г. Д.: Здесь присутствует конкретная политика. Она на самом деле не дотягивает до тех высоких мотиваций, которые мы сейчас пытаемся обсудить. На мой взгляд, правых не пускают в парламент и политику потому, что их проход в Думу мгновенно бы обострил социальный вопрос. Пришли бы правые, и классовая борьба сразу вышла бы из скрытого состояния на поверхность. Вот тогда можно было бы говорить о прямой конфронтации. И, чтобы не было прямой конфронтации с защитниками олигархического капитала, им не дают проводить свои группы в публичную политику, то есть заматают под ковёр. Мне кажется, что это очевидный политический момент.

О. Д.: У меня такой вопрос, который я в самом начале задавал. Я понимаю, что и левая идея, и правая дискредитировались. Справедливости не будет, борьба за справедливость приводит к появлению олигархов.

Г. Д.: В справедливости есть одна любопытная вещь – что именно является справедливостью? Посмотрим с точки зрения левых. Они изначально боролись с традицией, боролись с символизмом, боролись с религиозной сверхчеловеческой нагруженностью общества, ведь так? Они боролись с тем, что общество живёт не просто для того, чтобы жить: есть, производить, ещё больше есть, ещё больше производить. Выступали против того, что у общества есть некие сверхзадачи: у истории есть смысл; есть Бог; есть, в конце, Страшный суд, воскресение из мёртвых. Все такие моменты левым были ненавистны, они их изымали. Они боролись с этим, как с бреднями, поповскими сказками, старательно объясняли, что производительные силы действуют на производственные отношения, действуют потом на мозги, которые, так или иначе, всё понимают. Но существует же и другой подход к справедливости: справедливость – это не распределение потребления благ, справедливость – это наличие смысла. Миллиарды людей проходят бесследно по Земле: строители пирамид, к примеру. Справедливо ли, что они исчезли в потоке песка, который несётся ветром по пустыне времени и бытия? Справедливо? Нет, несправедливо. С точки зрения религии это несправедливо, это высшая степень несправедливости. Жизнь при таком подходе становится абсурдом. Левые же считают, что это норма. Но когда они добиваются своего и строят общество, которое представляется им более или менее адекватным, то есть социум-бытие, в котором исключена всякая объективная онтология из него... то всё становится социальным! И мы погружаемся в абсурд, погружаемся в бессмыслицу. Левые убивают смысл. Они добиваются того, что общество, в котором мы живём, – это общество, которое живёт, чтобы жить, то есть оно ничем не отличается от садка кроликов, по большому счёту.

Правые в действительности защищают сторону, отвергнутую левыми, – сторону смысла. Но есть крайне правые, которые говорят: то, что было уничтожено левыми, а именно иерархия, символизм, традиция, – это и было смыслом, ценностью. Крайне правые создают свой блок, идут в загончик, в гетто, которое называется «консервативная революция». Они хотят совершить контрреволюцию и восстановить иерархию, смысл, неравенство и так далее. В пользу тех старых слоёв, которые когда-то держали контрольный пакет акций...

О. Д.: Да, я понимаю. Получается, правые и левые в каком-то смысле поменялись местами.

Г. Д.: Да. Крайне правые – они как бы протестные. Понятно, что хрен редьки не слаще. Потому что то общество, которое деградировало сегодня через усилия левых до социума – бытия, в котором нет смысла, отправлялось от той начальной позиции, в которую его хотели бы вернуть эти консервативные революционеры. Получается замкнутый круг. Получается, что зло не в нынешнем состоянии общества, зло в социуме как таковом. Есть нечто в социуме, что является неизбежным античеловеческим элементом. Который может проявляться

как в господстве феодала над крепостным, так и в бессмыслице социального бытия в Швеции, где господствуют социал-демократы и где при огромном потреблении самый высокий уровень самоубийств.

И там и там зло. В чём моя идея состоит? Моя идея состоит в том, что ни левые, ни правые не держат палец на этом нерве зла. Они не обсуждают это зло. Для них всё в мире является само собой разумеющимся. По жизни не задают вопросов и не требуют ответов для себя. А ведь надо поставить вопрос о сущности этого зла, и если уже говорить о протесте, то он должен быть не левый, не правый, а совершенно иной, новый.

О. Д.: Какой же?

Г. Д.: Я думаю, что, скорее всего, он должен быть теологическим.

О. Д.: То есть верующие против безбожников?

Г. Д.: Всё не так просто. Тот же Маркс с восторгом говорил, что наконец-то мы сбрасываем религиозную одежду с социальной борьбы: раньше люди облекали свои проблемы в религиозную одежду, потому что у них всё стояло на голове, а не на ногах. Мы всё переворачиваем на ноги, и речь идёт о производственных отношениях. Но оказалось, что всего марксизма с его научным социализмом хватило на 150 лет пудрения мозгов. Это короткоживущая модель.

А тема катаров, анабаптистов, гуситов, то есть тема религиозной справедливости и религиозного вызова мировому порядку, она никуда не ушла. Она была отложена в пользу научного социализма, в пользу народников, в пользу эсеров, которые читали Бокля, читали всяких атеистов, потом они «Капитал» изучали и так далее. Но сегодня с этим «Капиталом» некуда идти.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что должна утвердиться религиозная справедливость, справедливость, основанная на религиозных постулатах.

Г. Д.: Да, потому что о смысле жизни говорит теология.

О. Д.: И философия.

Г. Д.: Да, но философия может быть и антифилософией. Вот марксизм – это антифилософия. Гегель – это великий мыслитель, который придал современный вид платоническому дискурсу, это Платон XIX века. Потом приходит Маркс, который ничтожество наше ставит, как он выражается, с головы на ноги, а в действительности он его разрушает и приводит к некоему маразму.

О. Д.: Гейдар, я попробую для себя сформулировать то, что мне кажется важным. Действительно, в XX веке на все те вопросы, которые стояли перед человечеством, люди получили ответы в виде сталинского коммунизма, фашизма и другого. Эти ответы общество не устроили, поскольку они несли в себе негативный опыт. Главный же вопрос был: как жить дальше всему социуму?

Ответа нет. И теперь наступает XXI век, и снова потребуется этот ответ. Должно ли быть всё по справедливости? Да, я с вами соглашусь, Маркс написал большую, назовём так, экономическую книгу, из которой был сделан всего-навсего один вывод: «Грабь награбленное». И по этому пути пошло население многих стран.

Г. Д.: Ну, давайте тоже не будем упрощать. Не «Грабь награбленное», а об исчислении средств производства, для того чтобы этим производством завалить массы, которые должны были обожраться. И в результате у них должны были проснуться такие творческие энергии, что от изобилия этого потребления эти средства производства и производительные силы вырастали ещё многократно до тех пор, пока... Тут уже начинается некий космизм. До тех пор пока человечество не выходит в ноосферу, не начинает управлять таким большим куском космической энергии, что в результате меняет физические законы. А дальше уже бифуркация. Одни говорят, что это бред и всё ради колбасы, а другие говорят: для того, чтобы остановить второе начало термодинамики. Мы же помним эти споры.

О. Д.: Споры высокого порядка. Но тем не менее.

Г. Д.: Но это всё-таки не «Грабь награбленное».

О. Д.: Да. Конечно. Я упростил, чтобы было понятно.

Г. Д.: Но это тупик. Почему это тупик? Потому что даже прекрасная идея остановить второе начало термодинамики не вносит смысла в абсурд.

О. Д.: По вашей логике, когда коммунисты молятся сейчас в православном храме, это не абсурд, они уже движутся к религиозной справедливости.

Г. Д.: Честно говоря, никаких коммунистов сейчас не осталось, их нет. Есть коммунистическая партия, которая называется КППРФ. Она создана как политехнологический приём для разводки определённой части населения. Мы живём в мире симулякров. В мире обманок. Поэтому мы не будем всерьёз говорить о том, что они коммунисты.

О. Д.: Серьёзно говорить, что они верующие, тоже, наверное, не стоит.

Г. Д.: Я не уверен, можно ли говорить, что нынешний папа Франциск верующий. Вообще можно ли говорить о современных жрецах, что они в истинном смысле верующие. Потому что они... Я же сказал о социум-бытии, которое возникло в результате усилий левых в течение последних двухсот лет. В итоге у нас сложился Олимп, метафорически говоря. То, что было небом для бывшего человечества, стало просто-напросто социальным институтом. Если папа Франциск рассматривает себя, свою религию, литургию, ритуалы как некий социальный институт, который можно адаптировать под некую конъюнктуру: взять и написать мессу, взять и перевести её с латыни на местные языки, взять и изменить тему, которая касается антисемитских ноток в католической традиции так, чтобы это устроило раввинов. О чём это говорит? Это говорит о том, что мы не имеем дело с религией как с религией. Мы имеем дело просто с социальным институтом, который ведёт какие-то политические игры. В таком случае верующий ли папа? Я думаю, что не совсем.

О. Д.: Вернёмся к концу эпохи левой и правой идеи. Берём левую идею. С вашей точки зрения, на месте левых должны появиться верующие, да? Ищущие справедливость в религии, в смысле?

Г. Д.: В глобальном смысле. Религия – это смысл. Победа над абсурдом бытия.

О. Д.: Кто будет на правом фланге, кто может заменить правых?

Г. Д.: Тот протест против статус-кво, который должен прийти на место левых и крайне правых, тоже недовольных. Он должен откинуть и тех и других. И каким-то образом всосать пассионарный импульс и оттуда, и оттуда, преодолев их детские болезни. Я приведу конкретный пример: если вы представитель левого направления, которое отрицает неравенство, иерархию, сакральные символы, всё значимое, выходящее за пределы «здесь присутствия», вы отрицаете это во имя того, чтобы потреблять поровну. Вы делаете шаг, вы понимаете, что это всё бессмысленно выработанный симулякр, делаете шаг в сторону и переходите к протесту, который ставит во главу угла смысл. Что для вас сразу это означает? Вы отказываетесь от идеи равенства, потому что в контексте смысла не может быть защиты равенства, люди не равны. Они рождаются не равными. Сразу идея равенства как то, за что следует бороться, проваливается как ложная идея. И, следовательно, целый ряд идей, которые были связаны с этой темой.

А какая с иерархией? Иерархия, основанная на деньгах, иерархия, основанная на праве рождения, иерархия, основанная на жреческих манипуляциях и ритуалах, связанных с посвящением. Тогда вы отрицаете это тоже. Вы же не будете возвращаться как пёс на плотину...

О. Д.: Правильно ли я понимаю...

Г. Д.: Это означает отказ от правых иллюзий.

О. Д.: Ну и куда же это приведёт? К элитному крылу, которое как раз делит общество на сословия, делит на...

Г. Д.: Не совсем так, не на сословия. Я бы так сказал: есть в левом, в марксистском представлении, класс. Классы, согласно марксизму, определяются отношением к средствам производства и к распределению. Но это уже мало работающие идеи. Когда вы имеете дело с Ходорковским или покойным Березовским, то видите: человек, который начинал как комсомолец или младший научный сотрудник, потом стал олигархом, потом беглецом или зеком, то есть его колбасит, как люмпена, это колесо фортуны. Ну какие тут классы! Он кто, буржуазия? Он не буржуазия. Он люмпен, но люмпен, который становится сначала богатым, потом опять бедным, потом его сажают, потом выпускают... Эта тема касается не только таких фигур, которые на виду у всех, они просто иллюстративны. А сегодня в мегаполисе люди действительно являются пылью, которую сдувает, потом опускает и так далее.

На самом деле не классы определяют напряжение между полюсами внутри человечества, а врождённые установки. В индийском обществе есть понятие касты – это не сословие, не класс, это врождённое состояние сознания, врождённое состояние души. Человек рождается либо тем, либо иным. Он не может родиться «чистой доской», *Tabula rasa*. Он рождается уже кем-то. Он рождается прирождённым жрецом, или прирождённым воином, или прирождённым торгашом, или прирождённым люмпеном, кем-то из этих вариантов. Понятно, что большая часть из этих классификаций пассивна и только следует за ситуацией. А две активные части являются реальными полюсами: это жрецы и воины. Одни заняты созерцанием и обобщением, интуицией жизни, реальности. Другие же заняты исправлением ошибок, и при этом, на этом пути, они готовы приносить в жертву свои жизни. И существуют идеологические доктрины и с той и с другой стороны, которые постоянно находятся в сшибке, их надо расшифровать. Эта доктрина, она чья доктрина? Она чьи интересы защищает? И если мы будем смотреть на то, что только две касты, два полюса на самом деле являются активными игроками и борьба между ними определяет всю историю, тогда очень многие вещи для нас изменятся. И мы поймём, что парадоксальнейшим образом марксизм, который говорит о необходимости продвинуть пролетариат, создать диктатуру пролетариата, на самом деле защищает интересы жрецов. В конечном счёте, он защищает интересы жрецов.

О. Д.: Он в определённом смысле защищает кастовость, правильно я понимаю?

Г. Д.: Нет. Не то что он защищает кастовость, она есть, она никуда ни девается. Люди рождаются... Человек не может родиться без цвета волос, без цвета глаз. Он рождается в касте. Если он не рождается ни в одной из этих каст, то есть у него нет причастности к конструкции жреца, тогда он люмпен. Люмпенов может быть большинство. Может быть страна, которая состоит почти вся из люмпенов. Это большое для неё несчастье. Но всё равно он кем-то должен родиться. И борьба всё равно будет идти между жрецами и воинами. Так кто же марксисты? Если мы посмотрим, на кого они работают в конечном итоге, то получится, что мировой марксизм работал на папу римского. Это, конечно, метафора.

О. Д.: Да, я понимаю. Но и Октябрьская революция в своё время встряхнула Запад.

Г. Д.: Первое, что сделала Октябрьская революция, – восстановила патриарха. Октябрьскую революцию готовили папы. Илларион её готовил, в каком-то смысле целая группа, начиная со Старцев, которая подвела Распутина к царской семье. Они готовили. К кому пришёл Илларион, который был монахом-черносотенцем, стоявшим за спиной Распутина? К кому он пришёл сразу после конца царской семьи? Он пришёл к большевикам с предложением своих услуг. Кто был главным организатором французской революции? Аббат Сийес. Кто написал декларацию третьего сословия? Чем было третье сословие? Ничем. Чем должно было быть? Всем. Это же написал аббат Сийес.

О. Д.: Да, я слышал это. У меня к вам такой вопрос, который меня интересует: кто окажется на месте правых сил, которые в нашей стране тоже существовали? Вы знаете, я хотел привести любопытный пример: недавно в беседе с моим товарищем я у него спросил: а ты пойдёшь на выборы? Он говорит: нет, я не пойду. Я спросил: почему? Он говорит:

почему я должен идти? У меня два высших образования, бизнес, семья, загородный дом. Я достаточно обеспеченный человек. Почему я имею такой же голос, как дворник в моём подъезде, который славянин, москвич, но он подметает, убирает двор. У меня уровень на порядок выше, и материально, и интеллектуально. Почему у нас с ним одинаковый голос, спросил он у меня. Я не знал, что ему ответить на этот вопрос. Может, здесь есть какое-то напряжение правого фланга?

Г. Д.: Опять-таки это очередной симулякр. Потому что на самом деле выборы всегда и всюду являются манипулируемым процессом. Они изначально фальшивые. Особенно они фальшивые в США, они не прямые в самой главной стране демократии. Для того чтобы ваш знакомый не имел равный голос с дворником, отцы-основатели США долго работали и обдумывали: как сделать так, чтобы только голоса настоящих людей имели бы значение, а всякая шушера, которая приползает сбоку, оставалась бы за бортом.

Ещё греческие полисы давали свободным людям право голосовать, а остальным, которых, в общем, никто не гнобил, не трогал, не пинал ногами, говорили: вы тут никто. Вы бывшие рабы, вольноотпущенники.

В действительности сейчас существует этот маскарад всеобщей демократии. Совершенно понятно, что он настолько обезврежен, что вопрос вашего друга бессмыслен. Ни его голос не имеет значения, ни в равной степени голос вашего дворника. Они равны не в том смысле, что оказывают на что-то влияние, а в том смысле, что они ноли, независимо от того, что один дворник, а другой богач. Конечно, я думаю, что это несправедливо. Но не по принципу наличия яхт, заводов, фабрик, пароходов должен определяться вес человека. А по другому принципу, который связан с теологическим смыслом и его участием в этом теологическом смысле. Я считаю, что нужна диктатура не пролетариата, а диктатура касты воинов, которые должны бросить вызов мировой системе, глобальному обществу.

О. Д.: Так. Давайте попробуем с этим разобраться. Диктатура, возможно, нужна, и очень часто мы видим, как именно диктатуры побеждают на разных территориях и приводят общество к гармоничному существованию. Но тем не менее давайте попробуем понять, кто же на правом фланге, в том числе и в нашей стране. Я понимаю, что мы о многом рассуждаем философски и в общем плане, но тем не менее посмотрим. Я представляю себе, что существует некий класс, или группа, или сословие, обеспеченных людей, назовём их средним классом в нашей стране, которые в разговорах на кухнях рассуждают: «Давайте мы всё-таки постараемся понять. Я, допустим, бизнесмен. Я плачу налоги. Раз я плачу налоги, я имею право голоса. Если человек работает на государственной службе и получает зарплату, он живёт, по сути, с моих налогов. Почему у нас с ним равные права? Кто платит налоги, тот пускай и голосует. В этом есть некая логика, не правда ли?»

Г. Д.: В этом есть логика классовая, марксистская. Кто такой бизнесмен и чем он отличается от бюджетника? Только разным отношением к производительным силам и производственным отношениям, соответственно, к распределению материальных благ. Экзистенциально, по сути, по бытийной сути, этот бизнесмен не превосходит учителя, или чиновника, или там пожарника, который получает зарплату. Его реальный внутренний вес как человеческой личности может быть меньше, может быть больше.

О. Д.: Ну и что является критерием его личности тогда?

Г. Д.: Каста и участие в глобальном теологическом процессе. Либо этот человек участвует в проекте, либо борется с ним, либо поддерживает его.

О. Д.: Если левые, грубо сформулируем, новые левые – это те, которые будут более связаны с религией, с теологическим проектом, то правые, скорее всего, это безбожники и те, кто борется с теологическим проектом.

Г. Д.: Да, сейчас ведь идёт такой процесс. Либералы проигрывают во всём мире, идёт процесс крушения либерального клуба. Потому что либеральный клуб связал свою полити-

ческую судьбу с современной экономикой, экономике, постэкономикой, которая базируется на финансовой спекуляции, на сверхкредите. Они сделали ошибку. Либералы – это же не буржуазия, это не сословие буржуазии. Либералы – это в значительной степени люмпены. Только погнанные люмпены, более высокого разбора.

О. Д.: Креаклы, как говорят в сегодняшнем сленге.

Г. Д.: Как говорят индусы – чандалы. Но они тоже деклассанты. Как бы они могли связать свою судьбу с промышленным капитализмом? Им там делать нечего, там серьёзная буржуазия сидит, наследственная. Поэтому они сделали ставку на политический союз со спекулянтами, финансовым капиталом. Финансовый капитал – это 90 % богатей сегодняшнего дня. Они оборзели, они надули весь мир денежным пузырьком. Но теперь, когда они сдуваются, они в могилу свою пузырьком уносят и либералов – как клуб, как философию, как двести лет последних усилий, они это уносят с собой в могилу. Что последует за этим? За этим возвращаются транснационалисты и консервативные революционеры, которые ждут своего часа. Это крайне правые, и за крайне правыми стоят те же самые Дома, которые правили до Первой мировой войны, и те же попы вернутся. Тогда оппонентами им будут только радикалы религиозные. И тогда будет два полюса. С одной стороны, те же самые церковь и монархия, которые были двести лет назад, но вернувшиеся в новом качестве. А с другой стороны, те же самые гуситы, анабаптисты, адамиты, катары...

Мы возвращаемся к очищенному противостоянию жрецов и воинов. А вот кого низы поддержат? Всё это зависит от политических технологий и стратегий обоих этих полюсов.

О. Д.: Какой интересный поворот. Тут можно поспорить, но я хотел в этой связи задать следующий вопрос. Сегодняшняя Европа, или большая Европа, она достаточно нерелигиозна, правильно я понимаю?

Г. Д.: Ну и что? Это же массовка. Это всё равно очень небольшой процент.

О. Д.: Хорошо. Скорее, не Европа, если я правильно формулирую. Скорее, Восток, сегодняшний ислам, достаточно религиозен и сплочён. Вы предвещаете гибель либералам, которые...

Г. Д.: Они наносят удар. Не только радикалы со стороны политического ислама, но и новые правые, то есть радикальные правые из консервативных революционеров. Условно говоря, те, которые стоят за высшей моносерией чёрного интернационала. Они же бросают очень жёсткий вызов. Они ждут своего часа.

Вы понимаете, Марин Ле Пен или Хайнц-Кристиан Штрахе – это партия свободы, это просто десятилетние мальчишки с камушками, которые перед началом сражения стенки на стенку выбегают. Задиры, это же лёгкий вес. Они рассеются, но за ними стоят настоящие, реальные волки, понимаете? А дальше ещё более серьёзные пойдут. На самом деле, битва за человечество будет между радикальным исламом и этими крутыми чёрными интернационалами.

Я вам скажу такую интересную вещь: в ИГИЛ¹ сегодня 22 % – это не просто мусульмане из Европы, это этнические европейцы, принявшие ислам. 22 %!

О. Д.: Вы имеете в виду ИГИЛ, запрещённую организацию, которая называет себя халифатом и так далее.

Г. Д.: Да, да, да. 22 % – это реально французы, итальянцы...

О. Д.: Откуда у вас такие данные?

Г. Д.: Эти данные приводит француз Николя Энэн, журналист, который около десяти месяцев назад был освобождён из плена. Причём он сказал, что Олланд встретился с ним после освобождения и, глядя ему в глаза, сказал очень многозначительно: «Имейте в виду, мы за вас не платили!»

¹ Запрещённая в России террористическая организация.

О. Д.: Хорошенькое заявление.

Г. Д.: Но почему-то стали раскручивать этого Энена, и его испытания в ИГИЛ, и вообще что он об этом думает не тогда, когда он вернулся из плена, а буквально сейчас, в декабре. И он сказал, что он там через всё прошел. Говорит, что там 22 % наши люди, европейцы. И те, которые мусульмане из Европы, они тоже наши люди. Они используют те же понятия, они ту же философию западную освоили, с ними легко можно найти общий язык. Но 22 % – это этнические европейцы. А так там половина тех, кто родился в Европе.

О. Д.: Колоссально! Я не знал этих цифр. Просто обычные французы, итальянцы...

Г. Д.: Обычные французы, немцы. Потому что это та площадка, на которой можно бросить вызов существующему положению, статус-кво. Ну что там валять дурака и говорить, что надо повысить налоги на производство? И ходить после этого гордо, как наследник Маркса и Ленина?

О. Д.: Ну понятно. Или бегать с плакатами и требовать каждому по кусочку. На самом деле, недавно замечательная статья была о том, что 60 человек владеют более чем 50 % собственности в мире, это 60 семей, если я правильно помню.

Г. Д.: Да, шестьдесят две. А несколько лет назад, в 2010 году, их было триста восемьдесят восемь. В пять раз сузился этот круг. Марксистским языком – это концентрация богатств в одних руках.

О. Д.: Да.

Г. Д.: Причём у 3,6 миллиарда, то есть у половины человечества, за это время то, чем они владеют, снизилось на триллион долларов, а у этих шестидесяти выросло на триллион семьсот миллиардов. Значит, они не только с бедной половины, но и с другой прихватили. Не только триллион перекачали себе, но и зацепили не самых бедных.

О. Д.: Да, прихватили всё, что могли. Логично на самом деле.

Г. Д.: Просто я считаю, что это определённый признак, это симптом, но это не главное зло. Некоторые говорят: вот оно зло! У этих всё, у других ничего.

Но это симптом, это проявление того, что общество превратилось в некую машину зла. Но почему так произошло? Потому, что зло онтологически обществу присуще, инертно. Потому что сама организация социума построена на неких схемах, алгоритмах, которые по сути своей антидуховны, абсурдны, бессмысленны. Религии же всегда против общества. Их приспособливают жрецы.

О. Д.: Да, я помню ваше утверждение, что человек – враг Бога. Оно надолго в моей памяти осталось.

Для правых и левых есть шанс при условии, что они будут нести в себе заряд пассионарности. В конечном счёте именно воля к борьбе и победе сведёт воедино богатырей протеста, которые уже сейчас, как всадники Апокалипсиса, маячат на горизонте.

Глава 2

Обыватель и миф о прогрессе

Обыватель верит в прогресс. Это своеобразный гвоздик, на который обыватели навешивают свои ожидания, комплексы, страх перед собственной малоценностью и мечту о постоянном комфорте. Собственно говоря, идея прогресса неотъемлема от идеи счастья, точнее, либерального понимания счастья.

Конечно, есть некое подставное, расписное представление о счастье: домик в деревне или, наоборот, на вершине индивидуального холма, разбухшие от молока вымена, детишки, кувыркающиеся перед этим домиком...

Но, если честно, счастье – это, безусловно, таинственный и мистический опыт переживания безвременья. Тут обыватель попадает в противоречие с самим собой. Прогресс только усиливает фактор времени, грузит его, повышает стоимость каждой минуты. То есть прогресс, распоряжающийся появлением новых гаджетов, – это враг счастья, если последнее всё-таки не понято как наличие крепкой избы.

Американцы впервые вбросили такую низменную и сверхпримитивную концепцию счастья, приплюсовав к ней всеобщее право на него. Кстати, внимательное изучение русской литературы, особенно последних десятилетий перед революцией, показывает глубокую зависимость русского геиштальта от Конституции США.

О. Д.: Мы продолжаем цикл наших передач, и сегодня у нас интересная тема. Мы поговорим об обывателе и мифе о прогрессе.

Вы знаете, я на «Фейсбуке» запросил небольшой анонс, я его прочту. Вы, наверное, заметили уже, друзья мои, что благодаря усилиям масс-медиа в последние десятилетия выведен новый тип человека, который презирает духовное усилие, хочет только потреблять, боится палки и любит попсу, при этом считает себя апологетом и составной частью прогресса. Давайте немного поговорим о том самом обывателе, которого мы видим вокруг себя. Ведь вокруг нас, собственно, одни обыватели и находятся. Или, Гейдар, с чего мы начнём разбирать? С мифа, прогресса или с самой фигуры обывателя?

Г. Д.: Обыватель, он, наверное, не потребует большого объёма анализа, потому что его очень легко определить. Это человек, который полностью заточен на аргумент тела, а тело, в свою очередь, заточено на аргумент комфорта. То есть это гедонист, эпикуреец, в таком слабом выражении, ослабленном, конечно, всякими матрицами этического порядка. С детства ему вбивали в голову, что нельзя отбирать игрушки, нельзя не делиться конфетами, и это немножко осложняет ему жизнь. В принципе, конечно, он не хотел бы делиться ничем, но есть какие-то осколки этических матриц. В общем, ему понятны только материальные аргументы. Если обыватель начинает рассуждать о геополитике, то все его рассуждения сводятся к тому, что войны идут из-за раздела нефти и газа; гражданские войны вспыхивают потому, что их устраивают спецслужбы, которые, опять-таки, хотят тянуть или не тянуть в этих местах газопроводы, и выше этого он подняться не может, потому что вся история для него – это просто раздел песочницы и отъём жизненного пространства. Это на мой взгляд.

О. Д.: Но, может быть, это не так плохо, когда большинство людей живёт в подобных канонах: живи вкусно, дай немного жить другим...

Г. Д.: Но это большинство людей возникло сравнительно недавно. Если мы переместимся хотя бы на сто лет назад, то увидим, что подавляющее большинство горожан и, тем

более, подавляющее большинство сельских жителей были вписаны в религиозную матрицу, которая, конечно же, подразумевала альтруизм, определённую жертвенность, готовность к физическому самоограничению. В России, например, среди дворянства была очень распространена идеалистическая этическая модель поведения, когда было стыдно делать какие-то определённые вещи.

О. Д.: Почему эта модель вдруг исчезла? Сейчас, насколько я себе представляю, молодое поколение в принципе живёт ради айфонов и прочего, а те самые «идеалы космических полётов», которые ещё были так популярны, скажем, 50 лет назад, они ведь исчезли. Все стремятся поближе к корыту.

Г. Д.: На моих глазах происходила борьба между носителями идеала «космических полётов» и идеала «носителей корыта». Я сейчас расскажу о своём личном опыте, а потом мы перейдём к более общим моментам.

В 1961 году вышла новая программа Коммунистической партии Советского Союза. Эта программа говорила о том, что наше поколение будет жить при коммунизме через каких-нибудь двадцать лет, в 1980 году. И она дала впервые определение, что такое коммунизм, с точки зрения Хрущёва и его присных. Это было очень вульгарное описание. Чудовищно роняя авторитет этого слова, которое ранее было окружено достаточно мистическим ореолом. Оно было окружено ореолом сверхъестественного. Ведь что такое коммунизм? Коммунизм – это голубые сады на Марсе.

У Алексея Толстого есть такой сборник – «Голубые города», где он прямо указывал на то, что мотивировка страшных лишений, на которые шёл российский народ (гражданская война, холод, хлебные пайки по 200 граммов хлеба в сутки), – это не для того, чтобы есть от пуза колбасы. А потому что, как он писал: «Повелитель Гусев стоял, разгадывал объявление о полёте на Марс и говорит: “Я полечу, чтобы там дальше делать мировую революцию”».

На самом деле, вот такие люди были солью. Конечно, мешочники, которых ловили и расстреливали, они, наверное, были доминантной нотой внизу, но двигателем исторического процесса были такие вот Гусевы – носители мечты. Толстой очень хорошо описывает всё это. Но товарищ Сталин об этих «двигателях исторического процесса» позаботился. Он расстреливал, сажал, уничтожал людей, которые являлись носителями идей, идеализма. Если ты веришь в революцию, если ты считаешь себя ленинской гвардией, то путь тебе только один – в общую могилу, в безвестный ров. Уже в 1935 году благодаря такой его садоводческой деятельности в партии осталось менее 2 % людей, вступивших в нее до октября 1917 года.

Что это значит? Это значит, что люди, которые вступили туда по зову сердца, когда партия была ещё ничем, были выбиты, а вот те, которые были конъюнктурщиками и вступили туда уже после октября 1917 года, они как-то ещё выживали. Но дальше уже слоями начинали работать и с ними.

О. Д.: Но всё-таки были и идеалисты. Королёв, например, был идеалистом.

Г. Д.: Это учёный.

Но они тоже при Сталине были шарашкой, потому что их использовали. Они могли бы и без шарашки работать, но, видимо, так считалось, что в шарашке как-то лучше.

Сталин занимался выведением обывателя, ему нужен был обыватель, нужен был человек, ориентированный на корыто, на колбасу, на верность хозяину, на безыдейность. Это была целенаправленная установка. Поэтому он покончил с партминимумом, партмаксимумом, ввёл «корыто и вертушку», такие вот главные термины партноменклатуры, фактически это распределитель. И всё это в качестве морали распространилось сверху вниз, зацепило всех. И на моих глазах в 1961 году, после того как было брошено, что коммунизм – это бесплатная колбаса, развернулась бурная полемика. Народ получил оплеуху. На бессознательном уровне было религиозное чувство, религиозное понимание коммунизма как преобра-

жения реальности, преображения природы, некоего таинства, ожидания появления нового человека, перерождения нас самих, как только он настанет.

О. Д.: А когда он настанет?!

Г. Д.: Это вынесено за скобки.

Это как воскресение и вхождение в новую реальность.

И вдруг тебе говорят, что через 20 лет конкретно у вас у всех будет бесплатная колбаса, хлеб, не надо будет платить за квартиру, и прочее, прочее. Как бы всё будет хорошо.

Но коммунизм – это должно быть что-то другое. И вот появились некие молодые люди, учёные, тот же Казанцев, например, которые вступили в полемику. Они сказали: «Слушайте, получается, что у нас нет идей высоких, но мы же должны заряжаться неким пафосом, и на самом деле цель коммунизма – это выход на уровень ноосферы, как говорил ещё Вернадский. Это, знаете, овладение до 5 % масштаба той энергии, которую Солнце роняет на Землю. Как только эти 5 % будут достигнуты человечеством, человечество выйдет в околоземное пространство, а по достижении 10 % начнёт менять физические законы. А что значит – менять физические законы? Главное, и это цель (читал это своими глазами) – в новом мире остановить второе начало термодинамики.

О. Д.: Да, это суперзадача.

Г. Д.: Да, в масштабах Вселенной.

Вселенная остывает, а человечество делает материю бессмертной, то есть материя благодаря человеку развивается до ноосферы, а потом ноосфера задним путём начинает, как Мюнхгаузен, вытаскивать себя за волосы, преображать материю и менять её законы. Но там такой вой поднялся по поводу этих заявлений, этих людей так оттоптали... Какие-то там министерства, академики писали в «Известиях», что это уже совсем идиоты. Ну о чём может идти речь?! Ну конечно же, колбаса, ну конечно же, всё ради колбасы.

О. Д.: Слушайте, может быть, именно поэтому Стругацких так долго не печатали? Но тем не менее их известные произведения перепечатывались на машинках, интеллигенция их как-то читала, переписывала от руки. Ведь Стругацкие были представителями идеализма.

Г. Д.: Я бы сказал, что это не идеализм, а космизм. Это осколки русского космизма. А русский космизм, в свою очередь, является некой ветвью западноевропейской платонической традиции. Не забывайте о том, что космизм незаслуженно забыт. Гегель – это просто Платон сегодня, или вчера, через две с половиной тысячи лет. Это некий итог переваривания Платона западноевропейским менталитетом, и в общем-то одна из струек этого направления – это космизм. Но шла борьба с идеализмом большевистского типа, я бы даже сказал, троцкистского типа, потому что Троцкий был его покровителем. Вот интересно, что русские и семиты ненавидят Троцкого. Они говорят: «Он убивал казаков, мучил русских людей» и прочую бредятину. Они, как люди невежественные, не понимали, что Троцкий был главным защитником всего именно русского.

Во-первых, он был защитником Есенина и его покровителем. Как только Троцкого поперли из ЦК – Есенина убили, инсценировав самоубийство.

Про казаков: рассказыванием занимался не Троцкий, он как раз был покровителем казаков. Рассказыванием занимался Сталин и его люди. Травили и уничтожали казаков сталинисты, а Троцкий был защитником казаков.

Далее, Троцкий был покровителем русского религиозного национал-большевизма. Я уже упомянул, что он покровительствовал Есенину, но он покровительствовал и Клюеву, который был учителем Есенина. А Клюев – это уже старообрядческое ядро, ядро большевизма снизу – народный большевизм. Это «керженский дух», который есть у Ленина, как пишет Клюев. Вот этому-то всему и покровительствовал Троцкий. Именно Троцкий со всем антирусским боролся, а вот кто боролся с русским, так это был русский Бухарин.

Русский Бухарин (чисто русский) – любимец партии, так называемый правый коммунист, боролся с балалайкой, с Есениным, с Карпатской Москвой, со всей старой Русью, он был автором лозунга «Обогащайтесь», то есть он был таким либерал-гедонистом.

О. Д.: Говоря проще, если бы Троцкий остался вместо Сталина, у нас бы идеалистов было побольше в стране.

Г. Д.: Прежде всего, если бы Троцкий остался, то изменилась бы в значительной степени геополитическая карта мира. Потому что в 20-е годы Европа стала бы социалистической. В конце концов, именно товарищ Сталин провалил наступление на Европу, и его след есть в том, что сорвалось наступление на Варшаву (в 1920 году), хотя все карты были на руках: падение Варшавы открывало путь на Берлин.

Сталин срывал революции и после этого. Например, в 1936 году Франция была на волоске от революции, и Сталин сделал всё, чтобы коммунистическая партия саботировала народное движение.

О. Д.: Да, понятно. Вернёмся к обывателю. Итак, к 80–90-м годам прошлого столетия, когда распадался Советский Союз, во многом обывательская психология наших сограждан вышла на первый план, и все эти идеальные представления о мире будущего с яблонями на Марсе и изменением второго закона термодинамики отошли на задний план, и сейчас про них почти никто не вспоминает.

Так вот, обыватель сегодня даже не вспоминает об идеалах. И если в сталинское время или, скажем, в 60-е годы, когда появилась хрущёвская программа построения коммунизма, всё-таки об идеалах ещё спорили, то сейчас практически об этом никто и не вспоминает. Или остались такие представители идеального мира?

Г. Д.: Абсолютно, по-моему, нет, кроме очень узких кругов.

Это практически некий эксклюзив, например люди, близкие Дугину, сам Дугин. Он вошёл в академический истеблишмент, всё-таки профессор и дважды доктор наук. Поэтому можно сказать, что он является уже не маргиналом, а носителем генома интернационализма, причём совершенно официально. Он один, ну, может быть, у него есть несколько учеников. Все остальные, которых мне приходилось читать, это просто звериный материализм, даже не материализм, а агностицизм, ползучий эмпиризм. Это, конечно, гедонизм и крайне заземлённая форма эпикурейства. Это «империализм лайт», я так считаю. А в «империализме лайт» нет и этики никакой. Этика не работает в наших российских условиях.

О. Д.: А вам не кажется, что в этом есть влияние англо-американского мира, англосаксонской модели?

Г. Д.: Есть, потому что англосаксонская модель дала очень много таких образцов гедонизма, агностицизма, ползучего эмпиризма, которые привычны для англосаксонской мысли.

О. Д.: В своё время я наткнулся на цитату Оскара Уайльда, он определял цинизм так: «Циник – человек, знающий всему цену, но не знающий ценности». Это очень понятно звучит, действительно, «всё можно купить», и сегодняшнее общество ведь такими категориями и мыслит.

Г. Д.: Но англосаксонская модель корректируется тем, что существует некое масонское протестантское ядро, которое абсолютно реально верит в провиденциализм, в конец истории, в преображение мира, в спасение человечества, в то, что Иисус любит тебя. Это именно то, что у Буша в голове. Это ядро, оно есть, и оно имеет серьёзное влияние...

О. Д.: То есть Бог хочет, чтобы ты был богатым?

Г. Д.: Дело в том, что этого корреллятора здесь нет. Здесь нет ничего подобного Бушу, ничего подобного библейскому поясу фермерского протестантизма, а на самом деле тут есть более широкий спектр проблем. Мы начали с обывателя и прогресса. Прогресс для обывателя очень тесно связан с его заточенностью на аргумент тела, потому что прогресс для него есть повышение комфорта. Фрейд определял изначальное состояние человека как океани-

ческое блаженство, которое испытывает зародыш в матке, потому что он плавает в околоплодной жидкости и у него абсолютная защищённость, абсолютное отсутствие неприятных раздражителей, которые материнский организм берёт на себя, и он находится в абсолютном слиянии с окружающей средой, где субъект и объект не различаются. Но потом происходит травма рождения, когда он проходит через родовые пути, попадает сразу на холодный воздух, ему в глаза резко бьёт свет, в ушах звучат крики и неприятные голоса, и дальше он стремится вернуться к этому своему океаническому блаженству. Всё, к чему он стремится, – это погасить влияние среды и вернуться в состояние эйфории, комфорта. Так вот, для обывателя прогресс есть не что иное, как движение назад, всевозрастающее движение от резкой неприятной среды к этому состоянию океанического блаженства, или к «золотому веку», когда между человеком и средой не было зазора. Он не знал, что такое снег, дождь, холод, иней, и не нуждался ни в огне, ни в пещере, а просто купался в водах этого мира.

А что такое прогресс? Прогресс – это искусственная технологическая замена мистического «золотого века». Это гаджеты, самолёты, которые переносят тебя за два часа на расстояние 100–1000 километров. Это медицина, которая тебя защищает, и весь прогресс, привязанный к телу.

А в действительности прогресс несёт в себе и очень серьёзный негативный смысл. Вот допустим, если посмотреть на современный мегаполис, где 90 % жителей – потомки тех, кто сидел по медвежьим углам ещё три поколения назад. Какие-то рыбаки, если взять Париж – то это бретонские рыбаки, какие-то крестьяне, а французские крестьяне сто лет назад были очень дремучими, не менее дремучими, чем российские крестьяне. Они сидели все по своим углам, и, метафорически выражаясь, время их с точки зрения тогдашней экономики стоило копейку, причём день, год, а может, и вся их жизнь стоила копейку, если посмотреть с экономической точки зрения. А у их потомков, которые уже являются офисным планктоном, час уже стоит очень дорого. В этом смысле прогресс есть не что иное, как повышение стоимости жизненного времени обитателей мегаполиса. И мы видим, что воронка этого прогресса заточена на то, чтобы увеличить массу стоимости коллектива, этого человеческого материала.

Сначала повышаем стоимость времени мужчин, потом мы видим, что у нас есть ресурс – бабы не работают, бабы занимаются чёрт-те чем: стоят у плиты, с детьми возятся. Ну-ка давайте их в экономику бросим и за счёт этого тоже накрутим стоимость их жизненного времени и получим прирост общего капитала, связанного с человеческим временем. После этого начинаем смотреть – а где у нас ещё фермеры сидят. Сокращаем эти медвежьи углы, заставляем их мигрировать в город. Сначала безработными, потом используем их на примитивных строительствах дорог, заводов. Если они в конечном счёте всё же оказываются безработными, то мы нагружаем их функцией участников социальных программ, то есть они получают пособие, и вокруг них крутится ещё много людей, которые получают за то, что занимаются этими безработными.

Таким образом, прогресс заключается в том, чтобы наращивать стоимость человеческого капитала. Которая заключается в оценке времени, а ведь это, честно говоря, есть отчуждение в чистом виде, то есть это прямое ограбление человека. Да, конечно, офисный планктон не будет сравнивать себя с дедами и прадедами, потому что офисный планктон ходит на фитнес, в ночные бары и клубы и он доволен своей жизнью. Но ведь офисный планктон двумерен абсолютно, ибо вся его жизнь – это трансформация длительности в стоимость. Вот это и есть прогресс.

О. Д.: Что получается? В чём смысл? Я так понимаю, что идеализм, который был во многом определяющим сто – сто пятьдесят лет назад, сейчас не продаётся. Продаются автомобили, айфоны, фитнес, а идеализм продать нельзя, разве только в виде секты какой-нибудь или подходящей религии для общества. В этом дело?

Г. Д.: Я думаю, что ситуация реально такова, что сто пятьдесят лет назад идеализм никто не продавал, он был остаточным, это была задержка предыдущих матриц, которые не успели ещё рассыпаться. Можно отметить, что обыватель всегда живёт в предыдущем столетии, а элита – в следующем. Скажем, в XX веке средний человек живёт в XIX, а авангард – в XXI веке. То есть авангард находится в постмодерне, а обыватель и низы – ещё при Дарвине, при теории эволюции, при борьбе с церковью.

О. Д.: Я сейчас подумал, а может, не так плохо, что столь много обывателей? Пусть это стадо живёт себе и живёт, а люди смышлёные, быстро соображающие могут получить себе много благ жизни.

Г. Д.: Так это приведёт к тому же самому, к колбасе и к аргументу тела. Вопрос, однако, заключается в том, что, если мы имеем цели в жизни, они всегда автоматически уходят за рамки сугубо индивидуально человеческие, то есть они являются надындивидуальными. Фактически невозможно иметь цели, которые были бы ограничены рамками человеческого индивидуально-телесного формата. Есть такой убогий вариант, это американская мечта, индивидуальный проект каждого американца. Когда американец рождается, у него есть задача реализовать некий образ: домик, семья, которая растит детей, газонокосилка и определенное комьюнити вокруг в данном местечке. Но это, я бы сказал, исключительно уродливая вещь, она была бы ничего себе, если бы была замкнута и склеена клейкой лентой, как в некоторых американских фильмах показывают, – бесконечное вращение на том свете. Вопрос в том, что человек смертен, а смертность ставит вопрос о смысле всего остального...

О. Д.: Смертность человека всему придаёт смысл...

Г. Д.: Да, она всему придаёт смысл и одновременно лишает смысла многое. Все эти мелкие детали, которые погружают человека в жизненный сон: домик, газонокосилка, дети, пошедшие в школу. Я называю это «минимальным человеческим пониманием». Я писатель и делю людей на две группы: которые его имеют и которые не имеют. Не имеющие могут быть очень талантливыми. Но поясню, что я хочу сказать: есть Лев Толстой, он классический обладатель этого «минимального человеческого понимания», которое он выразил в рассказе «Смерть Ивана Ильича». Иван Ильич обнаруживает, что он умирает, и он шаг за шагом понимает, что всё, что для него было ценностью, абсолютно бессмысленно. Он думает: у меня есть Анненская лента, Станиславский меч, я тайный советник, но всё оказывается мелочью перед лицом смерти. У Льва Николаевича Толстого было это минимальное человеческое понимание, которое начинается с отмены всех ценностей первичного жизненного сна перед лицом смерти. Парадокс, но у Достоевского его не было. Достоевский не имеет минимального человеческого понимания и избегает его иметь. Он более драматичный, более насыщенный, но у него нет этого минимального человеческого понимания. Так вот, Америка стоит на полном отсутствии минимального человеческого понимания, у неё вообще нет идеи, что смерть отменяет весь этот бред, который называется жизнью.

О. Д.: Вот как. То есть ты живёшь один раз, и постарайся от этой жизни больше всего забрать, правильно я понимаю такую логику?

Г. Д.: Я думаю, концепция заключается в том, что ты реализуешь одно желание за другим. Они же как говорят друг другу и всем остальным: «В этой стране ты можешь сделать всё, что хочешь, можешь стать кем хочешь, реализовать любой план, ты можешь даже стать президентом США». Всё это вместе образует яркий фейерверк возможностей, из которых исключены те, что эта штука гаснет или её можно обесточить. И потом, если посмотреть изнутри, то президент США ничем не отличается от чирлидера (девочки, которая мотивирует команды, размахивая флажками). Всё основано на том, что человек находится в глубоком сне и этот сон не должен прерываться. Потом он засыпает в доме для престарелых и просыпается, когда к нему приходят родственники попрощаться.

О. Д.: Я когда-то в молодости прочитал Жана-Поля Сартра, если не ошибаюсь, концепцию смысла жизни, и была она сформулирована примерно так: «Смысл жизни в том, чтобы поинтереснее замаскировать бессмысленность своего существования». Меня, конечно, огорчила эта идея, я пытался как-то поинтереснее маскировать бессмысленность своего существования, но ничего особенного не получилось. Что же делать, я вас спрошу, как человека умудрённого? Какой же выбрать путь?

Г. Д.: Я почему остановился так подробно на американской бессмыслице? Потому что я хотел сказать, что любое движение к смыслу выводит нас за рамки чисто человеческого пространства, то есть дома и семьи. Это всегда проект, связанный с перешагиванием границы. Почему, собственно говоря, в традиции революционных движений, в исторической традиции социализма всегда говорилось о новом человеке? Потому что нет смысла давать свободу, равенство, полноту материальных возможностей человеку, который имеется сейчас. Мы имеем вокруг себя таких людей, которых мы наблюдаем. Допустим, с позиций французских просветителей XVIII века мы говорим, что все права перейдут самим гражданам, и будем добиваться, чтобы короля не было, а взамен него все плясали бы под карманьолу, и все эти людишки были бы вместо короля. Даже для самых крутых якобинцев такое было бы бессмысленно. Поэтому подразумевалось, что люди будут другими, что они действительно превратятся в сверхлюдей, титанов, ангелов, и им будут принадлежать и равенство, и братство, и свобода, и всё-всё-всё. Но это есть перешагивание границы. Если утверждать, что всё должно принадлежать этим серым, убогим, ничтожным, я думаю, что от этого открестился бы и Жан-Поль Марат, и все бы открестились. У многих есть идеи перешагивания за границы человека, и это правильно, потому что человек – это туча, которая чревата молнией. Я не хочу здесь цитировать Ницше: «...я учу вас о сверхчеловеке; он – это молния, он – это безумие», нет. Сверхчеловек – это не религиозная концепция, это антирелигиозная концепция. Но саму религию надо понимать шире. Религия – это не только поклонение Творцу, это гораздо более путаная вещь, для которой поклонение творцу есть некий фон, некое оформление. Религия – это проект преодоления чудовищной тягости, чудовищного закона тяготения. Мы все находимся в поле тяжести, не просто в поле земного притяжения, а под воздействием гравитации. Мы находимся в гравитационном поле: это то, что превращает энергию в вещество, то, что сгущает субстанцию. Сначала субстанция огненная и лёгкая, свободная, бесконечная во всём своём протяжении, а потом она превращается в сгусток, в чёрную дыру на выходе, и это рок. Рок – это есть движение от лёгкого и subtilного к густому, плотному и не выпускающему даже свет из своих чёрных объятий. Это и есть то, что именуется движением времени, движением рока. Собственно говоря, пафос дохристианских, доисламских, греческих героев – Одиссея, Ахилла – в чём состоял? Они бросали вызов року, они поднимались и бросали вызов року, бросали вызов гравитации, понимаемой в метафизическом и духовном смысле. Это суть религии. В чём заключается сверкающий пафос монотеизма, ислама? В том, что этим героям дано обещание – они будут правы. Древнегреческим героям никто не давал обещания, что они будут правы. И Одиссею, и Ахиллу никто не давал обещания, что они будут правы.

О. Д.: А Прометей приковали к скале, и орлы долго клевали его печень.

Г. Д.: Прометей не герой, он титан.

О. Д.: А, понятно.

Г. Д.: Герой поднимался, зная, что он обречён. Он поднимался на баррикаду своей экзистенции, зная, что проиграет, потому что древнегреческий герой в своём замечательном шлеме с конской гривой, с коротким мечом и с голыми ногами, стоящий среди скал и морей... Знаешь, есть среди этого мироздания, абсолютно несправедливого и абсолютно ошибочного, такая прореха. Он был обречён, но он всё равно поднимался. В конечном счёте именно этому герою приходит обещание, что он может выйти к свету. Существует обещание.

В этом, собственно, суть откровения библейских пророков, я имею в виду авраамических. В этом суть нашего чистого монотеизма, который идёт от Авраама. Древние греки остались без этого, а у нас это есть. У нас это есть, если правильно понять и правильно использовать.

Но не можем – и это главное в нашей жизни. Поэтому борьба с «не можем» – это всегда религиозная борьба. А «искусство возможного», реальная политика «искусства возможного» есть рептильное искусство приспособления. Это как раз антирелигиозный путь обывателя. И хочу подчеркнуть ещё раз, что прогресс – это чудовищное, убийственное, античеловеческое движение. Античеловеческий прогресс, в ходе которого человек просто... Человек просто заменяет сейф, из которого берут деньги, открывают, когда нужно, берут пачку за пачкой, тратят, и в конце концов рука просовывается в очередной раз, а там пусто на полке, человек полностью пуст. Невозможно сделать время человека более задействованным, чем время офисного планктона в Париже или в Нью-Йорке, где он крутится как белка в колесе. Выше этого уже не прыгнешь. А нет ресурса – и в кого прогресс превратит остаток человечества, эти бедные 3,5 миллиарда людей, которые живут на доллар в сутки, если нет возможности подтянуть их ближе к Нью-Йорку, таких денег попросту нет. В Советском Союзе в своё время решили этот вопрос – 150 миллионов мужиков сделали стахановцами, гагановцами, героями, а сейчас у 700 миллионов человек в Африке нет таких денег.

Освободить обывателя от идиотизма идеологии прогресса – это дело благое, потому что вместе с таким освобождением обыватель должен перестать быть обывателем. Но, поскольку затраты исторической субстанции на трансформацию обывателя чрезвычайно велики по сравнению с мизерным результатом, те, кто идут в авангарде, лучшие пусть сразу освободятся от желания «нести свет людям».

Глава 3

Почему бессмысленно проектирование идеального общества?

Главный и безусловный враг человека – это, понятное дело, общество как таковое. Человек предстоит перед обществом: он, фигурально или буквально выражаясь, стоит на коленях, общество же является ему в виде огромного храма с широко распахнутыми дверями и сиянием, исходящим изнутри. Там, внутри этого храма, нет жрецов. Точнее, всякий, кто вошёл, становится жрецом.

И в чём же цель проектирования? Неужели кто-то думает, что «идеальное общество» корректирует «искривление» человеческого фактора? Да нет, конечно. Идеальное общество просто отменяет человеческий фактор как глупую архаику.

Но на пути этой машины встаёт союз смертных, община верующих, заключивших завет с Авраамом и всеми, кто от него изошёл, чтобы свидетельствовать об Ином. Вот почему, согласно преданию церкви, Христос говорит: «Царство моё не от мира сего».

О. Д.: Сегодня у нас будет тема «Почему бессмысленно проектирование идеального общества?».

Мы поговорим об утопическом социализме – почему это хорошо и почему это плохо. Что это такое – утопический социализм? Почему в течение многих тысячелетий люди живут и мечтают об идеальном обществе? Откуда это взялось, как вы думаете?

Г. Д.: Вообще эта тема стала актуальна после реализации Советского проекта, и особенно после его конца. Потому что сразу возникли вопросы: не было ли это всё изначально заблуждением? Не было ли это всё играми воображения, фантомами?

Конечно, Советский проект уходит своими корнями в очень серьёзную традицию. Это традиция Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы. И люди воодушевлялись этими учениями, по крайней мере интеллигенты, которые шли в революцию. Они воодушевлялись этой тематикой. Достаточно вспомнить Чернышевского с его фаланстерами. Сколько волн поднял этот проект!

Сегодня говорят: а реально ли было вообще построить социалистическое общество? Был ли это на самом деле социализм, не был ли социализм?

Но дело не в этом. Дело в том, что есть изначально какая-то чудовищная ошибка в том, что человек пытается решить свою глобальную проблему через изменение общества, которое в конечном итоге становится чем более идеальным, тем более страшным.

О. Д.: Позвольте, я вас перебую. Ведь мечта об идеальном обществе существовала всегда, ещё со времен разговоров об Эдемском рае, о Золотом веке человечества, где все будут счастливы, сыты, все будут друг друга любить. Будут свобода, равенство, братство, осуществляться все те мечты, которые периодически возникали в истории человечества.

Г. Д.: Золотой век – это не совсем общество.

О. Д.: Хорошо. Это мечта.

Г. Д.: Когда мы говорим «человечество» и «общество», мы должны провести очень чёткую грань. Она может быть стёрта, может произойти слияние этих двух понятий. Когда мы говорим о Золотом веке, об Эдемском рае, то мы говорим о человеке как Адаме – о таком индивидуальном человеке, предстоящем творцу, природе.

Либо, если говорится о Золотом веке, о множестве людей, то говорится именно о человечестве, а не об обществе. Общество появляется после Золотого века. Оно появляется как ответ на исчезновение Золотого века, ибо идея общества – это защита человека от враждебной среды. Что такое общество? Это компенсация взамен того, что Золотой век ушёл. Когда был Золотой век, человек не чувствовал, что были дождь, зной, жар, холод, голод.

О. Д.: Был ли он вообще, Золотой век?

Г. Д.: Будем исходить из того, что был: потому что нам об этом говорят труды Гесиода, традиция масонов говорит о том, что Золотой век был. Индийская традиция говорит о Сатьяюге, Золотом веке, веке праведности, изобилия и процветания духовных ценностей. Будем исходить из того, что был.

О. Д.: Допустим, он был.

Г. Д.: Золотой век – это не общество, это человечество, которое находится в абсолютной гармонии со средой. А общество – это компенсация, это защита, это такая раковина, которая образуется вокруг человечества, потому что среда становится враждебной. То, что она враждебна, это уже не миф, это уже обращение к какому-то неведомому прошлому, которое то ли было, то ли не было. А мы уже являемся непосредственными свидетелями того, что среда – враждебна. И это она должна быть преодолена социумом. Социум – это такая устойчивая система, которая может выдержать испытание любой катастрофой. Ну, например, если племя находится где-то там в лесах Амазонки. Где-то там какие-то проблемы возникают с наличием карпа, и карп уходит, и племя вымирает. А если мы говорим об обществе, пусть даже древнем обществе, древнеегипетском, например, или там минойской культуре, где происходили потопа и землетрясения, всё равно эта культура не стирается. Всё равно цивилизация, общество находит ресурс, чтобы восстановиться. Это некая сверхчеловеческая сила.

О. Д.: Хорошо, согласен. Почему же тогда вы считаете, что бессмысленно проектировать идеальное общество?

Ведь много раз общества к этому подбирались: и во времена Французской революции, свержения Бурбонов, и в прочие. Порубили голов немерено. Всё это под мечты о том, что называется «идеальным обществом».

Г. Д.: Напомню, что перед этим писал о «добром дикаре» Руссо. Он готовил почву к идеальному обществу не тем, что проектировал суперцивилизацию, а тем, что он призывал к уходу от цивилизации, к «естественному человеку».

О. Д.: Да. Кстати, французские просветители много что сделали на ниве идеализма.

Г. Д.: У них акценты были прямо противоположны акцентам большевизма. Потому что большевизм был ориентирован технократически, а французские просветители были ориентированы экологически, это был первый социальный экологизм того времени: добрый дикарь, свободный от язв социума.

О. Д.: Совершенно верно.

Г. Д.: Я всё же хочу ответить на вопрос: почему бессмысленно проектирование идеального общества?

Не то чтобы это совсем бесполезно. Смотря с какой точки зрения рассматривать, кем вы хотите быть в этом обществе?

Если вы хотите быть вертухаем, то это самое то.

О. Д.: А в идеальном обществе будут вертухай?

Г. Д.: А идеальное общество – это вертухайская организация.

О. Д.: Ах вот как.

Г. Д.: Конечно.

О. Д.: Но не об этом же мечтают люди.

Г. Д.: А вот вы посмотрите. Возьмите любой текст: «Город солнца» Кампанеллы. Возьмите фаланстеры Чернышевского. Возьмите Достоевского Фёдора Михайловича, где он опи-

сывает построение общества по разуму, против которого возражает человек из подполья. Это ГУЛАГ. Это разные виды ГУЛАГа. Мой тезис таков: иначе быть не может в силу самой метафизической природы социума. Социум – враг человека. Я могу объяснить и подробно продемонстрировать, почему это так.

О. Д.: То есть социум – враг человека, в случае если человек пытается создавать новый социум?

Г. Д.: Чем более он идеален, тем более он враг.

О. Д.: Ах вот какая штука! Но я попытаюсь поспорить, можно же построить социум, который бы устраивал всех людей? Всё человечество не хочет иметь границ, не хочет иметь никаких препон для своего существования: путешествий, возможности зарабатывать где угодно...

И всё человечество, условно говоря, будет акционерами одной большой корпорации, которой будет принадлежать Земля.

Г. Д.: Великолепно.

О. Д.: Представим себе капиталистическую иллюзию, капиталистическую идиллию.

Г. Д.: Великолепно. Вопрос только в том: что будет с человеком как экзистенциальной единицей в этом реализованном идеальном проекте? Потому что у нас есть два компонента. У нас есть человек, который, как говорит Фёдор Михайлович, хочет пожить по своему глупому разуму, по своей глупой воле, как он выражается.

У нас есть идеальное общество, которое может предоставлять или не предоставлять какие-то возможности, условия и так далее. Но вот их соединение! Это очень тонкая, интересная вещь. Потому что сейчас, будем откровенны, в глобальном обществе утопия реализована в чисто семантическом смысле. Утопия – что это означает? Утопия – это место, которого нет. У-топия: то есть отсутствующее место.

Что такое глобальное общество? Это общество, которого, по определению, нет нигде, потому что оно везде.

То есть утопия уже реализована технически. И что же мы видим? Мы видим довольно страшную ситуацию. Мы видим, что человеческий фактор в этом обществе редуцируется, уменьшается, сокращается, и мало-помалу нам становится всё более ясно, что общество играет роль нечеловеческого фактора в нашей жизни. Я бы даже так сказал: каждый из нас, рождаясь, сразу предстоит перед обществом как средой. Допустим, если бы я был героем Даниеля Дефо, Робинзоном Крузо, я бы то ли родился, то ли был бы выброшен кораблекрушением на берег необитаемого острова. Мне бы предстояли: море, песок, пальмы, крики чаек... – среда.

Когда я появляюсь в нашем пространстве, родившись, я оказываюсь вместо моря, песка и крика чаек (хотя это всё может быть эпизодически) в социуме, который поглотил всё!

Даже если я поеду туда, где будет крик чаек и песок, там всё равно будет социум. Потому что пляж, море – они уже стали социальным явлением. Социальным институтом.

О. Д.: Да, понятно.

Г. Д.: Но в чём проблема? Общество стало... Может, оно не стало, а давно таким являлось. Общество – это судьба. Для нас общество – это судьба в том смысле, в каком гравитация – это судьба физических тел. Вот физическое тело, имеет ли оно судьбу? Да, имеет. Над ним господствует закон тяготения, который определяет его физическую природу. Точно так же социальность является судьбой каждого из нас. И эта социальность является фактором чего-то, совершенно в нас не находящегося.

О. Д.: Гейдар, социум – враг человека, но ведь каждый человек по отдельности – это враг социума! Но большинство людей, по моему ощущению, не бунтуют против социума. Я подозреваю, что чуть ли не 99 % людей вполне устраивают общие социальные нормативы: купить жене шубу, купить машину получше. И в этих ориентирах обычный среднестатистический человек отлично себя чувствует и выживает.

Г. Д.: Правильно, потому что человек прошёл длительный процесс поглощения его как человека, как человеческого фактора обществом. Допустим, сто – сто пятьдесят лет назад в медвежьих углах крестьяне русской губернии или притонские рыбаки не были интегрированы в общество, по крайней мере в такой степени. Потому что община, которая имела место в рыбацкой деревне, или пахотная община в России – это не общество. Это действительно община. Община – это не общество. Это узкий круг людей, которые знают друг друга, это система личных связей, личных индивидуальных отношений между семьями, между членами этого маленького посёлка, городка, деревни. Но по мере того, как эти люди перемещаются в большие центры, мегаполисы, их потомки превращаются в винтики, чьё человеческое содержание мало-помалу растворяется. Потому что они довольны этим положением, потому что они просто находятся в социальном сне. Обо всём этом нельзя сказать, что это хорошо.

О. Д.: Допустим. Вспоминая свой юношеский социализм, скажем так, с усмешкой, я всё-таки думаю, что ведь во многом именно построение социальных утопий продвинуло человечество вперёд. Давайте вспомним восьмичасовой рабочий день, которого так долго требовали рабочие в царской России и права на который всё-таки подтвердили большевики.

Это одна из ступенек социальной утопии. Давайте вспомним всеобщее избирательное право, которое тоже было сначала придумано в виде социальной утопии, и наконец, его все получили, включая женщин и так далее. Вспомним разные пути, которые человечество сначала придумывало для себя в виде проекта, идеала.

Г. Д.: Возражаю категорически. Потому что и восьмичасовой рабочий день, и право женщин голосовать – это не элементы утопии. Восьмичасовой рабочий день возможен, потому что резко возрастают производительные силы, и четырнадцатичасовой рабочий день уже не нужен. Просто потому, что будет перепроизводство. Девать продукцию будет некуда, с одной стороны. С другой стороны, есть вполне хищнический настрой хозяев на то, чтобы вытянуть женщин со своих кухонь, от своей плиты и просто использовать их как разменную монету в голосовании, послать их на работу. Потому что их жизненное время тоже нуждается в капитализации. Вы представляете, когда половина общества вообще не задействована в капитализации жизненного времени? А мы сделаем так, что сейчас сотрудниц, работниц введём в социальный оборот, и насколько резко у нас подскочит совокупность человеческого капитала? Это хищническая мысль.

О. Д.: Хорошо. Если ввести женщин в социальный оборот, что происходило в начале XX века, то да. Ими достаточно легко было манипулировать и тогда, и сейчас.

Г. Д.: Я бы не сказал, что вначале ими легко было манипулировать.

О. Д.: Да, вначале не очень.

Г. Д.: Гражданские права женщины в Великобритании получили лишь в 1930 годах, а право голосовать – в Швейцарии только в 1950-х годах.

О. Д.: Всё верно, всё было по-разному. Но тем не менее они были введены в социальный оборот, им предоставили такое же право голоса, теперь женщина с радостью будет голосовать за мужчину старше среднего возраста, добропорядочного семьянина, который рассказывает, какая она молодец. А то, что он предлагает совершенно какие-то людоедские экономические реформы, её совершенно не интересует, так как она в них ничего не понимает. Он ей лично симпатичен. Естественно, половиной человечества можно легко манипулировать. Ну, я, конечно, утрирую всё, но смысл в этом.

Я продолжу. Идеальное общество всегда проектировали. Всегда это было.

Г. Д.: Давайте посмотрим на тех, кто проектировал. Не враги ли они людей?

Кстати, все эти утопии писались в основном в тюрьмах. Не исключая Чернышевского, который, если даже и не писал в тюрьме, то посидел немного там.

Но давайте не вдаваться в детали. Лучше посмотрим, что делает идеальное общество идеальным, с точки зрения тех же Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы?

Главное – это отсутствие зазора между человеком и социумом, отсутствие конфликта между ними. Человек не конфликтует.

О. Д.: Социум не требует от него, чтобы он работал, например.

Г. Д.: Нет. Требует от него, чтобы он работал, требует от него порядка, требует, чтобы строем приходили и уходили с обеда, жили в фаланстерах. Требует, чтобы все пели песни, поутру радостно обращались к светилу. Или воздавали Ему хвалу. Но всё это без внутреннего конфликта. Вот в чём заключена идеальность.

Проект идеального общества – это снятие внутреннего сопротивления индивидуума обществу, которое заменило среду.

О. Д.: Но, по сути, это зомбирование каждого человека.

Г. Д.: Вы высказали очень интересную, очень важную мысль – зомбирование. Сейчас это модно: зомбоящик, зомбирование, да.

На самом деле это, конечно, зомбирование. Почему? Потому что глобальное общество, которое, как я считаю, уже построено, реализовано, просто мы этого не видим, не сталкиваемся с этим. Но именно в нём реализована та самая утопия. Это то, с чего мы начали. Общество, которое нигде, потому что оно везде.

Бог стал социальным институтом. Природа стала социальным институтом. Нет элемента бытия, который был бы объективным. Любой социальный элемент бытия стал социальным институтом. Это касается как времени, так и пространства, а также духовных измерений. Всё стало социальным.

Если мы задумаемся, собственно говоря, почему и как это произошло, мы увидим, что это связано с фундаментальным кризисом человека. Господство общества, его расцвет, его доминирование над нами, они являются оборотной стороной, продолжением кризиса человека. Это компоненты кризиса. Перед нами – кризис бытия. Я уже сказал, что бытие стало социальным. Из объективного, каким оно было для Гегеля, не говоря уже о Платоне, оно стало социальным. Сегодня социолог, психолог, социальный работник являются философами-онтологами, изучающими бытие в гораздо большей степени, чем отвлечённые мыслители.

О. Д.: Понимаю.

Г. Д.: С моей точки зрения, это кризис бытия. Потому что оно перестало быть. Социальное бытие – это фикция. Кризис сознания. Это очень важно.

Что такое сознание? Сознание – это глубинное переживание здесь-присутствия, интуиция своей данности здесь и теперь, которое неотрывно от ощущения своей местности. Это рефлексия собственной конечности.

Что делает общество с сознанием? Общество стремится заменить это интимное сознание гештальтом. Если вы посмотрите на рекламную вставку, где молодые люди либо пьют кока-колу, либо едят мороженое, либо идут по пляжу, то это не что иное, как гештальты, которые абсолютно равны в переживании персонажа этой рекламы. У человека, который дан в этом рекламном образе, нет границы между внутренним и внешним. Люди теряют сознание и превращаются в некий пластик.

О. Д.: А зритель мечтает об этой картинке, потом её добивается всеми возможными средствами.

Г. Д.: Человека, чтобы он вернулся к самому себе, к рефлексии, к ощущению себя как здесь присутствующего, в значительной степени поддерживает язык.

Язык как средство мышления. А сегодняшний язык благодаря глобальному обществу всё больше и больше лишается статуса аппарата мышления и всё больше и больше становится средством коммуникации, а потом – и посткоммуникации. На финальном этапе язык превращается в набор сигналов, которые вы не можете связно воспроизвести, потому что там нет никакого содержания.

В качестве примера послушайте выступление какого-нибудь политика или чиновника, который должен вам объяснить, что всё не так уж плохо. Например, в Алма-Ате, на медиафоруме, куда я некоторое время ездил каждый год, выступали серьёзные люди. Например, сенатор США, который приехал для того, чтобы объяснить смену курса на миролюбие (только что Обама пришёл). И его спрашивают: «А почему вы из Афганистана не уходите? А почему вы отсюда не уходите?» И он, начиная отвечать, говорит: «Ну, прежде всего, позвольте мне выразить благодарность за ваши вопросы и за тот интерес, который вы проявляете». Это первая и последняя фраза, которую вы можете воспроизвести, потому что всё, что он дальше говорит, – это набор бессмысленных звуков.

О. Д.: Как говорит молодёжь: это сплошная мука.

Г. Д.: Это сплошная мука. Я до этого уже разрабатывал теорию посткоммуникации в современном обществе и оказался перед живым примером своей собственной теории. Я сидел рядом с ним. Я слушал и не верил своим ушам. Я понимал все слова, но не мог понять ни одной мысли. Там люди сидели и тоже хлопали глазами.

О. Д.: Гейдар, у меня такой вопрос.

Г. Д.: И, кстати, он был чистым гештальтом – человеком, у которого не было внутри ничего.

О. Д.: Понятно. Вот вопрос: давайте подумаем о тех людях, которые проектировали идеальное общество на разных этапах нашей истории, которую мы можем обозреть. Давайте возьмём Ленина, Карла Маркса с командой... может быть, Наполеона, который хотел создать единую Европу. Эти люди были больше идеалистами или манипуляторами? Понимали ли они, что они делают?

Смотрите, любопытная штука! Я когда-то думал, что Ленин с командой на территории России были, что называется, когортой злобных карликов в песочнице с детьми. Они же повели за собой детей, по сути, – крестьян...

Г. Д.: Христиане в меньшей степени пошли.

О. Д.: И тем не менее они же во многом людей обманули. И сама идея проекта идеального общества – они в него верили? Или это была жёсткая манипуляция?

Г. Д.: Ну, конечно, верили. Если кто читал «Государство и революцию» Ленина (книга была написана перед революцией), то там чётко излагалась идея: государство – это враг, а идея революции состоит в том, чтобы ликвидировать его необходимость, отменить его, снять его. И основной пафос книги – ориентир на общую демократию. Но когда власть реально оказалась в руках у революционеров, Ленин внезапно осознал, что в Советах есть не только большевики, но и эсеры. И если дать власть Советам по-настоящему, то, собственно говоря, «а кто пахал-то»?

О. Д.: Да, да, да.

Г. Д.: Поэтому Ленин сказал «нет». Пока подождём, пока государство будет над Советами.

Ленин был не только идеалист, но и реальный прагматик, исходящий из необходимости удержать власть в своих руках, в руках своей партии. Но, конечно, он был искренним человеком, и я могу сказать, что он был занят не проектированием идеального общества, он был занят радикальной космической идеей. В чем состоит сущность и дух ленинизма? Диалектико-материалистическая идея заключается в том, что материя через гармонию сверхсложности развивается, развивается, развивается, повышая свой статус до появления ноосферы. А потом эта ноосфера начинает задним числом менять законы самой материи и преобразовывать эту материю. Это главная диалектико-материалистическая идея.

Ленин переносит всё это в социальную сферу: аналогом материи является простой бедный народ, которому даётся возможность через Советы управлять собственной судьбой (помните, и кухарка должна управлять государством), и в итоге народ сам себя вытаскивает

за волосы, приходит к тому, что осваивает ноосферный разум. Социум от чёрного перегноя низших классов поднимается до...

О. Д.: Понятно, что в 1917 году были созданы великие социальные лифты.

Г. Д.: Это метафизическая идея. Здесь надо смотреть не на практику (что там были лифты, что поднялись такие люди, как Цандер и Королёв), а на метафизическую идею самоуправляющейся материи. Она самоуправляется, порождая человека. И она должна самоуправляться в социальном плане, когда простой народ приобретает статус саморуководящегося. Идея была именно в этом.

О. Д.: Шариков идёт руководить отделом очистки. Ну что же теперь поделаться?

Г. Д.: Пародия была очень чёткая, потому что можно сказать, что пёс трансформировался в человека, а потом он стал уже главным.

О. Д.: Тогда я вам такой вопрос задам, может быть, немного провокационный. Вы считаете, что не нужно проектировать идеальное общество? А что же нужно проектировать?

Г. Д.: Дело не в том, нужно или не нужно. Проектируют идеальное общество и становятся его жертвами разные люди.

О. Д.: Я понял.

Г. Д.: Мы должны определить, что такое общество. И мой тезис заключается в том, что общество – это не сумма живущих. Некоторые думают: есть семь миллиардов людей на планете... Так вот, общество не есть сумма семи миллиардов живущих. Общество – это сумма живших, это конденсированное жизненное время миллиардов человеческих существ, которые ушли и оставили свой след в виде соборного капитала. Всё, что мы видим, – это плод бесчисленных поколений, включая рабов Древнего Рима и рабов Древнего Египта. Любой камень, всё, на что мы посмотрим, сады из высаженных пальм где-нибудь на Крите, это всё – конденсированное жизненное время миллиардов существ, которое оценивается, переоценивается, зачастую и задним числом. Например, особняк, построенный в XIX веке, сегодня объявляется памятником истории и стоит в сто раз больше, чем он стоил бы при постройке. Черепок, который не стоил в момент создания ничего, через 3000 лет уже на вес золота или дороже, потому что он представляет собой свидетельство культуры.

О. Д.: Всё, что мы видим вокруг себя, – это и есть наше общество? Включая наших предков...

Г. Д.: Хозяин жизненного времени умерших, то есть общество, – это книга мёртвых. И этот хозяин представляет собой не человеческий фактор. В целом это система, когда живые предстоят сокровищнице смерти, сокровищнице прожитого времени, которое конденсировалось в факте «здесь и теперь», поставленном перед нами.

О. Д.: Хорошо. Тогда хозяева этого жизненного времени (понятно, что у каждого исторического памятника и у сегодняшних активов есть какое-то количество хозяев) навязывают обществу различные проекты идеального общества. Ставят общество перед дилеммой: или мы будем закрытым государством, никого к себе не пустим, или же мы придём к вам со своими деньгами, купим заводы, кого-то разорим. Понятно, что хозяева манипулируют обществом.

Г. Д.: Когда я говорю «хозяин», я имею в виду само общество. И я не имею в виду персонального хозяина. Я имею в виду Хозяина с большой буквы.

О. Д.: Я понимаю.

Г. Д.: Я имею в виду хозяина отчуждённого человеческого фактора. И это он решает, это не кто-то навязывает обществу. Это общество ведёт игру, и оно приказывает Америке вести себя так, а России так, Ирану этак, Китаю ещё как-то. Потому что это всё пешки внутри этого социума, то есть государство и нации с их цивилизационными матрицами, они как клетки в шахматах.

О. Д.: А кто же тогда определяет поведение этих пешек?

Г. Д.: Это очень хороший вопрос. Если мы исходим из того, что социальное бытие съело все реалии большой жизни. Допустим, в начале времён, в глубокой древности, человек типа царя Одиссея или Ахилла предстоял, с одной стороны, природе: виноградникам, морю. С другой стороны, Олимпу. И он обращался к Олимпу с тем, чтобы Олимп повлиял на эту природу, сделал так, чтобы она была добра к нему. Существовало два фактора: природа и Олимп, и этот человек, который перед ними стоял, – это индивидуум с экзистенциальным центром. Общество было не более чем посредником между Олимпом и природой. Но понемногу этот посредник – общество – стал всё пожирать. И он съел этот Олимп, который стал просто институтом внутри социума, съел эту природу. И теперь он хочет и Одиссея пожрать, и превратить его, как делала Цирцея, в какую-нибудь свинью, которая бы полностью забыла, куда она плывёт и какое у неё предназначение в жизни.

Это общество, конечно, не человеческий элемент. Это элемент, скажем так, инфернальный.

Понимаете, в своё время говорили: сердце царя в руке Бога, султан – тень Аллаха на земле, и в подобном духе говорили, конечно, папы всех цивилизаций. Они говорили про фараона, кесаря, что помаз у них божий.

Я думаю, что здесь есть глубокая правда, но она вывернута наизнанку. Общество в лице своих лидеров, в лице своих руководителей, само оно – это абсолютная инфернальная вещь. Руководители же тоже пешки, которые обслуживают общество.

О. Д.: По сути говоря, это всё дьявольские штучки.

Г. Д.: Ну, это не дьявольские штучки, потому что такое определение снижает посыл. Я бы сказал, что это денница. Я не говорю «сатана», потому что у людей при этом слове сразу возникает образ: крылья перепончатые, вилы и прочее. Я скажу так: денница. Денница в смысле такого светозарного существа – Аполлона. Денница, с точки зрения единобожия, – это сатана, Аполлон – это сатана. Просто мы должны понять, что в данном случае это бытие как таковое. Потому что бытие как таковое противостоит духу. А дух непосредственно воплощается в нашем индивидуальном сознании: «здесь и теперь». В том самом интимном присутствии, которое тесно связано с ощущением неизбежной смерти. Смерть является тем, что отличает нас от всего: от камня, от животного, потому что для них смерти нет. И для людей с гештальтом, у которых сознание заменено гештальтом с баночкой кока-колы в руке, для них тоже нет смерти. Для них есть только гибель.

О. Д.: Да. Или чёрточка между двумя датами.

Г. Д.: Чёрточка между двумя датами. Для собаки есть гибель, для неё нет смерти. Смерть есть только у людей, у которых есть абсолютная рефлексия внутри себя. И общество является ненавистником и врагом этого. Общество – это книга мёртвых, которая играет на повышение стоимости того капитала, который она изъяла из жизни живших, и превращает линейный прогресс в линейное бесконечное будущее.

О. Д.: Понятно. Чем больше общество пытается из себя что-то спроектировать, тем хуже получается, правильно я понимаю?

Г. Д.: Общество основано на поглощении нашей жизненной энергии. Оно переводит нас в стоимость. Не в буквальном грубо экономическом смысле, а в стоимость как ресурс. Наше время, наши возможности, наше человеческое бытие, оно формулируется в качестве потока информации и становится социальным ресурсом. Пока мы живы, мы можем маневрировать, мы ещё предстоим этой внешней среде. Когда мы умираем, мы уже полностью поглощены социумом, который нас съедает, оприходует, интерпретирует, присваивает себе, то есть социум – это авторские права всего.

О. Д.: Те самые штучки сатаны, или нечистой силы, по-разному их называют. Это мы видим в чистом проявлении на примере нашего общества. У нас всё отнимают, и получается, из нашего общества и выхода нет.

Г. Д.: Только не надо говорить «нашего». Потому что оно, во-первых, не наше, во-вторых, у слушателей может появиться мысль, что мы это всё конкретизируем до масштабов России. А на самом деле мы говорим о глобальном обществе, в котором сегодня уже находятся и папуасы Новой Гвинеи, и жители джунглей с проблемами каннибализма. Раньше они были предметом интереса Миклухо-Маклая, а сегодня они благодаря Интернету и социальным работникам ООН являются составной частью глобального общества.

О. Д.: И мы их смотрим на телеканале Discovery.

Г. Д.: Они – составная часть глобального общества, и они интегрированы в это глобальное общество.

И общество к тому же нас дезориентирует семантикой, потому что оно настойчиво навязывает нам, что это некий коллектив. Это не коллектив. Это сущность.

Это тот самый хозяин жизненного времени, который всем владеет.

О. Д.: Есть ли выход?

Г. Д.: Выход есть, я считаю. Потому что этот опыт экзистенциальной рефлексии – «здесь присутствие» внутри человеческого сердца, он имеет своё особое выражение в религии. Но не в любой религии. Не в религии, которую представители нью-эйдж считают религией: сесть в асану, начать дыхательные упражнения, послушать советы, как быть счастливым. Это как раз гештальт.

А в религии, которая связана с подлинным социальным зерном. Это авраамический инстинкт абсолютно невозможного. Вспомним эпопею Авраама, который является проводником истины, той крупинки истины, которая есть в человечестве. Авраам в своём поиске обращался ко многим символам величия: звезде, ветру и так далее. И раз за разом он закрывал эти темы, потому что они были явленными символами величия. Это величие, которое отменяемо. В конечном счёте он пришёл к тому, что абсолютная альтернатива всему, что может быть увидено, воспринято, пережито в опыте, есть только истинный Бог. Неведомость является его атрибутом. И эта неведомость является не фантомом, а вдруг обнаруживается в твоём сердце. Тайна твоего сердца – она и есть клеймо того авраамического Бога, к которому он обращается.

Это и есть выход.

Ключ к пониманию того, что такое община, содержится в понятии братства. Это взрывное, сокрушающее понятие, которое вместе с тем амбивалентно.

Есть братство, которым повязаны те, кто телесно прошёл одни и те же родовые пути. Такие братья объединены общим для них чревом матери. И, конечно, это физическое кровное братство кое-что может. Однако оно представляет собой антитезу подлинного братства, где братья не входят в мир через единое чрево, а уходят из этого мира через единую для них общую могилу. Союз смертных всегда помнит о том, что подлинное происхождение революционной знати проявляется не через вагину в начале, а через разверстную яму в конце.

Глава 4

Евразийство и атлантизм

Очевидно, что евразийство и атлантизм представляют собой синонимы чингисидской Орды и великого Рима. После того как XX век обозначил порог, отделяющий ровное течение классической истории от бури, смешавшей все исторические карты, Орда Чингисхана внезапно стала очень привлекательной для большой группы россиян, от «белых», находящихся в эмиграции, до «красных», которые их курировали из стен Лубянки.

Неожиданно оказалось, что Орда была для своего времени воплощением социалистического права. Закон Яса гарантировал и справедливость, и интернационализм. Короче, с приходом в Большую Евразию монгольской Орды всем «стало счастье».

Атлантизм, разумеется, является злобной и подлой антитезой чингисидству. Он построен на торговле, на ростовщичестве, не останавливается перед геноцидом. Короче говоря, атлантизм – это абсолютно деструктивное начало. Принцип евразийства выражается в аналоговых системах, принцип атлантизма – в цифровой.

Поэтому в логике геополитиков, которые играют в Орду против Рима, азиатское, «чингисидское» начало более гуманно, а атлантизм ведёт к трансгуманизму. Фанаты Орды, разумеется, увязали чингисидскую идею с политической географией «Восток – Запад» и фактически сделали некую комбинацию из конфликта цивилизаций и географического символизма.

О. Д.: Сегодня у нас будет интересная тема. Мы поговорим о евразийстве и атлантизме. Почему это две стороны одной медали? Итак, давайте сначала разберёмся в понятиях. Что такое евразийство и что такое атлантизм?

Г. Д.: Евразийство, как известно, возникло где-то в 20-х годах XX века в американской среде. Крупнейшими представителями евразийства были некоторые интеллектуалы эмигрантского зарубежья, но не только эмигрантского, потому что академик Вернадский, например, жил в России. Флоровский, князь Трубецкой – эмигрировали. Но они представляли собой начальную, раннюю стадию евразийства. Наибольшей известностью из евразийцев пользуется Лев Гумилёв, широко известный нашей публике.

Евразийство, чтобы не ходить вокруг да около, основано на переосмыслении идей и исторического опыта времени Чингисхана. Для Трубецкого, Флоровского, Вернадского и, конечно, для Гумилёва империя Чингисхана – союз народов, живущих под законами Чингисхана, – это такое добродетельное, позитивное пространство, которое привлекает своими ценностями. Общественное выше личного, служба превыше частного интереса, честь – превыше прибыли и так далее.

Это целый набор идей, определяющих моральные установки этой империи, которые представляют золотой век единого Евразийского пространства. Всё это пересекается с геополитическими выкладками западных интеллектуалов, теоретиков, которые создавали свои работы и в Германии (Хаусхофер), и в англосаксонском мире (Маккиндер, позднее – Спикмен, из самых свежих – Киссинджер, всем известный. Он не так давно у нас был таким мастодонтом геополитики, представляющим интересы атлантической стороны).

О. Д.: Итак, в общем, евразийство – это цивилизация суши и наследница идей Чингисхана.

Г. Д.: Наследница-практик.

О. Д.: Хорошо, наследница-практик. А атлантизм?

Г. Д.: Атлантизм с точки зрения геополитического контекста – это талассократия – власть моря. Это власть торговых морских цивилизаций, прежде всего это Западная Европа, Великобритания – островное государство и одновременно новый Карфаген и наследница Рима. Это и новая Атлантида – США. США – центр Атлантического мира. По сравнению с Великобританией и США Западная Европа выступает как окраина, как Римланд, то есть прибрежная полоса. Атлантизм – это и атлантические ценности, прежде всего свободный рынок и либеральная демократия.

О. Д.: Соответственно, все установки атлантизма, о которых вы говорили, противоположны установкам евразийства. В атлантизме получается, что личность – выше государства, личность – выше чести.

Г. Д.: В принципе да. Хотя, если взять набор масонских установок, начиная с рода Виклава, то там тоже присутствует этот пионерский жест – общественное выше личного, – он присутствует там, в масонском поле.

Но у масонов речь идёт о неких избранных, которые невидимо скрепляют гражданское общество. А гражданское общество атлантизма, которое живёт само по себе, преследует частные интересы, которые для него являются наивысшими.

Евразийство и атлантизм – это два полюса противостояния друг другу. Но я хочу указать на то, что это комплементарные полюса, их противостояние иллюзорно, они стоят друг друга, потому что и тот и другой являются матрицами глиняного человека, и тот и другой противостоят миссии духа на человеческом уровне. Эта миссия духа представлена прежде всего авраамическим Откровением в его динамике, библейскими пророками. Этот пафос является фундаментальным пафосом, неким стержнем, в одинаковой степени отрицающим и ценности атлантизма, и ценности евразийства, которые являются не более чем пропагандой. Они фактически не существуют в той форме, в которой декларируются.

О. Д.: Давайте попробуем разобраться. Окунёмся в глубь веков. Изначально морские или прибрежные цивилизации претендовали на кусок пирога евразийских цивилизаций.

Г. Д.: Конечно. Противостояние было всегда. Рим шёл на Восток, но и Восток, или Азия, шёл на Запад. Здесь можно сказать, что есть два движения, которые идут друг другу навстречу.

О. Д.: Кто у кого больше отъест...

Г. Д.: Я бы сказал, движение двух магдебургских полушарий к их соединению – это Чингисхан, шедший на Запад. Кстати говоря, все эти разговоры о том, что Русь как щит приняла на себя страшный удар монгольских орд, ослабила их и сорвала поход на Запад, – это одна из тех мифических картин, которыми славятся евразийцы. Конечно, никого Русь не остановила, деревянные города и крепости не могли ослабить удары монгольской конницы, оснащённой китайской техникой, огненными стрелами, сжигавшими эти города под корень.

О. Д.: Батый, если я правильно помню, вернулся из Венгрии и европейского похода просто потому, что освободилось место, умер...

Г. Д.: Ну, до Батыя ещё Чингисхан пошёл в поход и разгромил европейское войско (под сто тысяч человек). Там трёхдневная битва была, и в этой трёхдневной битве цвет рыцарства, лучшее, что могла дать Европа, был разгромлен вдребезги. Но подход Чингисхана при оценке стратегической ситуации в Европе был таким: нам это пространство скученных городов не интересно. И его войска сделали такую дугу, загибающуюся к Адриатическому морю, и решили, что Западная Европа вполне может существовать сама по себе.

О. Д.: И она стала существовать сама по себе со своим атлантазмом.

Г. Д.: Да. Но тут вот в чём дело. Мне бы хотелось поговорить не столько об очень разработанной территории прибрежной зоны – Римланд, Хартланд (центральная суша), их противостоянии морю, талассократии, всей этой политике, которая напоминает синтез шахмат-

ной доски с картой. Мне бы хотелось поговорить о том, что существуют некие парадигмы – евразийская и атлантическая, на самом деле, резко отличающиеся от того, как они себя презентуют и что они сами о себе думают. Потому что правда гораздо более жёсткая и пессимистичная в обоих случаях. Это как глиняное человечество, которое имеет очень часто необоснованные претензии на некую полноту духовности, рафинированность, в то время как более глубокий анализ вскрывает тайные омуты человеческого фактора.

Ну вот, допустим, начнём с евразийства. Чем характеризуется евразийство?

Прежде всего, если мы берём его в историческом, культурном, цивилизационном комплексе, – доминантой материализма. Империя Чингисхана не проповедовала марксизм и ленинизм, как наследник Чингисхана – Советский Союз. Естественно, при Чингисхане не было декларированного материализма, он подразумевался. Тенгрианство, древняя религия тюркско-монгольских кочевников, говорила о широком небе над нами, просторной земле под нами и так далее. Это глубокий материализм космического толка. То есть это не опытный, ползучий эмпиризм западного человека. Это абсолютное доверие физической правде среды. Человек евразийства доверяет физической правде среды, он её обоготворяет. Потому что сами образы верха, сами образы того, что для него представляется духовной проекцией, – это широкое небо. Небо фигурирует во всех архаических традициях. Варуна, например, в индуисткой традиции, древнегреческий Уран – «небо покрывающее». Но это же языческие традиции.

О. Д.: Да, я хотел сказать о том, что во многом это языческий материализм.

Г. Д.: Да, во всём этом есть материалистическая подоплека, но она абсолютизирована. Если в архаическом, эллинском фольклоре это уравнивается другими моментами – персонализмом олимпийских фигур, например, олимпийских божеств, – то в контексте евразийском этот материализм является доминантным. С этим же связано то, что этот материализм предполагает знаменитую чингисхановскую веротерпимость, которая на самом деле является всеядностью и безразличием ко всем религиям. Единственной религией, которая вызывала ненависть у монголов, был ислам. Его они не переваривали, они вели системную борьбу с ним.

О. Д.: А почему?

Г. Д.: Ислам был для них как рыба кость в глотке, на которую они напоролась. Напоролась на его последовательность, бескомпромиссность, абсолютную оппозицию глинее, абсолютную оппозицию онтологическую, которая содержится в исламе как финальной стадии библейской линии. Библейская линия связана с откровением такой бездны, которая не дана в опыте. Тут самое главное – бездна, не данная в опыте индивидуально. Настаивание на этом вызывало конвульсию и ненависть до того момента, как произошло обращение хана Узбека в ислам и пошел процесс исламизации потомков-Чингисидов. Но надо сказать, что Хулагу как Чингисид, контролирующий Ближний Восток, всю свою жизнь посвятил борьбе с исламом. Очень беспощадной борьбе. Но в остальном представителям Золотой династии, если вынести за скобки ислам, было всё равно – что христианство, что конфуцианство, да ради бога, что угодно, потому что им было на это наплевать. Они не верили во всё это, они стояли на тенгрианской позиции. И отсюда идёт очень интересный феномен, который конкретно проявлен в евразийской матрице, и он реально работает, и мы встречаемся с ним. Это глорификация – восхваление лжи, её оправдание, если можно так выразиться – теодицея лжи. Вот в евразийском сознании лжи как таковой нет. Есть целесообразный миф, есть объяснение того, что ложь технически противоречит конкретным целям, задачам евразийской власти. А вот то, что соответствует техническим задачам власти, не важно, некая концепция, некий миф, это правда.

Взять Романовых – всю романовскую историю, всю романовскую идеологию, всю романовскую самооценку. Кто они такие, Романовы? Не будем же отрицать, что Романовы – это евразийское...

О. Д.: Они же из Германии пришли. Сначала они были, что называется, русские православные, а потом смешались...

Г. Д.: Они пришли из Германии, они всё равно усвоили, они были там либералами по российским стандартам. Они всё равно усвоили евразийскую матрицу. И вот всё, что понимали Романовы о себе и что они преподносили российскому обществу о себе, – это ложь.

О. Д.: Ну, во многом это был миф. Да.

Г. Д.: Именно здесь заключается секрет. Для нас это ложь, как для людей, смотрящих на это со стороны. Для них это не ложь, для них это миф. Это ложь, которая приобрела легитимность, прославлена и возведена на уровень дистонического мифа, который справедлив, безусловен, он преподаётся в гимназиях, за его оспаривание наказывают, посылают на каторгу. Это установленная система убеждений, интерпретация реальности, но это ложь.

По этому поводу мы не будем пускаться в конкретику. Тот, кто захочет, может сам найти массу иллюстрирующих примеров. Здесь очень длительное расхождение с оппонентами, с атлантизмом, например.

Начнём, чтобы быть последовательными, с материализма. Атлантизм стоит на совершенно другой платформе, не материализма, он стоит на платформе психологизма. Атлантизм – это матрица, которая выстроена на культе эмпирических ощущений человека. Человек воспринимает реальность, у него существует определённый набор чувственных впечатлений. Эти впечатления сосредоточены на нём, на его теле. Он поглощает, впитывает в себя красное, зелёное, сладкое, острое, световые раздражители. Набор всех этих психофизиологических ощущений – это отправная точка. Человек привязан к опыту своего тела. И он считает, что материальная среда – это некая условность, следствие интерпретации этих ощущений.

Давайте посмотрим на то, что думают Юм, Кант по поводу того, что такое внешняя реальность?

Внешняя реальность обыграна постольку, поскольку это следствие наших ощущений, мы добавляем к этому суждение, это суждение интерпретируем, но в основе всего лежит наш телесный опыт.

Это психологизм. Религия – это психологический настрой, такой выверт, потребность человека, потребность общества и так далее. Это психологизм, но не материализм.

С точки зрения евразийства такой психологизм, особенно если взять советскую догматику, это идеализм чистейшей воды, по поводу которого они плевались, шипели, говорили о буржуазном идеализме. Конечно, тут не идеализм никакой, это как бы материализм, обращённый внутрь, интровертный материализм. Это ползучий эмпирический солипсизм.

О. Д.: Понимаю. Закрыв глаза – мира нет, открыл глаза – мир есть.

Г. Д.: Да. Всё, что есть, это интерпретация, в общем-то, ощущений. Всё топчется вокруг скепсиса по поводу того, а так ли всё на самом деле.

Если мы перейдём к теме язычества, тут всё сложнее, потому что в действительности это сложная, тонкая работа с некоторыми влияниями и заимствованиями. К примеру, влияниями из средиземноморской, особенно южносредиземноморской среды, попросту говоря, с библейскими влияниями, которые переработаны в языческом, эллинском ключе.

Это глубокий синтез, который лишает остроты, пафоса, глубины библейское Откровение, превращая его в универсальную парадигму. За основу взят именно библейский набор представлений о духе, смысле, человеческом достоинстве и так далее. Но это набор библейских терминов, подразумевающих эллинское содержание, то есть это Платон, который пересказывает Библию в своём собственном ключе. Вот это и является содержанием, которое

атлантические товарищи везли и продавали, условно говоря, туземцам (в будущую Латинскую Америку, в Азию и так далее), то есть это некий универсальный продукт. Продукт синтетический, продукт фальсифицированный. И здесь мы подходим к отношению атлантизма ко лжи. Если в евразийстве ложь возвышается до статуса мифа, то в атлантизме ложь используется как оперативное прикрытие, как некий флёр.

О. Д.: То есть сейчас выгодно обмануть, но не надо из этого делать общественного достояния, да?

Г. Д.: Возьмём два типа пропаганды – евразийский и атлантический. Евразийский тип пропаганды элементарный, то есть берёшь некий концепт – распятый мальчик. Мальчика никакого не было, реально не могло быть, но вот делается некая постановка, и она вбивается в голову таким прямым гвоздём. И все, открыв рот, повторяют – да, действительно, какой ужас! Мальчика распяли. Потом, может, узнают, что не распяли, но это не главное.

Что такое атлантическая пропаганда? Берётся некая всё-таки реальность, переворачивается, облекается во враньё, преувеличивается, изменяются цифры, изменяется статистика, изменяются акценты, и всё это подается яркой конфетой, у которой внутри совсем не конфетная начинка. Это чисто западный продукт – правда, смешанная с ложью. Правда уже не существует там как правда, потому что она не терпит это условие – смешение с ложью, и условно всегда можно сказать: ну было же это! Про мальчика нельзя сказать, что он был, а про то, что атлантисты выдвигают в качестве правды, можно сказать: ну было же это!

Допустим.

Были репрессии?

Да.

Тридцать ли миллионов человек репрессировали?

Нет, не тридцать.

Извините, а репрессии были?

Были репрессии.

Вот видите, были репрессии!

А тридцать ли миллионов или 30 тысяч, это другой вопрос. Вот это и есть атлантический подход. А евразийство говорит: нет, репрессий не было. Карали только преступников. Это евразийский подход.

Тут фундаментально разное отношение ко лжи, а это уже принципиальное отличие в познании мира – гносеологии. И естественно, в отношении к религии оно у атлантистов тоже другое. Некий тоталитарный подход. У Чингисхана была тотальная терпимость, у советской власти – тотальная нетерпимость. Советской власти было всё равно, что там ислам, христианство, православие, буддизм – мочить всех, разоблачать и так далее. Это тоже всеядность, но с отрицательным знаком. А у атлантистов как евроцентистов, если ты не протестант и не католик, то ты просто туземец, который пляшет вокруг каких-то деревянных идолов. Даже если ты не пляшешь вокруг деревянных идолов, то наплевать, ты всё равно пляшешь, потому что туземец. Достаточно посмотреть книги, которые писались по исламу во время Крестовых походов, это не то что про жизнь на Марсе, это рядом. Был такой Ян Дамаскин, который жил при дворе халифа, работал, будучи христианином, и писал в том числе книги про ислам.

Что писали в Западной Европе об исламе?! Что мусульмане поклоняются Мухаммаду ^{صلی اللہ علیہ وسلم} (ﷺ), который сидит на каком-то троне, у него там какие-то рога, ему приносят жертвоприношения – поток какого-то бреда. Почему?

Потому что это абсолютное тоталитарное неприятие никакой версии, никакой альтернативы. Это сейчас европейцы толерантны, это сейчас они политкорректны. Эта политкорректность возникла после 1945 года на фоне разбомблённых городов Европы. Когда туда пришли оккупационные войска, европейцы стали дико политкорректными.

О. Д.: Логично.

Г. Д.: А вообще-то говоря, они всю жизнь вытирали ноги о весь мир.

О. Д.: Вспомним индейцев Америки или Южной Америки...

Г. Д.: Вы знаете, есть исследования, одно из которых – исследование ООН, за достоверность которого я отвечаю, данные у меня от англоязычных источников. Так вот, после Хиросимы, между Хиросимой и 2015 годом, то есть за 70 лет, Запад уничтожил 50 миллионов человек. Если говорить о том, сколько уничтожили народу со времён Великих географических открытий в период великой колонизации мира колониальные империи (Великобритания, Испания, Португалия, Голландия, Бельгия), то, по некоторым данным, выйдет порядка миллиарда человек.

Кому-то может показаться, что это явное преувеличение. Тогда давайте возьмём такую простую вещь. Леопольд II, бельгийский король, в начале XX века уничтожает 10 миллионов человек в Конго. То есть бельгийские операции в Конго – это 10 миллионов человек. Это ещё до Первой мировой войны.

О. Д.: Да, там был геноцид, известная история.

Г. Д.: Но это повторяется ещё и в 1970 году, и там ещё 10 миллионов человек, это маленькая Бельгия, это точка в Конго, маленький район Африки. Если мы начнём от Колумба брать ситуацию с уничтоженными тасманийцами, с 20 миллионами индейцев, то эта цифра – миллиард – не выглядит такой...

О. Д.: Ещё такой период времени... Скажите, вот всегда противопоставляли себя морские цивилизации сухопутным, всегда они были действительно по разные стороны баррикад? Англия много раз стравливала державы на континенте, соответственно, континентальные державы частенько воевали против Англии, как главного представителя атлантизма. И идеология их во многом разная. И отношение к миру разное, но сейчас, по моему ощущению, всё-таки атлантисты побеждают.

Г. Д.: Они победили в холодной войне.

О. Д.: Они победили в холодной войне, и именно Америка, я имею в виду США, насаждает по всему миру свои вкусовые и эстетические взгляды на жизнь. Скажем, тот же Голливуд – это лучший пропагандист, что называется, атлантизма в чистом виде. И условный ребёнок, который смотрит фильмы киностудии «Дисней», ещё какие-то, смотрит первые фильмы подростковые. Он понимает и принимает на себя именно установки атлантизма в их прямой подаче.

Г. Д.: Это чистая иллюстрация темы лжи в двух вариантах. Евразийском и атлантическом. Почему Голливуд имеет успех? Потому что это правда, покрытая ложью, поэтому сразу, инстинктивно, не отторгаются все эти сериалы, фильмы и так далее.

А вот евразийский вариант – это открыто, в лоб, этакая лапша. Скажем, «Гараж» там, отношения, абсолютно не существующие в советское время. Этого нет, но тебе дают фильм, вызывающий сантименты, может, сделанный так, что хочется плакать, но этого в жизни нет. И поэтому, конечно, куда «бежать, задрать штаны». В систему познания мира, основанную на абсолютной мифологии? Конечно, правда, покрытая ложью, будет выигрывать.

О. Д.: Да, понятно. И это действительно у атлантистов получается. Но хорошо, а в итоге что? Победит атлантизм? Победит окончательно? А вся эта история евразийской цивилизации, наследников Чингисхана, сгинет?

Г. Д.: Дело не в том, сгинет атлантизм или сгинет евразийство. Дело в том, что они оба являются врагами духа. И на самом деле, в своём противостоянии они подыгрывают друг другу. На самом деле конвергенция – это не вымысел старческого, геронтократического Политбюро от своего бессилия, а это реальная тема, реальный проект сближения, как некая идеологическая версия.

Было две версии падения СССР, как известно. Одна версия – это крах Советского Союза в чистом виде, а другая версия – конвергенция. Соответственно этому проекту советский лагерь и западный лагерь создавали мировое правительство и выходили на уровень совместного империалистического контроля над миром. Это называлось мондиализмом. Мондиализм не получился. Он не состоялся потому, что Советский Союз рухнул сам, по первой версии. Но тем не менее такая тенденция – создать эту совместность – была, и она существовала не случайно. То есть это не было трусостью Брежнева, который не понимал, зачем ему полная победа социализма. Он так смотрел – победил социализм во всём мире, не, ребят, что мы дальше-то будем делать?! Не надо нам, давайте вместе, вместе.

Но за этим стоит глубокая комплементарность и родство евразийства и атлантизма. Об этом никто не пишет. Потому что есть у нас куча евразийских патриотов, которые испулённо говорят об их абсолютной полярности. А вот я хочу сказать не о полярности, а о внедрённой идентичности, о соответствии атлантизма евразийству, потому что они являются двумя матрицами ветхого глиняного человека, дополняющими друг друга. И им противостоит третье принципиальное начало, начало духа. Начало, которое апеллирует к Богу пророков, началу, которое рассматривает человека как носителя непостижимого, особого ядра, особой точки в его сердце, которая вложена Творцом, именно в пророческом понимании. Не в понимании язычников, индуистов, пантеистов, которые говорят об абсолюте, о широком небе, о тотальном тождестве всего всему, а о непостижимом Боге пророков, к которому Авраам пришёл, последовательно отвергая любую предложенную ему проекцию поклонения. Он пришёл к тому, что нет никого в сущем, кто заслуживал бы поклонения, и сущее существует только как указание на непостижимое, которое находится в его сердце.

О. Д.: То есть нет ни внешнего материализма, ни внутреннего.

Г. Д.: Есть отрицание психологизма. Дух, о котором говорят философы Эллады, это на самом деле не дух, это просто разреженная материя. Это просто возгонка Сольве, превращение твёрдого тела в пар, минуя стадию жидкости. Если поднять субстанцию до состояния пара, то она не перестанет быть субстанцией.

О. Д.: Хорошо. Новый человек. Назовём его «человек религиозный», или «человек верующий», в хорошем смысле этого слова, в идеалистическом, наверное. Он будет противопоставлять себя евразийству и атлантизму, да?

Г. Д.: Он будет не только противопоставлять себя им, он несёт совершенно альтернативный проект. Гносеологический, интеллектуальный проект, потому что он не принимает ни лжи, как прославленного, поддержанного полицейской системой мифа, ни правды, обернутой ложью.

Правды, которая как бы демократически предлагается на выбор в супермаркете, но если ты её отвергаешь, то можешь тоже стать отвергнутым за счёт неё.

О. Д.: Да, это тот самый батончик, где мелкими буквами написаны ингредиенты, которых мы не знаем, но едим.

Г. Д.: Самое главное, что, даже если ты не хочешь его покупать, ты кончишь за той же решёткой, что и в евразийском варианте.

О. Д.: А каковы варианты – победить евразийство и атлантизм – у человека верующего?

Г. Д.: Во-первых, я бы хотел отметить, что уже где-то в середине XX века наиболее чуткие атлантические теоретики, я не помню конкретно, кто именно, но из разряда Киссинджера, Бжезинского... Они говорили о том, что десекуляризация, то есть возвращение к религии, станет основной чертой общества конца XX – начала XXI века. Они предвидели, что основным компонентом общественной жизни будет борьба между десекуляризацией и секулярностью. На этом пути возникают очень сложные комбинации. С одной стороны, атлантисты и евразийцы могут входить в союзы против человека духовного. С другой стороны, на каких-то этапах и евразийцы, и атлантисты могут протягивать руку в противо-

вес друг другу этому верующему человеку. Например, моджахеды в Афганистане. Советский Союз вторгся в Афганистан, а атлантисты тут как тут, предлагают помощь моджахедам в борьбе с советской материалистической империей за свободу родины. Но и не только родины. Там и соседние моджахеды подъехали из арабских стран. И почему бы не вступить в союз?

Но это эпизод. Это не доминирующая характеристика. Союз атлантистов и евразийцев против человека верующего – это гораздо более стандартная вещь. И мы слышим постоянно от деятелей той и другой стороны: у нас общий враг. Естественно, при этом используются термины, которые обывателя сразу напрягают, повергают в ужас, лишают всяких сомнений в правоте властей. Но суть заключается в одном: это объединение атлантистов и евразийцев против человека духовного, человека верующего, человека библейского, в таком глобальном высшем смысле.

О. Д.: Людей книги.

Г. Д.: Людей книги. Людей Откровения.

И какие, вы спрашиваете, возможности победить на этом пути?

Дело в том, что человек – это очень сложное существо, у которого может быть сердце чистое, а голова отравлена испарениями либо атлантизма, либо евразийства. И у человека, который не освободился от той или иной матрицы, при том что он верующий и на правильном пути стоит, но у него нет, как Декарт бы сказал, метода. И он не победит. Почему он не победит? Потому что ему на каждом шагу придётся принимать решения, и он не сможет сделать это точно и верно. Чтобы его поставить на путь, который имеет историческую перспективу, ему надо дать политическую философию, которая последовательно и окончательно освобождала бы его мозги и от атлантизма, и от евразийства. Мировоззрение, которое коррелировало бы с его сердцем монотеиста. Пока что этого ещё нет в полной мере.

О. Д.: Да. Это действительно одна из серьёзных проблем. Вы знаете, я когда вас слушал, думал о том, что европейский капитализм так долго боролся с Советским Союзом в течение всего XX века. И после того как Советский Союз рухнул, все так мило подружились, и у нас установились такие долгие, такие тёплые отношения. Хотя весь XX век вырабатывались доктрины, направленные на противостояние. Мгновенно объятия раскрылись после 1991 года.

Г. Д.: Такие авторы, как Данилевский, Достоевский, накачаны таким гневом против Запада, что, когда я их читаю, создается впечатление, как будто бы я читаю советского пропагандиста идеологического, но когда я понимаю, в каком контексте они писали...

Так ведь Россия была частью мирового истеблишмента. Она была в теснейшем слиянии с ним. Ну, там были ссоры, какие-то конфликты, допустим с англичанами, с австрийцами... лёгкие!

Но на самом деле она управлялась немцами, она была взасос с этим западным миром. При этом она была евразийской, но если вы почитаете «Дневник писателя» Достоевского, то складывается впечатление, что пишет красный комиссар, проклинает обывательщину, буржуазную природу Запада, его бесперспективность. Такое ощущение, что это два идеологических полюса. Вот эта диалектика, этот глиняный человек, эта его грудь и его спина.

О. Д.: Или ещё битва нанайских мальчиков.

Г. Д.: Достоевский, несмотря на всю свою гениальность, прозорливость, пронизательность, религиозную пафосность, на самом деле ничего не понимал в реальной жизни.

О. Д.: Ну что же, интересная тема, друзья. Наша передача подходит к концу. И действительно, что будет в следующем веке и в веке XXI и с евразийством, и с атлантизмом? Что будет с морскими цивилизациями, с сухопутными? Придёт ли им на смену человек библейский, или верующий? Это один из самых интересных вопросов.

Г. Д.: Я верю, что придёт.

О. Д.: Хотелось бы на это посмотреть. Это действительно интересно.

Г. Д.: Это будет очень мучительный и неоднозначный процесс.

Никакой перспективы у ордынской идеи нет, потому что она насквозь мифологична, а в историко-фактологическом плане ещё и фальсифицирована. Но самое главное, она так же бессмысленна, как все другие горизонтальные построения. Кроме того, визионеры евразийства не понимают, что никакого конфликта между Чингисханом и большим Западом не было. Чингис и его потомки в своих управленческих решениях шли параллельным курсом с «Вечным Римом». Запад всегда стремился на восток, и вот наконец он в лице монголов получил имперское колониальное устремление востока... опять же на восток!

С нашей точки зрения, и за Чингисом, и за атлантистами стоит один и тот же «центр управления полётами», одна и та же инстанция, которая на макроуровне курирует ход событий. Не случайно главным врагом Чингиса и его наследников был Ислам.

Глава 5

Тупиковость имперской идеи в современном мире

Имперская идея совершенно неадекватна современному миру по очевидной причине: современный мир представляет собой пародию на империю, откровенный фейк. Что такое Евросоюз? Разве не империя с формальной точки зрения? Безусловно! Но почему же никто психологически не воспринимает ЕС как империю, а Брюссель как новый Рим или Каракорум? Потому что это пародия при сохранении всех требуемых внешних черт: единства многонациональных территорий, единства административных правил, господства наднациональной бюрократии, которая давит национальную, и так далее.

Но при этом даже Советский Союз, который был устроен по тем же лекалам, что и «Соединённые Штаты Европы», был большей империей. По крайней мере он не был симулякром!

В чём же разница? Сегодня очень многие теоретики активно используют термин «империя» по отношению к глобальной мировой системе. Рим как будто бы распространился на весь земной шар, и все осколки старых цивилизаций, ещё уцелевшие по периферии, построены по правилам новой римской легитимности. Даже в странах, где официально шариат упоминается как источник права, это не более чем дезинформация, адресованная массам. В действительности правовое поле и Египта, и Малайзии организовано вокруг либеральной концепции закона. Первоисточником этого был кодекс Наполеона, который в свою очередь отправляется от Римского кодекса.

Мир поставлен на колени и подчинён диктатуре «классных наставников», которые всюду заходят с проверками (этакие прокураторы!) и бьют очень больно указкой... хорошо, если по пальцам.

Но всё равно это не империя. Главное, что отличает современный мир от настоящей империи, – это отсутствие мотивированной власти. Мотивированная власть – это проявление Великого Существа на земле в зеркале человеческого пространства. Это проявление всегда связано с некой специфической сверхзадачей. Как только эта сверхзадача оканчивалась дискредитированной, несостоявшейся – империя кончалась. Проявление Великого Существа без сверхзадачи – а такое на определённом этапе было нормой – это царство. Вавилонское, Аккадское, Шумерское... Всё это царства, но не империи, потому что первые лица в этих образованиях были не деятелями, а скорее живыми памятниками Великому Существо.

Сегодня организовать царство по архаичным лекалам невозможно, потому что мир становится площадкой, где разворачивается титаническая борьба между двумя полярными взаимоисключающими метафизическими основаниями человечества: бытием и сознанием. За бытие – так называемые элиты, но при этом у них нет поэтапно разворачивающегося нематериального и сверхматериального проекта. У радикалов, которые стоят на стороне сознания, такой проект есть, потому что радикалы – это носители эсхатологической идеи.

О. Д.: Привет, друзья. Мы с вами, как всегда, обсуждаем общефилософские темы и интересные повороты мысли. Сегодня тема нашей передачи – «Тупиковость имперской идеи в современном мире». И поэтому, видимо, говорить мы будем о великих империях и о том, к чему они сегодня пришли.

Г. Д.: Да, это очень интересная тема, поскольку она волнует очень многих наших современников. У многих людей империя ассоциируется с силой, цветением, праздником, некой политической мужественностью, антилиберализмом, то есть торжеством над всеми проклинаемыми либералами...

О. Д.: То есть всем тем, о чём сегодня мечтают сограждане нашей страны.

Г. Д.: Да, многие мечтают об империи, и американцы мечтают, и у англичан есть ностальгия. Хотя некоторые левые, или, лучше сказать, антиглобалисты, называют сегодняшний мировой порядок Империей, с большой буквы, не уточняя, что это, какая это империя? Соединённые ли это Штаты или это вообще некая мировая система, не имеющая какого-либо чёткого определения. Но при этом надо сказать, что империя – это вчерашний день, несмотря на весь флёр, весь аромат этого грозно звучащего слова. Империя сегодня уже перестаёт работать.

Чтобы это понять, нужно обратиться к тому, откуда она вообще взялась, когда она появилась? По большим историческим меркам, империя – сравнительно недавняя вещь. Что значит сравнительно недавняя? Я лично считаю, что империю как концепт создал Александр Македонский. Некоторые мне возразят, что Македонский отреагировал на великую империю Ахеменидов, на Иран, который был самый первый в таком качестве. Но ни Древний Египет, ни Иран не были империями. Это были просто архаичные монархии, которые...

О. Д.: Были разросшимися государствами.

Г. Д.: Да, они расползались, раздвигали свои границы в пространстве региона, но, в общем, Иран всё равно был региональным. Первый, кто создал империю в классическом смысле слова, был Македонский, потому что он реально соединил Восток с Западом. Он создал эллинизм как некий интеллектуальный ключ к мировой цивилизации. Не к какой-то там конкретной матрице, но к мировой цивилизации в целом. Платона и Аристотеля он превратил в некий код, с помощью которого можно было дешифровать абсолютно всё что угодно, хоть буддизм, хоть индуизм, хоть империю инков, если бы она попала к нему на пути. Это был универсальный, общечеловеческий код, в чём и заключается тайна эллинизма и ключ к империи. Но не только в этом, а ещё и в том, кем у нас был Александр Македонский и кем были его диадохи? Это самое главное для понимания. Они были воинами, и, в принципе, куда бы ни приходил Македонский, он унижал, свергал и отстранял жрецов. Приходил ли он в какой-то полис эллинский, в Афины, он сразу ударял ногой по треножнику Пифии. Приходил ли он в Иран, он тушил огни Персеполиса. Всюду, куда он ни приходил бы, он подчинял себе местных жрецов, местную клерикальную братию.

О. Д.: Но ведь, если я не ошибаюсь, делал он это потому, что сам считал себя божественным.

Г. Д.: А почему он себя считал божественным? Потому что он вырывал с корнем, выдирав с кровью этот статус у жрецов, которые сами определяли, кто, так сказать, божественный, кто не божественный. Это уже после Македонского появились кесари, которые заставляли приносить себе жертвоприношения, курить фимиам, называя себя живыми богами, это всё после него. А вообще жреческая каста правила миром невообразимо. Вообще-то она фактически и сейчас им правит, только это не очевидно для обычных людей.

О. Д.: Жрецами мы сегодня можем назвать идеологов?

Г. Д.: Конечно, нет. Идеологи – это метафора современного либерального политика. Жрецы есть жрецы. Это те, кто работает с благодатью, те, кто работает с определённым сакральным пространством. Те, кто является наследниками, скажем так, жрецов старого калибра, старой, так сказать, закваски. Они и сегодня при делах, они и сегодня контролируют ситуацию. Но дело в том, что в определённый момент этот глобализм жреческий, который был до Македонского, в архаическую эпоху, стал испытывать мощный кризис. И в какой-то момент поднялась каста воинов, которая несла службу, была встроена в иерархию. Вспом-

ним «Государство» Платона, где автор описывает, каким должно быть идеальное государство, с точки зрения жречества. Наверху стоят философы, мудрецы. Под философами он имел в виду не профессоров в университете на кафедре, а реальных носителей сакрального знания. Они правят всем, а ниже стоят воины, которые обеспечивают их власть путём жёсткого применения насилия, санкционированного сверху. И дальше там уже ремесленники, торговцы и так далее. Все традиционные общества были построены таким вот образом, кастовым, и каста эта приобреталась от рождения. Не помню точно, касались мы этой темы или нет, но все люди рождаются либо жрецами, либо воинами, либо ремесленниками, либо торговцами.

О. Д.: Но все рождаются в каких-либо кастах.

Г. Д.: Все рождаются в кастах, но действенными являются только две из них, жрецы, которые созерцают, и воины, которые действуют, жертвуют собой и, естественно, другими. И в какой-то момент воины вышли из повиновения и бросили вызов жрецам. В лице Македонского, это был первый акт, когда сын провинциального монарха Филиппа, не тирана (он был из легитимной династии Атридов, но особо собой ничего не представлял), вдруг в какой-то момент стал глобальной фигурой. Он соединил такие центры, как Европа, Индостан, Центральная Азия, Северная Африка, Египет, Вавилон. Соединил их в колоссальное человеческое сверхпространство. Причём когда это произошло?! Это было за триста лет до рождения Иисуса Христа! Это вообще было время, можно сказать, архаическое. И он заложил в него очень многое. Он заложил то, чем на самом деле мы сейчас пользуемся, – универсальный язык, который понятен практически всем – от Китая до Испании, до Великобритании. Этим универсальным языком пользуются и Африка, и исламский мир, и Европа. Это всё последствия эпохи Македонского, потому что Македонский распространил аристотелевскую систему мышления, которой пользуются все.

О. Д.: Мне кажется, что в каком-то смысле империя тогда была, не сказать – необходима, но очень нужна. И никто не понимал, на каких принципах она могла существовать, а то, что Александр создал, пускай и ненадолго, насколько я знаю, быстро развалилось после его смерти.

Г. Д.: Империя развалилась, потому что мир был не готов к империи, потому что жречество было очень сильным, потому что местная матрица, управляемая жрецами, тут же взяла верх, диадохи пошли на поводу у местных жрецов, местных метафизических традиций. Их тут же, так сказать, сшибли, столкнули друг с другом в конфликте. Классический пример Птолемеев, которые стали целиком зависимыми от древнеегипетских традиций, и это всё развалилось, ещё до Рима. А Рим был уже пересмотром этой имперской темы, но в основе своей продолжением того же самого, то есть продолжением восстания воинов против жрецов. Никто не будет спорить, что воины в Риме стояли социально выше жрецов. Жрецы были «никто и звать никак». Какие-то там авгуры, может быть, которые...

О. Д.: Имели прикладное значение перед битвой.

Г. Д.: Над ними все смеялись, они были объектом анекдотов и пословиц. Об авгурах остались пословицы, которые выставляют их лицемерами и в общем-то мошенниками. В Риме была воинская организация, это была постоянная борьба воинов, это была в общем-то непрерывная борьба. Почему? Не возникла единая империя. Империя не сложилась, как универсальный ответ касты победителей. Воины не стали кастой победителей. То есть жреческая мощь за кулисами мирового порядка приводила к тому, что империя перманентно рушилась, были какие-то её возобновления. На Западе это была Священная Римская империя германской нации, которую основали воины. То есть воины, германцы, разошлись по всем колониям Рима и создали новую, единую систему, основанную ещё и на общности происхождения. Дальше – это, может быть, и самое современное – это Викторианская Англия, Великая Английская империя, над которой не заходило солнце. Она появилась потому, что

там существовал майорат, аристократия передавала по наследству поместье старшему сыну, а куда деваться среднему и младшему сыновьям? Они были жёсткими...

О. Д.: Было много свободных рук, которые хотели что-то себе приобрести.

Г. Д.: Не просто рук, воинских аристократических рук, привыкших к шпаге и заряженных...

О. Д.: Ну, воинов свободных.

Г. Д.: Да. Свободных и заряженных пассионарностью, там были, так сказать, дворяне шпаги и аристократы. Их двинули по расходящимся линиям, и они создали вот эту колоссальную империю. Что такое Испанская империя, мы тоже знаем. Франсиско Писарро – это явно не сиделец в лавке, не торговец, это чистый воин, впоследствии конкистадор.

Все эти империи были в разных отношениях, более или менее проблемных, со жрецами. Даже Испанская монархическая католическая империя, с её инквизицией, с католическими королями, и там были проблемы, и там было острое напряжение. Но именно потому, что там были очень привилегированные позиции у церкви, эта империя и не зажила на свете. Она очень быстро проиграла британцам и голландцам, у которых меч стоял над крестом.

Что касается Востока, то там имперский вариант – наиболее перспективный, и даже не знаю, можно ли назвать это империей, хотя, наверное, в какой-то степени можно. Это первое – халифат, который, если брать Восток, то это первое проявление империи после Македонского. На Западе был Рим, а здесь халифат. Это точно воины, это точно антижреческое движение, оно стремительно продвинулось от Атлантики до Тихого океана, интегрировало всё это пространство, и, в принципе, это наследие несло с собой послание, послание превосходства воинской идеи над жреческой. Ислам работает до сего дня. Навстречу ему и в общем-то против него вышел Чингисхан, который создал альтернативную империю языческой Ясы, и это было...

О. Д.: Вот, интересный момент, если позволите, я хотел уточнить. Всё-таки вы считаете, что первый халифат, исламский, воины создавали?

Г. Д.: Это точно была идеология воинов, это было откровение для воинов, это было выделение впервые, может быть, в истории касты воинов как самостоятельных игроков на метафизическом поле.

О. Д.: Я помню, мы в одной из передач с вами говорили, что первый успех Исламского халифата во многом произошёл потому, что Пророк на первом этапе объединял в себе и светскую, и религиозную власть. Это практически единственный случай, когда религиозный лидер...

Г. Д.: Но его религиозная власть была не такая, как у жрецов, она была другого качества, она не была корпоративной. Это была персональная власть Пророка, который является посланником неведомого Бога, вот что важно. При этом он являлся воином, который участвовал в шестидесяти двух битвах, из них более тридцати он непосредственно возглавлял, командовал и планировал эти битвы. И, что интересно, он создал из людей разного социального состояния касту воинов, потому что, когда к нему приходили люди, они приходили из торговли, из криминала, откуда угодно, из финансов, из пастушеского состояния. Все они превращались в воинов. Они лишались своего прежнего состояния, и становились воинами, и погружались в систему жёсткой дисциплины и жёсткого оправдания своих действий. Они превращались в тех, кого мы называем сегодня сахабами, то есть сподвижниками, и эта каста завоевала потом фактически весь мир. После того как они захватили командные позиции в Иране, в Средней Азии, в Малой Азии и во многих других местах, массы стали входить в ислам. Однако они, первые, были очень недовольны, потому что это нарушало их избранность. Это уже потом всё размылось, но первоначально было очень точное, чёткое разграничение между истинными первыми, которые были арабами, и теми, которых назы-

вали «аджам», то есть позднее присоединившимися неарабами. Они осознавали свою кастовую избранность, и потом, когда уже произошла интернационализация и поглотила арабов как отдельный этнос, всё равно идея халифата строилась на системе взаимоотношения амиров, султанов, беков, то есть знати меча, которая была структурой воинской, а не жреческой. Жречества как такового не было. При них были всякие знатоки, алимы, изучавшие Коран, которые статуса фактически не имели. Единственная ситуация, которая выбивается из этого, где по факту создана церковь, не имеющая отношения к исламской традиции, это шиитский мазхаб, где де-факто создана церковь, как мы сегодня наблюдаем это в Иране. Но она поэтому и вызывает негативное отношение и находится под всеобщим давлением критики со стороны остального ислама. В самом исламе алиим – это человек, который что-то изучал. Если он претендует на статус клерикала, это в некотором смысле незаконный и самозванный статус. Хотя при этом постоянные попытки людей, которые по своему рождению принадлежат к касте жрецов, выкроить себе местечко внутри ислама не прекращаются.

Халифат, как мы уже говорили, это была первая после Македонского попытка создать империю на Востоке. Она, я считаю, была наиболее успешной. Чингис, Тимур, все их попытки в последующем провалились. Чингис очень быстро провалился. Тимур опирался на тюркскую воинскую аристократию, которая разошлась по всему евразийскому пространству, от Малой Азии до Китая, и это было несколько более успешно. Потом Османы. Османы – тоже воинский проект.

И если говорить в целом, что мы можем сделать в качестве вывода? Что такое империя? Империя – это синтез власти, как сакральной вертикальной организации общества, и насилия, которое прямо ассоциируется с властью, повенчано с нею и является сакральным. В глазах подданных, в глазах подавляющего большинства – то же единство власти и насилия. Насилие ассоциируется совершенно однозначно с властью. Но, если мы вспомним жреческий подход к этому, в более архаических вариантах, когда жречество правило открыто, то увидим, что жречество дистанцировалось от насилия. Оно отдавало насилие на откуп воинам, как у Платона в «Государстве», но воины при этом не считались сакральными, насилие не было сакральным, они были просто полицейские, блюдущие порядок на улице. А тут всё это возвышается до статуса сакрального, до статуса автономной мистерии, которая стоит над всем. Такой порядок выходит за всякие этнические границы, потому что в этнических границах всего этого не построишь. Тут должен быть некий толчок, некая масса. Всё это прошло.

О. Д.: Интересный вопрос, почему прошло? Вы знаете, когда вы сейчас перечисляли великие империи, которые помнит человечество, это всегда ассоциировалось с гордостью. Великий Рим, Великая Британия, Османы, Российская империя, сегодня это империя Соединённых Штатов Америки, как бы её там ни называть. Так или иначе, за каждой империей в общественном сознании стоят какие-то представления о золотом веке, как говорят американцы, «мы капитаны вселенной», и вся нация этим гордится. Так или иначе, можно характеризовать их разными терминами, но многие страны вспоминают о своих империях, как, например, Британия, Россия, и гордятся этим. Почему же вы думаете, что имперский путь стал тупиковым?

Г. Д.: По одной простой причине. Каста воинов проиграла приблизительно сто лет назад, проиграла жрецам, и она была вытеснена в маргиналитет. В социальный, в политический маргиналитет, так как она сегодня перешла на позиции противостояния с мировым порядком. Она не является больше системным элементом мирового порядка. Она не может быть подчинена жрецам в классической форме, и жрецы не доверяют ей ничего. Жрецы заменили воинов, давно уже, через либеральный порядок, организованный ими из-за кулис. Жрецы создали бюрократический институт современных вооружённых сил, который с началом абсолютизма отменил касту воинов, всё более и более её демонтировал.

О. Д.: Вы знаете, я даже добавлю, что недавно я видел фотографию четырёх министров обороны стран Европы. Сидели четыре женщины, четыре министра обороны. И это уже какое-то издевательство над кастой воинов.

Г. Д.: Нет, я бы так не сказал, каста воинов давно выброшена из основных исторических игроков. Не случайно на первый план выведены либералы, потому что либералы – это втёмную разыгранные бессознательные инструменты жречества. То есть за спиной либералов, которые искренне верят в материализм, в скепсис, в синхрофазотрон, стоят те же жрецы.

О. Д.: И верят во второй закон термодинамики.

Г. Д.: Во второй закон термодинамики. Они идут от аргумента тела и считают, что главная цель человечества – это повышение гедонистического наслаждения, комфорта в, скажем, холлах пятизвёздочных отелей на пляжах.

О. Д.: Важная цель.

Г. Д.: Как они представляют, это – Цель. А за их спиной стоят люди, которые сегодня в Гаване, например, встречаются. Но они тоже не вершина. Они только фасадная часть, которая показана обывателю. Обыватель с недоумением и восторгом следит за этой встречей, обсуждает её. «Тысячу лет не было! Встречаются, судьбоносно! Что же они скажут друг другу?!» Что они сказали там, совершенно непонятно. По крайней мере то, что объявлено, – это явно не то, что всерьёз обсуждалось. Но дело в том, что они только представляют некий невидимый истеблишмент. Незримая-то часть уходит далеко-далеко за пределы понимания толпы. И либералы обслуживают этот истеблишмент, они служат ему фасадом. Но сейчас они тоже исчерпали себя. Скорее всего, либералы будут уходить. Но это не значит, что касту воинов кто-то позовёт снова, потому что, когда на место либералов придут традиционалисты, более удобные для жрецов, силовым элементом будут служить какие-то избранные на статус жандарма государства, возможно даже, частные военные компании, к чему дело движется всё больше и больше. Потому что мы наблюдали, как вопросы в Афганистане, в Ираке решали именно частные военные компании, которых численно было не меньше, чем сотрудников Министерства обороны США.

О. Д.: Да, это интересная история, но, честно говоря, меня она всегда немного удивляет. Когда появляются наёмные воины... Да, они готовы за деньги убивать, но они не готовы за деньги умирать, и здесь есть существенная разница.

Г. Д.: Система делает ставку на абсолютное превосходство в электронике, в технике, в огневой мощи, в лазерных пушках, установленных на гиперзвуковых космических аппаратах, ставку на дроны, на тотальный электронный контроль над всей поверхностью земного шара. Хотя на самом деле не только им доступны технологии, и возможно, что тут будут очень-очень неожиданные и неприятные для этой системы ходы.

О. Д.: Да. К сожалению или к счастью, даже не знаю. Действительно, воинов заменили ботаники и умники, которые сидят теперь возле компьютеров и рассчитывают что-то...

Г. Д.: Ботаники у компьютеров и, так сказать, убийцы, предпочитающие играть в одни ворота на местах, в поле. Но дело в том, что произошла интересная вещь. Почему империя теперь не может состояться? Потому что насилие перестало быть сакральным, перестало быть связанным с благом. В империи насилие было связано с концепцией блага. Как оно сакрализовалось через власть? Власть идентифицировалась с концепцией бытия, то есть блага. В платоновском сознании бытие и благо – это синонимы.

О. Д.: Понятно. Рим захватывал новую провинцию, и всем римлянам раздавали хлеб и устраивали зрелища, и общество города Рима радовалось, что захватили какую-нибудь Галлию.

Г. Д.: Конечно. И потом происходил триумф. Во время триумфа приводили местного или туземного царя, которого вели на верёвках, спотыкающегося, потом его удавливали. И толпа ликовала, естественно, потому что осуществлялось сакральное насилие, глубоко

апеллирующее к каким-то бессознательным, тёмным пластам. Сегодня насилие десакрализовано. Существует и новая сакрализация насилия, но она идёт за пределами власти, она идёт вне властного дискурса, это антивластная сакрализация. Это сакрализация, которая идёт через враждебные системе действия, партизанские действия. Например, Че Гевара. Че Гевара – это насилие, которое идёт против власти, и это сакрализация насилия вне контекста власти. А на Че Геваре империю не построишь.

О. Д.: Да. Че Гевару, правда, теперь используют в качестве буржуазного бренда, рисуют на майках.

Г. Д.: На место Че Гевары приходят другие, так сказать, новые вариации, но их единая черта – то, что они антивластны. Это новая сакральность. Такое насилие связано с тем, что оно является насилием революционным, негативным, отрицающим, деструктивным насилием. В нём рождается новая сакральность, а насилие на стороне власти уже не сакрально. Полиция начинает прятать когти, очень стесняется самой себя, появляется масса журналистских расследований, демократических запросов в парламенты – в общем, либеральное пространство не способно обеспечить сакральное насилие, оно фальшиво и лицемерно пользуется опосредованным, проклятым насилием.

О. Д.: Я задам вам сейчас провокационный и даже, так сказать, не побоюсь этого слова, совсем провокационный вопрос. Допустим, что сейчас имперская идея уже не актуальна, потому что секта воинов больше не рулит этим направлением.

Г. Д.: Каста воинов.

О. Д.: Каста, каста воинов. Да, правильно. Но, если мы сейчас с вами немного обсудим ту самую запрещённую в России организацию под названием ИГИЛ², и то, что, насколько я знаю, там формируется халифат. И, соответственно, там ведь формируется новая империя, или, по крайней мере, они хотят её сформировать, и этим занимаются прежде всего воины. То есть получается, что идея империи и, соответственно, формирование империи силами касты воинов в каком-то смысле присутствуют сейчас на этом конкретном театре военных действий.

Г. Д.: Это, безусловно, попытка новой сакрализации насилия, но она является и попыткой новой интеграции касты воинов как игрока и как субъекта. Но ведь она идёт не в форме империи. Она идёт через франшизу, когда десятки организаций в разных местах, от южных Филиппин и Афганистана до, допустим, Мали в Африке, берут франшизу, приносят присягу и становятся ячейкой ИГ³. Это сетевая структура, которая противостоит мировому порядку. Это не империя, потому что империя не может иметь сетевую структуру. Империя центрична, и империя должна мыслить себя в отождествлении с мейнстримом мирового порядка, а если она противостоит мировому порядку, то это...

О. Д.: Это антиимперия.

Г. Д.: Да, это антиимперия, это партизанщина, это совсем другое. И вот как раз каста воинов сегодня оказывается антиимперией, она оказывается сетевой структурой. А мировой порядок, который не собирается ни сдаваться, ни уступать и будет увеличивать и наращивать свою тоталитарность, он не будет имперским.

О. Д.: А каким же он будет?

Г. Д.: Я думаю, что это будет мировое правительство с опорой на наёмные силы и на технологии. На наёмных, так сказать, контрольных палачей, полицейских, жандармов. Возможно, на переходный период, после схода с исторической сцены США, с опорой на какие-то страны, которые сегодня явно работают как жандарм номер один.

О. Д.: Мировой.

² Запрещённая в России террористическая организация.

³ ИГИЛ, запрещённая в России террористическая организация.

Г. Д.: Мировой. Но они уже не выдерживают, они ломаются. Кстати говоря, они последние, кто не собирается извиняться, в отличие от Европы, за насилие, творимое в том числе не только снаружи, но и внутри. Они очень жёстки, они повышают уровень жёсткости в обращении со своим населением. Но от этого насилие, которое творят американцы, не становится сакральным, ни в Афганистане, ни в Айдахо, ни в Колорадо, ни в Ираке. Их насилие проклинается всем человечеством. Они за него пока ещё не извиняются, но понятно, что США – это либеральная империя, которая в противоречии, в когнитивном диссонансе сама с собой. И она уходит. На её место могут быть выдвинуты другие государства, которые будут работать как военные компании, как наёмная сила. На переходный период. Потом, может быть, и от государственного элемента это будет освобождено. Будет мировое правительство, наёмные структуры и технологии со спутниковыми, дроновыми возможностями контроля, с проникновением спецслужб. Конечно, это будет основано на том, что это мировое правительство будет прежде всего исполнять жреческий заказ, потому что очень близко с ним будут работать спецслужбы, которые будут мотивированы идеологически, как масоны. Человек, которого будут посылать, допустим, внедриться в подрывные структуры, который будет заниматься борьбой с оппозицией, будет не наёмником, он будет человеком, который верит в эту глобальную мировую систему, основанную на традиционалистском клубе. Он будет традиционалистом классического типа, как масоны старого образца.

О. Д.: В каком-то смысле он будет религиозный человек, потому что идти умирать... за деньги умирать не пойдёшь.

Г. Д.: В каком-то смысле он будет религиозный человек. Религиозность традиционалистов и религиозность их оппонентов – радикалов, касты воинов, которые будут им оппонировать, – эти религиозности будут противоположного типа, как чёрное и белое. Но такое уже было. Если мы вспомним секты, боровшиеся за социальную справедливость, – анабаптистов, Мюнцера, – это была противоположная католическому истеблишменту религиозность. Была религиозность католическая, которая во многом была искренней, не только же там монахи-обжоры и проходимцы были, были серьёзные люди святые, типа Бернарда Клервоского, и были такие фанатики, как Ян Гус. Это было противостояние двух религиозностей, одна из них – религиозность сакрального истеблишмента, а другая – религиозность справедливости. Мы возвращаемся к этому.

О. Д.: Гейдар, у меня к вам такой вопрос, на который, может быть, и есть ответ, а может быть, и нет. Всё-таки сегодняшняя Россия испытывает сильный прилив патриотизма, и память о Советском Союзе расправляет плечи, или крылья. Воссоздаётся ощущение империи, ощущение великой страны, ощущение того, что можно противостоять каким-то там тёмным силам. И это вдохновляет людей на какие-то поступки. Вспомним весь XX век. Ведь Россия в течение XX века два раза превращалась в пепелище – после Первой мировой войны с Гражданской и после Второй мировой войны. Просто в пыль. 10–15 % от промышленного потенциала оставалось. И всё равно это всё поднималось. Россия становилась мировой державой. И во многом складывается ощущение того, что империя и двигала людьми, ведь просто так, бесплатно, работать ради чего было? Работали ведь не за телевизор или новый автомобиль, работали ради будущего. И что же? Пришёл XXI век. Станет ли Россия мировой державой, а это то, о чём многие мечтают, станет ли она империей в сегодняшнем понимании?

Г. Д.: Рывок, который сейчас был сделан, начиная с Крыма и кончая Сирией, это заявка на превращение в империю или на по крайней мере вход в число государств – субъектов первого или второго ряда, которые не являются объектами, не являются фигурками на шахматной доске, а «право имеют», выражаясь языком Раскольникова. Но тут вот какой вопрос. Без сомнения, в XIX веке Россия была империей, но она была империей за счёт того, что правящий слой, кусок его основной, был наследником Чингисидской империи, то есть это

были воины-татары, потомки мурз, баскаков, с одной стороны, а с другой стороны, это были германские графы и бароны, которые пришли из-за рубежа и получили здесь статус местной аристократии. С одной стороны Ольденбурги...

О. Д.: Но всё-таки ещё были наследники русского военного дворянства, давайте ещё об этом вспомним.

Г. Д.: А русское военное дворянство из кого состояло? С одной стороны Ольденбурги...

О. Д.: Рюриковичи.

Г. Д.: Их не так много было.

О. Д.: Но тем не менее.

Г. Д.: Ольденбурги с одной стороны, а с другой стороны Юсуповы. Вот такая ситуация. Ну, вот гвардии возьмите список...

О. Д.: Поспорю, Юсуповы были, Ольденбурги тоже, но были и Варакинские, много кто был.

Г. Д.: А в основе их кто? Там в основном генетика либо европейской знати, которая мигрировала, начиная с Ивана Грозного, опричнина на 90 % состояла из искателей приключений...

О. Д.: Ну, хорошо, продолжим всё-таки...

Г. Д.: Это силовой элемент, традиционный силовой элемент. Во главе всего этого стояли такие люди, как Александр I, до этого Павел, после Александра Николай I, откровенный немец, который был помешан на военной дисциплине, на кавалергардских смотрах, и так далее и так далее, вплоть до Николая II, стрелявшего ворон у себя в саду.

Дальше что? Когда вся эта военная аристократическая верхушка была сметена...

О. Д.: Или слилась. Я бы ещё так сказал.

Г. Д.: Ну, она слилась, но она была и сметена тоже. Некоторая часть её интегрировалась в большевизм, типа Бонч-Бруевича, генштабистов разных, которые сделали ставку именно на Троцкого и на Ленина. Конкретно это было ядро Генштаба, которое поняло, что это сила, которая может сохранить единство территории.

Но дальше что получилось? Ведь для того, чтобы была империя, реально, как мы уже в процессе нашего разговора выяснили, нужна ставка на воинов, а Сталин побоялся даже Жукову довериться или сохранить за ним какой-то серьёзный статус. При проблематичности Сталина как воина в смысле кастовости, и даже то, что имелось...

О. Д.: После войны Сталин всех воинов почикал, можно сказать.

Г. Д.: Он и до войны их чикал, и после войны чикал. Без этого империи не получится. Военное сословие на территории СССР было переформатировано в категорию людей, которая точно на себя политическую ответственность не может принять и никогда не примет.

О. Д.: И не приняли в итоге.

Г. Д.: А с чекистами империю не построишь, потому что это другой тип людей. Это как в Византии, это евнухи при дворе византийского императора. Они и провалили эту Византийскую империю.

О. Д.: Ну что же, что называется, поживём – увидим. Хотелось бы подольше пожить и посмотреть, будут ли какие-то заявки на империю.

Г. Д.: Есть у традиционалистского клуба виды на Россию в качестве смены караула после США. Но не хотелось бы, честно говоря, такого, потому что тогда Россия превращается в жандарма номер два, а это путь не благородный и исторически тупиковый.

Эсхатология в смысловом плане указывает на последние времена. Доктрина финализма – это просто слегка отредактированное переиздание эсхатологии.

В условиях такой поляризации всё, кроме этих двух борющихся полюсов, будет подделкой и симулякром: и империи, и национальные государства.

Глава 6

Невозможность возврата в сталинизм

Иосиф Сталин до сих пор остаётся одной из самых острых и конфликтных фигур в массовом сознании россиян. Несмотря на то что с момента его смерти прошло 63 года, по крайней мере дважды полностью обновился поколенческий состав и страна имеет очень мало общего с тем, что происходило на её просторах в первые послевоенные годы, Сталин и сталинизм никого не оставляют равнодушными.

Разумеется, главным в личности Сталина остаётся то, что он символизирует собой – по крайней мере в мироощущении подавляющего большинства – пик в историческом развитии России. При Сталине Россия впервые стала партнёром Большого Запада; при нём же Советский Союз превратился в ядерную сверхдержаву и вошёл составной частью в мировую империалистическую систему, сохраняя «левую» риторику.

В каком-то смысле прохановский проект по объединению белых и красных растёт именно в той почве и является знаменем той эпохи. У современных россиян революционеры первой волны, зачищенные сталинскими органами, не вызывают ни симпатии, ни даже минимального сочувствия. В мировосприятии наших современников Великий Октябрь был «исторической подставой», прерыванием якобы органического пути российской государственности. Сталин будто бы восстановил эту преемственность, преодолел «сбой» в логике развития России. Иными словами, Сталину удалось вернуться в имперское измерение старой российской державы, войти второй раз в реку.

Вопрос сегодня, однако, ставится так: можно ли войти в эту реку третий раз? Ностальгия по сталинизму имеет вполне историческое измерение: большинство россиян хочет быть империей.

Многие факторы указывают на то, что это невозможно. Российская государственность лишилась как минимум половины своего географического и человеческого ресурса. Ушли территории, которые образовывали остро необходимый для функционирования империи ресурс. Это то, что касается ситуации внутри бывшего СССР!

Но ещё более серьёзной потерей стала утрата Восточной Европы, завоевание которой (с согласия и при поддержке Большого Запада) оказалось той основой, на которой только и возможно было построить империю.

Кроме того, нельзя упускать из вида, что население современной России имеет мало общего с ментальной матрицей советского народа, сложившейся между 30-ми и 50-ми годами. Нынешние люди всерьёз принимают свои крайне правые комплексы за аутентичный сталинизм, не подозревая, что суть той эпохи выражалась в особой форме левизны, противостоявшей как социал-демократии, так и классическому троцкизму. Сталинизм жил в динамике глубоких внутренних противоречий. Реально прожить то идеологическое и политическое пространство могли лишь люди действия, в некотором смысле титаны, которые находили самовыражение в символических актах космического масштаба: перелёт Чкалова, челюскинцы, строительство городов типа Комсомольска-на-Амуре и тому подобное. Империя для тогдашних людей-титанов была соответствующим необходимым одеянием. Сталин оказался идеальной фигурой, в которой воплотилась «точка сборки», где объединились воинствующая ксенофобия и интернационализм, мечта о справедливости и беспощадная жестокость по отношению к инакомыслию...

О. Д.: Сегодня наша тема – «Невозможность возврата в сталинизм». Сегодня ностальгия по имперскому прошлому, связанному с именем Сталина, широко распространена. Сталинизм рассматривается как эталон процветания великой державы. И сегодня уважаемый Гейдар будет говорить о том, что возврат к сталинизму невозможен, а я попробую с ним поспорить. Что ж, так ли уж он невозможен?

Г. Д.: Замечательно. Понимаете, если мы говорим о сталинизме, а не о различных его имитациях, вроде так называемой твёрдой руки, полицейского режима, всякого рода «судорогах», то это не сталинизм. Сталинизм принято ассоциировать с имперским началом, с появлением колоссальных возможностей государства. Это возможность перекрывать Енисей; это ГОЭЛРО; это атомный проект; это ликбез; это подготовка того, что было при Хрущёве, но началось при Сталине – полёта Гагарина, естественно, космос (тоже в общем-то сталинский проект, за счёт чего приобретён колоссальный вес на международной арене). То есть это всё то, что принято связывать с империей. Про империю мы говорили. Говорили, что империя – это вчерашний день, но это же и неисчерпаемая тема. Есть разные аспекты подхода к империям. Империя – это очень специфический феномен, очень специфический момент в динамике того, что люди обычно называют историческим прогрессом. Когда люди говорят о прогрессе, как правило, они имеют в виду нечто очень близкое им, но никогда не то, что является по сути смыслом и стержнем прогресса. Что обычно называется прогрессом? Появление различного рода удобств, рост количества материальных благ, комфорта, гаджеты. Вчера ты ездил на тройке, а сегодня уже на электромагнитной подушке или на самолёте. Вчера нарочным посылал вестовых, а сегодня для передачи информации есть смартфоны и так далее. Это якобы и есть прогресс. Но в действительности прогресс – это совершенно другое. А наличие всяких технических удобств – это только внешние проявления, как язвы бубонной чумы есть только проявления болезни, а не она сама.

О. Д.: Да, достаточно забавное сравнение. И мы с собой носим в карманах просто язвы бубонной чумы в виде смартфонов.

Г. Д.: Но если вдуматься в то, что такое прогресс в самом широком смысле слова, то это рост стоимости жизненного человеческого времени, это рост капитализации человеческого фактора. Я не раз высказывался на эту тему. Вот, допустим, крестьянин, который сидит у себя в медвежьем углу, – он ничего не стоит. Его жизненное время ничего не стоит.

О. Д.: Ну если он сам себя обеспечивает...

Г. Д.: Он сам себя обеспечивает, он никому не нужен, ему ничего не нужно. А потом его за ухо выволакивают и превращают в кого-то, а его дети становятся пролетариями, а его правнуки становятся, допустим, офисными работниками, топ-менеджерами, к примеру. И минута их жизненного времени стоит, скажем, больше, чем весь жизненный путь их пращура. Вот это можно назвать прогрессом. Прогресс – это капитализация жизненного времени. Маркс, говоря о рабочем времени, сосредотачивался только на аспекте превращения этого рабочего времени в прибавочный продукт. Но этого мало. Это очень ничтожная часть проблемы времени, ведь стоимость жизненного времени включает в себя и досуг, и переоценку деятельности уже умерших поколений, идущую непрерывно. Идёт игра на этом, создаются фьючерсы на времени ещё не родившихся. Вот почему дериваты выходят на акции, вот почему существует огромное количество фиктивных, воздушных ценных бумаг. Это, собственно говоря, попытка капитализировать время ещё не родившихся поколений, очень неудачная попытка, которая ведёт к катастрофе, но тем не менее существует. Так вот, империя – это очень специфическая ситуация в этом прогрессе, как повышении стоимости жизненного времени, когда взрывным образом время огромного количества людей из состо-

яния, близкого по стоимости к нулю, переводится в очень крупную цифру. Были люди никем и звать их было никак, и внезапно они становятся кем-то. Как аббат Сийес говорил: «Кто было третье сословие – никто. Кем оно должно стать – всем». Мы можем то же самое сказать и о четвёртом сословии. Вот четвёртое сословие уже товарищ Сталин предложил сделать всем и сделал в какой-то момент. При этом, конечно, эти люди должны хотеть стать всем, а не то, как если бы их за ухо втягивали. Вот в Англии, допустим, был процесс вытягивания за ухо, то есть людей сгоняли с земли.

О. Д.: Известный как огораживание.

Г. Д.: Да, огораживание. Вот это насильственный подход. А при Сталине все должны хотеть, понимаете, вот появляется миллион людей, которые хотят стать кем-то.

О. Д.: Ну здесь я попробую вам оппонировать. Ведь сама идея коллективизации, которую Сталин стал продвигать в 30-е годы параллельно с индустриализацией, как раз и была, что называется, вытягиванием «за ушко да на солнышко». Крестьян собирали в колхозы, и очень многие, оставшись без возможности пропитания по разным причинам, шли в город рабочими, просто в качестве рабочих рук. Это был взрывной переход из одного качества в другое, из крестьянской России в так называемую пролетарскую Россию. Это было необходимо в тот момент существования Советского Союза для качественного индустриального скачка, правильно? То есть всё-таки имело место то же огораживание в виде колхозов.

Г. Д.: Гигантский процесс, который был неоднозначен. Да, были колхозы, и какая-то часть их, конечно, была вытащена насильственно из своих медвежьих углов, условно, более или менее медвежьих. И, конечно же, был элемент сопротивления, был элемент ухода в глухую защиту. Но было и некоторое ядро, которое стремилось к этому, это ядро было в принципе наиболее низким слоем сельского населения, это было сельское батрачество, беднейшее, безземельное крестьянство.

О. Д.: Люмпены, короче говоря.

Г. Д.: Сельские люмпены, которые внезапно переводились из состояния «никто» в состояние кого-то. И они оказывались между такими жерновами обстоятельств, при которых выживали люди, проявлявшие минимум способностей. Для этого существовали ликбез, всякие производственные школы, различные формы обучения, которые продвигали их вверх. И тот же Косиор говорил в 1934 или 1935 году на съезде комсомола: «У нас 500 тысяч юношей и девушек пришли на командные посты в советской администрации в советском начальственном слое». 500 тысяч юношей и девушек заняли какие-то кресла в кабинетах. Ну, по этому поводу, конечно, иронизировали, чьи кресла и в чьих кабинетах, но это уже другой вопрос.

О. Д.: Я боюсь, что они все там были с тремя классами церковно-приходской...

Г. Д.: Это не важно. Если посмотреть на Россию в 1913 году, это огромное море людей, которые были в подавляющем большинстве неграмотными или малограмотными. Они были узко, локально ориентированы. Это были люди, которые жили домотканым, доморощенным натуральным хозяйством. И их было огромное количество, потому что численность населения царской империи в канун войны было примерно 150 миллионов. Это по тем временам гигантская цифра, это в четыре раза больше, чем жило в Австро-Венгрии, которая была не последней империей в Европе. И всё это количество людей внезапно перелопачивается, взлохмачивается, переводится в состояние жёсткого стресса сначала четырьмя годами окопной войны, потом Гражданской войной, голодом, а потом неким проектом – партийным проектом, который придаёт всему этому хаосу смысл, движение.

О. Д.: То есть получилось, что вся страна в каком-то смысле взлетела вверх в социальном лифте.

Г. Д.: Правильно. Социальный лифт – совершенно правильно указанное слово. Но я хочу сказать, что в этом нет исключительности. Если мы посмотрим на наиболее яркие

примеры возникновения современных империй недавнего времени, это та же самая парадигма. Вот яркий пример – Япония. Прекрасная тому иллюстрация. Когда commodore Перри, американец, приехал пострелять в виду порта Йокогама из пушки, чтобы послать предупреждение от лица мирового сообщества закрытой Японии, сёгун поставил задачу перед японским населением. Он предложил японцам направлять ему проекты, в которых бы говорилось, что делать Японии в условиях агрессии западного сообщества, как отстоять страну, её образ жизни, её суверенитет, её ценности. Он получил 30 тысяч предложений со всех концов страны. Из них только семнадцать принадлежало не самураям. При том что население было образованным, грамотность его приближалась к 90 %. Это означает, что всем, кроме самураев, было глубоко наплевать на судьбу Японии. В 1905 году, примерно через полвека после этого, под Порт-Артуром те же самые потомки крестьян, которым было на всё наплевать, дрались не хуже тех же самураев, которые были их офицерами. То есть к 1905 году Япония была мобилизована уже как империя. Мы знаем, как жёстко крестьянство было никем в самурайской феодальной Японии. Самурай мог в случае, если крестьянин на узкой тропинке как-то не так на него посмотрел или, не дай бог, задел его саблём, которую он оттопыривал, чтобы больше места занять, его просто убить. И вдруг внезапно всё население превращается в японский народ. Народ, который является потомками богини Аматерасу и детьми императора. То есть они были никто и стали кем-то, и возникает Японская империя. Наполеоновская империя возникла точно так же. Эти люди, французы, которые до 1789 года были никем, и французский синьор мог встретить, возвращаясь с охоты, французского крестьянина, и он мог его убить и омыть в его крови усталые после охоты ноги, по статусу...

О. Д.: Да, известно, это было, и за это наказывали некоторых синьоров.

Г. Д.: Так вот, после взятия Бастилии эти люди стали кем-то, и то, что они стали кем-то, выразилось в фигуре Наполеона. Причём выразилось так круто, что не получилось вернуть всё на старые бурбоновские рельсы. Пытались, но не получилось, и пришлось пережить очень сложный процесс возвращения «маленького племянника великого дяди» Наполеона Третьего. То же самое в 50-х годах XIX века. Маркс писал о Германии как о самом захудалом, забытом Богом крестьянском уголке Европы. Абсолютно неразвитая территория, крестьянская территория. Ещё у Достоевского мы находим комментарий по поводу немца, что немец – это что-то необычайно отсталое, ужасно отсталое.

О. Д.: Да, дремучий бюргер в лучшем случае.

Г. Д.: Не бюргер, а бауэр, крестьянин. И вот Бисмарк переводит этих некто в кого-то, и получается бисмарковская империя, которая поставила весь мир на уши в течение следующих примерно ста лет. Но ведь уже ни Японию сегодняшнюю, ни Германию сегодняшнюю, ни Францию не вернёшь в прежнее состояние. Почему? Потому что нет напряжения между катодом и анодом. Ресурс повышения статуса, повышения капитализации исчерпан, и в России он исчерпан тоже.

О. Д.: Вопрос очень интересный. Действительно, когда был сталинизм, а по-вашему, некая энергия, назовём её так, расщепления ядра, перехода из одного социального слоя в другой – крестьяне становятся пролетариями. Это действительно даёт много энергии, начинают работать социальные лифты. Просто так, на глазах, всё взлетает, и именно это толкает страну к новому прорыву. Ведь если мы с экономической точки зрения посмотрим на революцию 1917 года и следующие за ней Гражданскую войну и разруху... В соответствии с экономическими сводками, к 1922 году от промышленного потенциала (в отношении к 1913-му) осталось 15 %. Представляете? Из фабрик, заводов, из всего промышленного потенциала России после Гражданской войны осталось 15 %. Это же пыль вообще, развалины, это считай, что ничего нет. Просто какие-то огрызки фундамента. Но буквально за пару десятков лет Россия становится мировой державой. И потом, понятно, Вторая мировая война, снова

пепелище. И тем не менее именно этот качественный переход с высвобождением очень сильной энергии, наверное, и есть сталинизм. Как вы считаете?

Г. Д.: Катод и анод. На одном конце ноль. Мы имеем человеческую массу, время которой ничего не стоит, имя каждого из массы, каждого из этих атомарных единиц, составляющих эту массу, ничего не значит. Иван Иванович, Пётр Петрович, жив – умер, никакой разницы, и следующий шаг – они являются авангардом человечества, и уже каждый из них – это просто герой, на которого равняются сотни тысяч молодых людей на Кубе, в Мексике, в какой-нибудь Европе. Просто уже Иван Иванович – это посланник нового светлого завтра, условный Стаханов. Это колоссальный выброс энергии. В принципе, в миниатюре, возможно, Сталин сформулировал эту парадигму, которую мы можем найти и в Японии, и в бисмарковской Германии, и в наполеоновской Франции. Он обобщил её, он довёл её до максимума и просто применил практически на таких просторах, что всё это превратилось в метаисторический факт. Но повтор этого невозможен, потому что люди уже исчерпали возможность повышения статуса, то есть катода нет. Анод там есть, катода уже нет.

О. Д.: То есть правильно ли я понимаю, что вся так называемая ностальгия по сталинизму, по твёрдой руке, по тому, как вся страна в едином порыве...

Г. Д.: Многие путают, думают, что сталинизм – это твёрдая рука. Вот Пиночет – это твёрдая рука, в Аргентине при хунте была твёрдая рука, но это же не сталинизм. И Франко не создал империю, хотя твёрдая рука у него была, очень твёрдая. При Салазаре в Португалии была очень твёрдая рука, но это было захолустное, совершенно периферийное, убогое государство, которое даже не смогло вырваться на уровень какой-нибудь средней Европы. Только вот после Салазара что-то там произошло.

О. Д.: И, грубо говоря, наш народ сможет многое простить Сталину-2 или Неосталину в обмен на то, что он будет делать из страны новую империю, а если не будет, то ему, соответственно, и не простят?

Г. Д.: Для этого необходимо, чтобы был потенциал. Откуда взять людей, которые никто и знают при этом, что они никто, и хотят стать всем? Потому что сегодня каждый, огромное большинство ныне живущих людей о себе что-то понимают. Они являются образованцами. Они являются городскими люмпенами, которые что-то о себе представляют. Они имеют какие-то понятия, у них есть запросы на уровень потребления, они не способны с точкой и с кайлом строить Беломорканал. От этого некуда прыгать. У них, конечно, могут быть фантазии, что хорошо было бы быть не гражданами России, встающей с колен, а гражданами России, которая не только уже встала, но и всех вокруг себя на колени поставила. Но это же фантазии. Для этого нужно перейти из состояния «ноль» в состояние «сто», из состояния льда в состояние пара, а они уже являются водой.

О. Д.: Да, вот оно в чём дело, оказывается. Так получается, что все великие империи отстрелялись уже, кроме Африки, в которой нулевой потенциал остался, я так понимаю.

Г. Д.: Тут, конечно, ещё есть над чем работать, но существует одна закавыка. Для того чтобы 150 миллионов неграмотных мужиков перевести в состояние Стаханова или Паши Ангелиной, чтобы сделать их спортсменами, учёными, деятелями партии и комсомола, нужны были действительно огромные ресурсы. Откуда было их взять? Надо было забрать у крестьян зерно, у бывших их хозяев все сбережения, вытащить бриллианты из лифчиков великих княгинь, из Эрмитажа взять полотна и загнать их в обмен на станки. То есть провести громадную трансформацию ценностей, на которые можно было положить руку для стимула преобразований. Для того чтобы сегодня поднять африканцев до этого уровня и сделать великую империю, нет этих графинь, герцогинь, нет этого зерна, нет людей, которые способны вложить всё это, как какие-нибудь банкиры Шифф, Парвус или Ротшильды вложились, и десятки тысяч специалистов приехали из Соединённых Штатов поднимать советскую экономику.

О. Д.: Они же не просто так, не бесплатно приехали...

Г. Д.: Не бесплатно. Но при этом они были идеологически ангажированы, они же ехали, не будучи враждебны советскому проекту. Не бесплатно, да. Естественно, что для этого нужен ресурс. Чтобы 800 тысяч африканцев поднять ко взрыву новой империи, новой сверхновой, нужны колоссальные ресурсы, а на земном шаре их больше нет. То есть стоимость перевода Африки в новую империю...

О. Д.: Больше стоимости самой Африки.

Г. Д.: Да, больше стоимости самой Африки. Отдача не может оправдать это усилие. Поэтому с точки зрения правящего мирового класса проще Африку убить, чем превратить её в часть себя.

О. Д.: Да и кому она нужна со своей империей, она же будет сильно мешать всем остальным.

Г. Д.: Она будет сильно мешать, поэтому уже существуют на эту тему определённые разработки – как от неё избавиться.

О. Д.: Понятно. Вернёмся к нашей стране, к Российской империи, наследнице Советского... к Российской Федерации, я прошу прощения, оговорился. Действительно, ведь в наших соотечественниках осталась довольно сильная ностальгия, не по тому сталинизму, которого все как бы боялись, а по тому внутреннему ощущению энтузиазма и радости, с которым, к примеру, мои дед и бабушка участвовали в подъёме страны. И судя по тому, что я от них слышал, мне казалось, что там было такое чувство радости, что с каждым днём становилось жить всё радостней. Понятно, что шла пропаганда из всех репродукторов, были весёлые фильмы, но люди ведь не могли вот так просто радоваться ни с того ни с сего.

Г. Д.: Именно этот подход, переход от нуля к ста, катоданод, этот взрывной импульс, который выделяет колоссальное количество энергии, он всё объясняет. Были жёсткие репрессии, люди ждали приезда ночью. Люди понимали, что если ты сделал шаг влево или вправо, оступился, колосок украл, то тебя ожидает очень незавидная судьба. И при этом эйфория так и пёрла, и это веселье не могло быть вызвано искусственно. Пропганда же не могла идти против потока. Если люди ощущают себя в тяжёлой депрессии, то любое веселье воспринимается достаточно оскорбительно и провоцирующе. А тут всё складывалось в некий общий хор, почему? Потому что те, кто были никем, ощущали, как они становятся всем, и именно подобный момент делал их столь эйфорическими. Этот процесс в значительной степени универсален. Почему они всё терпели, почему преодолевали любые трудности? Почему великая армия Наполеона вот так запросто по морозу дошла до Москвы и ушла обратно и при этом не свергла Наполеона, а продолжала сражаться за него и в 1814 году, и те 100 дней, когда он сбежал? Почему Франция за него стояла до самого конца? Потому что возможно было терпеть во имя некоторого смысла, символа превращения людей, которые ещё помнят, что они были никем, и на глазах стали повелителями Европы. Монархи сидели в приёмной у Наполеона и дожидались очереди как просители, и любой француз мог открыть к итальянскому или немецкому герцогу дверь ногой, как какой-нибудь обычный ландский полковник. Вот ради этого люди и дрались до конца.

О. Д.: Да, я понимаю. Ну и что получается, ресурс исчерпан? И, соответственно, идея сталинизма и превращение России в новую империю или, допустим, в мировую державу как бы бессмысленна? Не получится больше из России мировой державы?

Г. Д.: Будет. Только нужна свежая кровь.

О. Д.: Надо чью-то кровь пустить?

Г. Д.: Нет, надо чью-то кровь влить. Нужны люди, которые на сегодняшний момент являются никем и хотят стать всем.

О. Д.: Так ведь всегда же появляется новое поколение, в нём есть такие люди.

Г. Д.: К сожалению, их всех с колыбели воспитывают с сознанием того, что они много значат, что они уже кто-то и что у них есть огромное прошлое. Вообще даже из дворян николаевской эпохи или александровской нельзя было создать империю, можно было сделать империю из петровских дворян. Вот петровские дворяне – они были никто...

О. Д.: Точно, когда сержант Преображенского полка мог вбежать к губернатору и надавать ему по шее.

Г. Д.: Вот они были никто и стали кем-то. При Екатерине, допустим, были фавориты, которые знали, что они никто, при Екатерине тоже был вот этот драйв, такой что люди превращались из нуля в кого-то, у них было ощущение, что они могут локтями раздвигать пространство. Из не весящих ничего они на глазах становятся свинцовыми, раскидывают шведов направо и налево, немцы там падают на колени. А потом это всё устоялось, возник слой осевших и много о себе понимающих помещиков. Екатерина зафиксировала это указом о вольности дворянства. Дворяне о себе понимали очень много, что уже при Николае показала Крымская война. Значит, империя осталась империей только по названию. Нельзя было из этих людей что-то сделать, потому что они уже о себе много воображали. А разрыв с мужиком остался, мужик остался, его били палками, розгами. Страшный в общем-то был разрыв. Да и дворянам при любом шаге влево-вправо тоже показывали их место. Но сама идея «мы теперь что-то значим» убийственна для империи, для создания империи нужно начинать с голодными.

О. Д.: Меня, кстати, всегда интересовал вопрос, почему в 1917 году никто из верхушки российской элиты не выступил против большевиков и, соответственно, против нового строя. Ведь, собственно, Деникин был штабной генерал, Колчак вообще был адмиралом, какой из него сухопутный военачальник. Это были люди второй и третьей очереди. Врангель тот же самый – ничего из себя не представлявший командир дивизии. А где та самая элита?

Г. Д.: Генеральный штаб изначально просто поддержал большевиков, потому что он исходил из имперской идеи и видел в большевиках ту политическую силу, которая приведёт их наверх. Ту силу, которая освободит колоссальную ядерную энергию, заключающуюся в анонимных атомах человеческого моря. Менжинский и Бонч-Бруевич ведь не входили в ленинское окружение, они были дворяне.

О. Д.: Но где Шереметевы, где Волконские, где они все? Где десяток-другой выдающихся фамилий? Они же все куда-то разбежались, в лучшем случае погибли в Гражданской войне. Ведь элита полностью деградировала. Я, кстати, хотел привести забавный пример. Мне рассказывали, что перед войной в театре Вахтангова в оркестре на скрипке играл последний граф Шереметев, его, видимо, когда-то в детстве учили на ней играть. Его периодически вызывали в НКВД, допрашивали, граф же все-таки...

Г. Д.: А жил он, кстати, в одной из башен Новодевичьего монастыря.

О. Д.: Ну может быть, я точно не знаю. Мне актеры Вахтанговского театра рассказывали, что он один раз пришёл с допроса и его спрашивают, как всё прошло, а он отвечает: «Да меня всё спрашивают, боролся ли я с царизмом? Я отвечаю, что боролся. Говорю, что когда играл с детьми царя, то часто их бивал». О чём это говорит? О том, что элита Российской империи превратилась просто в какое-то посмешище. Но давайте перейдём к сегодняшнему времени. Ведь сейчас тоже формируется элита. Сейчас социальные лифты 90-х годов уже сработали, и те, кто хотел выбраться в первый ряд, прошли в правительство, сначала, так сказать, либеральный замес, потом силовики. В целом сформировалась некая общность. Не зря известный нам председатель Совета Безопасности Патрушев частенько упоминает о новых дворянах.

Г. Д.: Это совсем не то. Конечно, там есть определённый подъём со ступеньки на ступеньку, и этого хватает для того, чтобы выдвинуть запрос на изменение статуса России с проигравшей холодную войну империи третьего разряда на империю как минимум второго раз-

ряда. То есть чтобы вернуться к статусу держав, которые что-то получают не только со своих подданных в масштабах национальных границ, но имеют ещё и международный охват. Так, Великобритания и Франция ещё с международного пространства что-то получают, не говоря уже о Соединённых Штатах. Такой запрос есть, но это не империя по-настоящему, потому что те люди, которые сегодня перешли в правительство, или силовики, они ведь уже были кем-то, начиная с Чубайса, Явлинского и Гайдара и кончая кем угодно. Но, кстати говоря, ни один диссидент не попал в истеблишмент, не было во власти и диссидентов, которых преследовала советская власть.

О. Д.: Павловский какое-то время был рядом. Он всегда был рядом, но как-то сбоку.

Г. Д.: Павловский – это белый воротничок, референт. Он не носитель власти, он носитель папки. Такие папконосцы типа Гайдара перешли во власть, а Павловский изначально прибыл папконосцем, но откуда он прибыл, тоже непонятно. Единственная значимая диссидентка – это Новодворская, но у неё и роль такая была – фриково-театральная. А яркого оппозиционного народа много было, тех, кто противостоял советской власти. И где они? Их же разметали всех. В правительстве все партийцы или криминал. Криминал – да, криминал пригласили. Криминал что-то стал значить. Но криминал всегда о себе понимал, что они кто-то, они тоже не с нуля начинали. Это люди, которые не были удовлетворены своим статусом при советской власти, но они уже были кем-то. Они заняли первые места, ложи, первый ряд, но это совсем не так, как японские крестьяне внезапно превратились в детей императора, а стало быть, и во внуков богини Солнца.

О. Д.: Да, понятно. Кстати, вот о чём я подумал. Американская империя сегодня тоже имеет эту энергию высвобождения. Туда много приезжало и приезжает индусов, африканцев, мексиканцев. Люди заряда нулевого, и они, естественно, взрываются.

Г. Д.: Абсолютно точно. Я хотел это упомянуть. С 1870 по 1900 год в Америку приезжали миллион человек в год, 30 миллионов за 30 лет – это гигантская цифра. Если мы сравним это с сегодняшним днём, то миллион прибывших в Европу – это уже какие-то вопли страшные, а там миллион каждый год. Эти люди попадали сразу в очень жёсткие условия, крайне жёсткие, достаточно вспомнить фильм «Однажды в Америке». Это трущобы, это гетто, это шестнадцатичасовой рабочий день, абсолютное отсутствие всяких перспектив. И так было в общем-то до конца 30-х годов, до начала Второй мировой войны. Все эти люди стали кем-то именно с этой войны. Вторая мировая война сделала из них американцев с большой буквы, которые приехали на танках в Европу устанавливать новый демократический либеральный мировой порядок. То есть они стали кем-то. Были никем, стали кем-то, и вот американская империя по-настоящему началась с 1944 года.

О. Д.: Да, действительно, произошёл качественный скачок. Понятно, что Америка во многом заработала на Второй мировой войне.

Г. Д.: Она и на Первой заработала. Но даже в Первой она не стала чем-то значимым, потому что она не выбила Великобританию с её позиций. Она была страной второго ряда. Вудро Вильсон выступил на Лиге Наций со своими предложениями. 19 пунктов Вудро Вильсона. Его на смех подняли, его никто слушать не захотел, к нему относились как к клоуну. Хотя именно вмешательство Америки позволило Антанте закончить войну победоносно. Потому что Германия не собиралась сдаваться, даже после подписания Брестского мира. Германия била французов, а англичане думали, как им вообще спастись с европейского континента. Это было ещё в 1917 году. И тут вмешалась Америка, и многое переменялось. Однако в 20-е годы это было не оценено. Великобритания не уступала своих позиций «страны номер один» и оставалась ею ещё долгие двадцать пять лет. Необходима была ещё вторая война, прежде чем Америка стала страной номер один, но и это всё-таки в тандеме с СССР. Без СССР Америке не на что было рассчитывать. Кстати говоря, есть такая забавная информация, что в значительной степени США и СССР в тандеме и сговоре ломали хребет Британ-

ской империи, как две стороны, которые на пару перестраивали этот мир. И эта подпольная связь постоянно сохранялась до самого конца, ну и сохраняется, наверное, сейчас.

О. Д.: ОК. Давайте подумаем-поразмыслим над будущим источником энергии Российской империи, если мы уж начали о ней говорить. Кем же должны быть это люди? Это что, эмигранты из Средней Азии?

Г. Д.: Это в частности. Но думаю, что не только. Я думаю, что здесь необходим опыт Америки, которая открыла свои ворота иммигрантам в XIX веке самым широчайшим образом. Если учесть, допустим, что сегодня...

О. Д.: Но они ведь собирали в своё время, не побоюсь этого слова, мировые отбросы.

Г. Д.: Да, потому что их собирали как рабов. У них же не было проекта быть светочем и нести куда-то факел, хотя они и обозначали уже тогда идею американской мечты и точки сборки для всех ищущих свободу. Кто там ехал на эту американскую мечту, это уже другой вопрос. Но у них не было проекта, у них не было сита, с помощью которого они бы отсеивали ненужных, им чем проще – тем лучше. Приехал – вот тебе рабочая казарма. Если приехал во время гражданской войны – вот тебе винтовка, и все, кто сходил на берег в Нью-Йорке в 1861–1864 годах, тут же призывались в федеральную армию и отправлялись на фронт против конфедератов. А после уже – в рабочие казармы, работать в потогонной системе, работать на шахте, строить железную дорогу, шедшую с запада на восток. Но тут, собственно говоря, вопрос заключается в том, кого приглашаем, какие сита, какие средства отбора ставим. Я думаю, они должны быть широчайшими, с минимальными ограничениями возможности приезда. Россия – это страна, где плотность населения менее 10 человек на квадратный километр, это же уникально, такого больше нет нигде.

О. Д.: Да, понятно, просторы у нас огромные. Идея, где можно взять ресурсы для следующего рывка, который мы условились называть сталинизмом, в общем, понятна, хотя, конечно, в общественном сознании сталинизм – это нечто иное. Можем позвать к себе китайцев.

Г. Д.: Только не китайцев.

О. Д.: Ну вот, вы видите, ну можем пустить африканцев.

Г. Д.: Только не китайцев, и объясню почему. Дело в том, что, во-первых, китайцы не являются строительным материалом для чужих империй. Эти люди уже знают о себе, что они некто. Они уже некто благодаря Китаю.

О. Д.: То есть это уже не нули.

Г. Д.: Мао Цзэдун сделал их из нулей кем-то. До начала XIX века китайцы много о себе понимали, очень много, но Англия со своими опиумными войнами и интервенция великих держав всё это разметали. Китайская империя была унижена, какие-то солдафоны входили в запретный ранее для посещений дворец, государство несло огромные потери. Оказалось, что вся великолепно отстроенная система китайского чиновничества не работает. В общем, унижение было сравнимо с тем, которое пережила, допустим, Германия после Первой мировой войны, с Версалем. После поражений в Китае началась полоса гражданских войн, вторжения Японии, так называемых полевых командиров, которые поделили Китай между собой. То есть было запустение страшное. И над этим запустением поднимается Мао Цзэдун, который берёт за основу китайских крестьян, наиболее забытую, отброшенную с обочины истории в никуда массу. И превращает Китай в империю, в империю, которая сегодня заставляет о себе говорить. По гамбургскому счёту, у Китая сегодня ВВП больше американского – если реально подходить к вопросу. То есть это первая экономика по количественным показателям. Армия у них тоже вторая в мире. Потом, мы очень многого не знаем об их ядерном оружии, потому что они врут и не краснеют, говорят всё время, что у них 80 каких-нибудь ракет на жидком топливе. Но есть догадки, что всё это не соответствует действительности.

О. Д.: Да, я с вами согласен. Китайцев нам не надо.

Г. Д.: Короче говоря, китайцев нам не надо, потому что, во-первых, они о себе уже кое-что знают, во-вторых, когда они приходят и работают на чьей-то чужой территории, они не вмешиваются в её судьбу. Вот китайцев полно в США, чайнатауны там всякие, но они совершенно не участвуют в политической жизни.

О. Д.: Они даже английского не знают, и все надписи у них на китайском.

Г. Д.: И не хотят, конечно. Они никому не мешают. Они ходят, как в марсианских хрониках, местные тени такие сквозь прилетевших землян.

О. Д.: Друзья, наша передача подходит к концу. У нас был очень интересный разговор с Гейдаром Джемалем. Мы говорили о невозможности возврата сталинизма. И как бы мы ни боялись, сталинизм действительно к нам не вернётся, потому что нет для него никаких предпосылок.

Г. Д.: Нет человеческого ресурса, прежде всего.

О. Д.: Да, нет ресурса, никто не будет бегать с тачкой и кайлом и строить Беломорканал. Нет уже этих людей.

Г. Д.: Да.

О. Д.: Ну что ж, можно, наверное, нас с этим поздравить.

Как бы ни ностальгировала нынешняя телевизионная аудитория по сталинизму, потому крайне поверхностно и неадекватно, ни у кого из ныне живущих и действующих лидеров нет ни единого шанса на третий заход в реку Истории.

Глава 7

Различие государства и политического общества

Государство – это одно из наиболее расплывчатых и ускользающих понятий. Исходный смысл этого слова в западных языках связан с термином «состояние».

Но что это такое? Состояние чего? Скорее всего, изначально имеется в виду хаос человеческих масс, захваченных определённым состоянием, которое жёстко структурирует начальную «догосударственную ситуацию».

Правящим кругам так нравится думать. Есть-де жуликоватые и ленивые вилланы и торговцы, которые по естественным склонностям погружены в беззаконие. На них мы, правители, набиваем обручи, как на бочку. Так что бочка становится крепкой, приобретая чёткую форму, и не рассыпается.

Только это совершенно лживый миф. И он возникает именно тогда, когда правящие круги ощущают свою далеко зашедшую слабость, а управляемая масса становится величиной или фактором X. Тогда-то и возникает философия государства.

Когда Великое Существо проявляется в зеркале мира через личность фараона или кесаря, власть не нуждается в этих мифах. Сам термин «государство» ей чужд. Власть говорит об интересах Великого Рима, или Парфии, или Египта, не нуждаясь в концепции государственных интересов, вмешательства государства в частную жизнь и тому подобного. Власть как проявление персонифицированного бытия строит вокруг и под собой «политическое общество», то есть эшелонированную иерархию носителей частицы или блика, исходящих из центральной власти, из божественной личности кесаря или богдыхана. Политическое общество, всё, в той или иной степени участвует во власти.

В позднейшие времена возникает бюрократия, организованная в аппарат. Эта конфигурация ликвидирует на своём уровне, а стало быть, и на более низших в принципе саму идею власти. Власть заменяется агрессивным суевливым контролем; связь между эшелонами социума снизу вверх прерывается.

Бюрократия становится единственным инструментом для проведения сигналов сверху вниз. Поскольку она узурпирует оргфункции, она же и определяет, какими будут эти сигналы, как они дойдут до низов, какими будут последствия и тому подобное. Бюрократия становится настоящим хозяином.

А происхождение бюрократии – это вольноотпущенники, освобождённые рабы. Сегодня статус вольноотпущенника трансформировался в статус организованного люмпена, существа без корней и предшествования, как бы вывалившегося из ниоткуда.

Бюрократия создаёт первую корпорацию, истинная цель которой – паразитизм. Бюрократия печатает деньги, которые механически подвержены инфляции. Они дешевеют с момента их отправки в Центральный банк. Это удешевление денежной массы должно быть компенсировано наращиванием эксплуатации. Причём необязательно в прямой форме.

Так или иначе, государство как бюрократия является уникальной корпорацией, экономическая цель которой – не прибыль, а убыток. Поэтому сравнение государства и политического общества неправомерно и абсурдно. Политическое общество состоит из людей, погружённых в бытийные связи, коммуникации... Госбюрократия состоит из существ, которые находятся в плоском виртуальном пространстве межкабинетных игр.

О. Д.: Сегодня тема нашей передачи – «Различие государства и политического общества». Понятие «государство» в современном его понимании существует не более трёхсот лет. В этот период формируется бюрократический аппарат, который и является истинной сущностью государства. Применение термина «государство» к политическим обществам до начала эпохи модерна только создаёт путаницу, ведь природа государства в буквальном смысле антиобщественна. Итак, давайте немного поговорим о государстве и политическом обществе, как мы их разделяем.

Г. Д.: Прежде всего нужно начать с политического общества. Мы привыкли, что в учебниках истории мы читаем о том, что первые государства (в Междуречье или где-нибудь в Южной Америке) появились три-четыре тысячи лет назад или две тысячи лет назад; что Рим – это государство и так далее. Но, конечно, это неверно, это сбивает с толку, потому что появляются и на самом деле политические общества. Что под этим имеется в виду? Что значит политическое? Политическое означает, что главным предметом этого социума, главным его стержнем является власть, феномен власти. Не выживание, не пропитание, которые актуальны до тех пор, пока люди сбиваются в кучу для того, чтобы есть корешки или грибы или ловить мамонта... Я не верю в то, что такой период вообще был или что это было мейнстримом человеческой истории, это эволюционистская теория развития человеческого общества, по Энгельсу, так утверждает. Она никогда не была мне присуща. Но мы, снисходя к устоявшимся стереотипам, будем делать вид, что верим, что были какие-то такие...

О. Д.: Что были условные мамонты.

Г. Д.: Что были мамонты, или были охотники за мамонтами, и, конечно, у них главной целью было коллективно загнать этого мамонта и поесть. Ну, будем делать вид, что мы в это верим, но это не общество. Точно так же существуют реально и сегодня какие-то племена в бассейне реки Амазонки, которые действительно зависят от природы в буквальном смысле слова, они занимают определённую экологическую нишу. Напомню, что человечество тем и отличается, что у него нет экологической ниши. А вот у лисы, у зайца или, скажем, у некоего племени в бассейне Амазонки есть экологическая ниша. Что означает – экологическая ниша? Это означает, что если какой-то приток реки перекрыт, то в результате исчезает некий карп, на которого данное племя охотится с помощью остроги, и это племя гибнет.

О. Д.: Да, понятно.

Г. Д.: А человечество не гибнет ни при каких условиях, даже если Йеллоустонский заповедник взрывается. Что бы ни произошло, даже примитивное общество... Есть общества не то чтобы примитивные, настоящее общество – оно не примитивно, даже если у него нет гаджетов. Ну, скажем, такое общество, как крито-микенская культура. Были страшные катастрофы, но в общем-то с ними ничего не произошло. Определённые условия, стиль жизни, некий внешний образ там поменялись, но в принципе этот регион продолжал жить, существовать. Реальное общество не зависит от экологии, реальное общество не зависит от катастроф, потому что реальное общество имеет некое собственное измерение, которое сверхприродно. И в нём в общем-то не действует, в буквальном смысле слова, второе начало термодинамики. Простая энтропия в нём преодолена. Причём преодолена, скажем так, на третьем уровне, потому что на втором уровне это биологический организм, который демонстрирует, что не зависит от простой энтропии, которая есть в неорганике. А это уже третий уровень. Когда, допустим, вы видите пирамиды, сработанные рабами, то – понятно, что их строителями были люди, которые получали очень мало и сделали очень много. Политическое общество – оно не о том, чтобы прокормиться, не о том, чтобы выжить. Как бы Маркс ни говорил, что сначала люди должны поесть и одеться, а уже потом всё остальное,

на самом деле всё не так. Люди едят и одеваются при любых обстоятельствах, практически всегда. Если этого нет, то не о чем вообще говорить, это предварительное условие, которое мы выносим за скобки. И сразу говорим, в чём суть общества, его суть – во власти.

О. Д.: Понятно.

Г. Д.: Что такое власть? Это интереснейший вопрос. Здесь есть очень много спекулятивных домыслов о, так сказать, подчинении, отношении раба и господина...

О. Д.: Доминирования, наверное.

Г. Д.: ...Доминирование. Гегель, Ницше, Франц Фанон, эта биполярность человеческих отношений – это всё тоже не то. Власть – это просто бытие в онтологическом, метафизическом смысле слова. Это проекция бытия на человеческий уровень, то есть реального бытия. Представим себе, грубо говоря, что люди такой вот толпой, не видя друг друга, находятся в огромном храме, где темно, абсолютно всё темно: двери закрыты, окна закрыты, и только в куполе есть маленькая дырочка, через которую проходит луч света, он падает пятном на пол в центре. Вот тот, кто встанет в это пятно света, – тот есть. Тот, кто не стоит в этом пятне, – того как бы нет. Даже если речь идёт о семье и родственниках, то брат, который встал в это пятно, он есть, а брат, которого вытолкнули из этого пятна, его нет, даже если он пока жив. Поэтому вокруг этого пятна всегда шла борьба не на жизнь, а на смерть. Тот, кто встаёт в этот луч, тот существует. А встаёт в этот луч тот, кто являет собой концентрацию бытия, символ объективной реальности, не зависящий от человеческих грёз, фантазий, воображения и так далее, – это и есть объективное бытие. Оно воплощается в личности кесарей, фараонов и так далее, и так далее. Поэтому, собственно говоря, люди очень всерьёз относились к фараонам и кесарям – как к живым богам. Не потому, что они были идиоты или сикофанты или подлизывались к ним... боялись топора палача или хотели каких-то чинов, званий и так далее, а потому, что действительно в этих фигурах воплощалось бытие. Но специфика политического общества заключается в том, что между этим бытием и самым последним элементом человеческого пространства, его атомом, есть обратная связь. То есть если мы представим себе человеческое общество в виде пирамиды, то в ней будут возвышение и опускание, есть «сольве» (растворение), и есть «коагула» (сгущение).

О. Д.: Ну, или то, что у нас в последнее время называют социальными лифтами.

Г. Д.: Ну, нет, я бы так не сказал. Это не то что какой-нибудь раб может стать сатрапом, бывало, и сатрапом становился, но не в этом дело. А дело в том, что раб мог дойти до фараона. Или через какие-то инстанции передать своё, скажем, предельное недовольство, неким образом просигнализировать фараону. И в принципе, позиция фараона, его причастность к бытию, его воплощение бытия, тоже касалась и раба в самом низу. Все эти люди были задействованы в некоем целостном проекте. Собственно говоря, это было и есть движение того, что Гегель называл Мировым Духом. Это вот поднятие импульса снизу вверх и его опускание сверху вниз. Но, если мы представим себе, допустим, того же фараона в качестве еврейской буквы алеф, то это «сольве э коагула», растворение и сгущение – как две руки: одна поднята вверх, другая опущена вниз; центральная фигура, которая располагается между небом и землёй. Поэтому можно сказать, что политическое общество – это триптих. Это триптих в том смысле, что это бытие, оно же является властью, это синонимы, и оно же является Духом, в гегелевском смысле, то есть Мировым Духом. Мировой Дух является кровью, омывающей все состояния, все пласты человеческого пространства снизу доверху и соединяющие их. Но это не значит, что это тот дух, о котором говорят пророки, Мировой Дух в смысле Гегеля и в смысле Платона – это не Дух в смысле Библии и Корана. Вот поэтому, когда мы, единобожники, говорим о духе, мы подчёркиваем – Святой Дух. Когда Гегель говорит о духе – он говорит *welt geist*, это не Святой Дух, это социальный дух, который на последнем этапе своего продвижения выражается в прусской монархии. Да, Гегель на самом деле очень реально об этом говорил, его и не поняли, кстати, начали над ним издеваться – что гора родила мышь.

Он очень серьёзно сказал: «Да, прусский монарх – это воплощение бытия», в его, гегелевском, смысле. Но тогда уже всё кругом было настолько пронизано либерализмом, модерном, что никто просто не понял, о чём толкует Гегель. Так вот, политическое общество – это и есть триптих бытия, власти и духа, в котором идёт взаимообмен по вертикали.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что политическое общество всегда имеет лидера, которого это политическое общество выдвинуло?

Г. Д.: Тут присутствует сакральное... Не оно выдвинуло. Оно консолидировалось вокруг лидера потому, что оно консолидируется вокруг концепции бытия, и эта концепция становится живой и реально воплощается в фигуре лидера. Ну, скажем так... Наполеон... Наполеон был последним человеком в истории модерна, который пришёл к власти и создал пирамиду архаическим, или классическим, образом, то есть с нуля. Мы не говорим здесь о Каролингах, о Капетингах, о казнённом Людовике, который был последним отголоском того сакрального... Передача власти шла по наследству, по наследству, по наследству, а потом всё обнулилось: возникли хаос, пляска карманьолы на площадях, гильотина, период директории, Баррас... В общем, чистый лист, перезапуск. И появляется лейтенант, который попросту убегает из Египта, проходит длинный путь и, в конце концов, вырывая из рук папы римского корону, надевает её на себя и заставляет папу, чтобы тот его короновал, – и вот он, император. Ну что, его французское общество выдвинуло? Да нет. Оно консолидировалось вокруг него потому, что все эти люди на самом деле не имели бытия, они имели, скажем так, реальную смерть, выражавшуюся в гильотине. Они существовали в потоке чистой деструкции. И Наполеон явился, и пусть это было даже очень inferнально, но он явил собой конкретный прорыв онтологии, конкретное бытие, которое тут же стало выстраивать все остальные выродившиеся монархии. Монархии стали строиться вокруг Наполеона. Он вступил в этот луч, о котором я говорил. Луч, который в тёмном храме падает на единственное пятно на полу. Наполеон вступил в луч и стал единственно реальным, единственно живым, сакральным, и все его так и воспринимали. Именно поэтому его ненавидели монархи вокруг, они понимали, что сами они выродились в отношении подлинного бытия, они уже как-то очень условно воплощают этот символический принцип. Вот человек с нуля, с чистого листа...

О. Д.: Был никем и стал императором.

Г. Д.: Да, так же как Август. Август, собственно говоря, тоже был никто. Почему, собственно говоря, ни прусский король, ни австро-венгерский император (он ещё не был тогда австро-венгерским, просто австрийский на тот момент) не осмеливались себя прямо соединить с Римом, но только с языческим Римом, а Наполеон соединил себя с Римом, с кесарем. Конкретно были там... значки легионов...

О. Д.: Да, с орлами ходили.

Г. Д.: ...С орлами, да... И на его гербе, кстати говоря, изображены пчёлы, это тоже в общем-то очень старый, очень архаический языческий герб, который по форме напоминает шестиконечную звезду. Это сакральный символ – шестиконечная звезда. И на мантии много пчёл, которые связаны с солнцем, с концепцией солнца, с культом солнца. Потому что пчёлы – это мёд, а мёд является одним из символов благодати солнечной. Здесь много чего есть... это Наполеон не сам придумал, у него это было в дворянском гербе, он был корсиканским дворянином, и это было в его старом семейном гербе. Вот поэтому политическое общество – это проблема власти, это тема власти, власти как бытия. А что касается государства, которое появляется с эпохой модерна, – там власти нет, там есть контроль, а контроль есть нечто противоположное власти. Контроль – это препятствование бытию быть, если так можно выразиться.

О. Д.: Ага, то есть, говоря образно, этот самый лучик света огорожен заборчиком, и из темноты находящиеся вокруг люди не могут перепрыгнуть его или зайти в этот луч.

Г. Д.: Совершенно точно. Заборчик есть, вот по поводу лучика и по поводу этого пятна большой вопрос. Ну, на самом деле, конечно, аппарат первоначально возникает как заборчик вокруг этого лучика, то есть лучик по инерции существует. И там ещё существует, допустим, какой-нибудь Луи XIV, который говорит: «L'état c'est moi», что-нибудь такое вот. Но вокруг него уже существуют какие-то анонимные клерки, шелестят какие-то персонажи без имени, которые либо реализуют некий проект, либо не реализуют.

О. Д.: Да, одну бумажку могут потерять, а другую побыстрее показать на глаза.

Г. Д.: ...Да, возникают процедуры, возникает разрыв между теми людьми с именем, которые приходят возглавить министерство, и теми людьми без имени в министерстве, которые всегда остаются, кто бы ни пришёл сверху. И, как признак эпохи модерна, формируется аппарат, который является отличительным признаком государства. Это совершенно самостоятельная реальность, которая пресекает взаимодействие верха и низа. То есть главная функция государства, первая функция государства – это разрыв между низом и верхом. Но не только пресечение доступа низа к верху – это одна сторона. Но и пресечение воздействия верха на низ и понимания верхом низа – это тоже функция государства – не дать верху вступить в контакт с низом. Вот это и есть государство.

О. Д.: А замкнуть всё на себя соответственно, то есть в каком-то смысле...

Г. Д.: Замкнуть всё на себя.

О. Д.: ...Бюрократический аппарат, который мы называем государством, он имеет самостоятельные функции.

Г. Д.: ...Это самостоятельная реальность. Причём, что интересно, всегда бюрократия должна иметь хозяина, обязательно. Бывают ситуации, когда хозяина внутри страны нет, ну по каким-то причинам, исчезает хозяин, тогда бюрократия ищет себе хозяина вне страны. То есть находит себе его в иностранном господине. Но хозяин всегда должен быть. Бюрократия всегда создаёт себе некую культовую инстанцию, которой она оперирует. В Советском Союзе, например, бюрократия была организована в виде КПСС. И КПСС, как сказал, кстати говоря, Троцкий, очень правильно сказал: «КПСС (тогда ВКП(б)) превратилась в политическую организацию бюрократии». Хозяином был Сталин, но, как только Сталин умер, для бюрократии мгновенно возник колоссальный вакуум. С этим связан проигрыш, именно с этим связано поражение Советского Союза из-за того, что для бюрократии исчезла внутренняя автономная мотивация к существованию. На место Сталина тогда заступил мировой порядок. Как же мы будем противостоять мировому порядку? Кто хозяин-то? А хозяин – мировой порядок, значит, надо с ним договариваться. Вот вам и конвергенция, слияние, всё такое, сдача...

О. Д.: Мало ли что они о нас подумают, как в своё время Хрущев... об этом начал уже писать... в мемуарах он это отразил.

Г. Д.: Да. Но бюрократия – это, вообще говоря, удивительный и очень интересный феномен, потому что она в основе своей – корпорация деклассированного элемента. Деклассированный элемент, который сейчас существует во всех мегаполисах мира, является доминантным фактором. Он делится на две неравные группы. По улицам ходит неорганизованный деклассированный элемент, который, в принципе, дезориентирован, который зависит от внешних источников информации, внешних импульсов, от политических партий, политических клоунов, телевидения и так далее. А есть организованный деклассированный элемент – это бюрократия. Она отбирает себе кадры из люмпенов, потому что деклассированный элемент – это люмпен. Люмпен...

О. Д.: Ну, человек без профессии, назовём его так.

Г. Д.: Не совсем так. Люмпен – это особое, так сказать, состояние человека. Конечно, это понятие Маркс использовал, и он имел в виду пролетариев без работы. И вообще люмпен по-немецки – это лохмотья. Но на самом деле, конечно, мы пользуемся словами, которые

эволюционировали за этот период, теперь мы не вкладываем то же самое значение в слово «люмпен». Люмпен – это человек, который оторван от своих корней, от любых сословных кодексов чести или правил поведения, от этики, он внеэтичен. Но, может быть, сохраняет некоторую память о том, что дед или прадед имели какие-то устои, когда жили в деревне. При этом сам он давно живёт в городе и очень цинично относится к каким-то правилам, каким-то там принципам.

О. Д.: Я позволю себе с вами поспорить, ведь не весь наш государственный аппарат существует вне этики, может быть, они больше декларируют, но так или иначе они ведь за то, чтобы народ жил лучше, – или нет?

Г. Д.: Проникнуть в их сердца и мысли не представляется возможным, потому что даже обычный человек является чёрным ящиком, а уж лидер, который, так сказать, что-то декларирует на публику, – это чёрный ящик в квадрате. Я не думаю, что для каких бы то ни было властей когда бы то ни было благосостояние народа вообще было бы целью и задачей.

О. Д.: Я имею в виду в смысле, только если народ не поднимет их на вилы или ещё на что-нибудь.

Г. Д.: Ну, это прагматическая задача. Можно ли сказать, что благосостояние стада является целью пастуха? Да, оно, благосостояние, – является целью, но не в этическом смысле.

О. Д.: Да, конечно. Просто в абсолютно меркальтийном.

Г. Д.: Да, он не чувствует родства «душ» стада и не хочет поднять это стадо до своего уровня. Потом ведь лидеры... Тут надо просто помнить, что те лидеры, которые имеют имена, возглавляют партии, выступают на общественных площадках публично перед общественностью (такие, как Трамп, допустим, с Андерсоном, или с Хиллари, или с Марио Рулео), – это не бюрократия. Это политики, другая совершенно категория.

О. Д.: Да, это политики. Лидеры политического общества.

Г. Д.: Другая категория совершенно. Вот бюрократы – это некая сила, которая постоянно ищет себе варягов, постоянно находится в поисках символического варяга, но при этом представляет собой виноградную лозу связи кабинетов, телефонной связи анонимных кабинетов, где существуют две абсолютные силы, страшные силы – это подпись и процедура. Бюрократия торгует подписью, и бюрократия контролирует с помощью процедуры. На самом деле это колоссальная, могущественнейшая сила потому, что всё вместе, в целом, образует того идола, который приобретает сверхъестественные черты. Вот допустим, в политическом обществе, особенно в языческом политическом обществе, существуют идолы как указание на того мирового духа, который бродит в венах сверху донизу, на то бытие, которое воплощено в кесаре или фараоне. Это идолы, которые указывают символически на объективное бытие вне человеческого разума, вне человеческого объёма. А вот государство – оно само по себе идол, который в себя же включает и то бытие, на которое оно указывает. То есть здесь бытие, социальное бытие, становится имманентным и одновременно идиолом. Это идолократия в чистом виде, это власть идола. Почему, собственно говоря, Гоббс и забежал немножко вперёд с «Левиафаном», в его время идолократия только начала формироваться, но, видимо, он уже это очень хорошо чувствовал.

О. Д.: Смотрите, Гейдар. Я в своё время столкнулся с такой достаточно забавной параллелью: есть общеизвестная точка зрения, что если режиссёр не умеет снимать кино или ставить спектакль, хотя он учился именно на режиссёра, он идёт в критики. И вот писатель, если человек не стал писателем, он идёт в критики. А если человек не стал предпринимателем – он идёт в налоговые инспекторы. Понимаете, да? То есть он становится по другую сторону, ну, скажем, барьера и вместо того, чтобы развивать свой бизнес, он его теперь контролирует и с удовольствием собирает, стрижёт с этого стада свою шерсть, что называется. Получается, что государство – это те самые режиссёры, которые не стали режиссёрами, и те самые предприниматели, которые не смогли развивать своё дело, и те самые пролетарии, которые

могли бы производить какой-то ценный продукт, но перешли на другую сторону. Почему я задаю этот вопрос? Один из основных аргументов в спорах, особенно в сети Интернет, – противопоставление, скажем так, родины и государства: «Я люблю свою родину, но государство – мой враг». Очень часто можно такое утверждение слышать. На это обычно отвечают следующим образом: «Наше государство – это такие же наши граждане». В общем, откуда бы им взяться другим? Это все те самые, кто... с кем мы вместе учились в школе, с кем мы вместе смотрели мультики, кино, где-то работали, а потом они перешли на службу государству и работают в бюрократическом аппарате. То есть это мы те же самые, откуда нам взять других, хороших. А с вашей точки зрения, я понимаю, что это не совсем так. То есть человек, переходящий в государственный аппарат, он, что называется, меняется?

Г. Д.: Ну как священник, который является служителем церкви... Церковь – это самостоятельная реальность, независимая от человеческого фактора. Известно, что согласно вероучению церкви священник может быть пьяницей, может грешить, но в момент осуществления им одного из таинств его человеческая натура, его греховность или не греховность не имеют никакого значения. Да, он является сосудом, через который проходит благодать, потому что благодать не соприкасается и не оскверняется вот этим каналом, через который она действует. Точно так же в обратном смысле государство – это некоторым образом антицерковь. Точно так же человек, который идёт работать в государственные органы, – он лишается своей, собственно говоря, человеческой природы в пользу сверхчеловеческой, или внечеловеческой, но в inferнальном смысле. Не в высоком, а в inferнальном смысле внечеловеческой природы государства. Государство – это очень страшная вещь на самом деле, особенно потому, что оно для огромного большинства людей заменяет Бога, и оно действительно заменяет. В пространстве идолократии оно является точкой фиксации всех высших ситуаций и ожиданий.

О. Д.: Высшая сила в каком-то смысле.

Г. Д.: Но интересно, что проблески государства были ещё в древние времена. Если взять, допустим, вольноотпущенников, в домах богатых людей, например Флавиев, это были первые проблески представителей будущего государства. Вольноотпущенник, становящийся управителем, секретарём, – он является уже тем, кто решает вопрос о допуске к телу. То есть приходит, допустим, представитель дома Флавиев, бедный родственник из далёкой провинции, к главе дома в Риме с каким-то вопросом, с какими-то подарками, с просьбой что-то решить и встречает вольноотпущенника, возможно, даже не римлянина, не латинянина, который останавливается перед ним и спрашивает: «Ты кто такой, что тебе надо, куда ты пришёл? Ну, давай посмотрим, что ты принёс». Это уже первый проблеск государства на самой-самой заре цивилизации.

О. Д.: Да, формируется психология вахтёров в каком-то смысле, да?

Г. Д.: Да. Но это, конечно, очень сильное упрощение. Но если посмотреть, как это формировалось в николаевские времена... При Петре государства ещё не было. При Петре было огромное количество несправедливости, насилия, бритья бород...

О. Д.: Волонтаризма, как бы сейчас сказали.

Г. Д.: Да, волонтаризма. Это были конвульсии политического общества, при том что была обратная связь, была обратная связь безумствующего Петра с уровнем мужиков, крепостных, кого угодно. Это было агонизирующее состояние. А вот когда мы переходим к временам Клейнмихеля, Бенкендорфа, тут мы попадаем как раз в стадию формирования настоящей бюрократии, которая, что интересно, заложила парадигму, действующую и после падения самодержавия. То есть, когда товарищ Сталин создавал свой аппарат, а в аппарат он верил свято... Говорят, даже есть такой анекдот: когда им дали в семинарии задание написать сочинение «Почему погиб Цезарь», то есть почему Цезарь проиграл, и все писали что-

то своё, якобы товарищ Сталин, ну анекдот, понятно, что это исторический анекдот, но он написал – «потому, что у него не было аппарата».

О. Д.: Ну да, кстати.

Г. Д.: Вот, ну и значит, когда он формировал этот аппарат, то, конечно, образцом для него был непосредственно Николай Павлович. Там настолько очевидна общность этой модели, настолько очевидно, что она была воспроизведена практически сознательно, что даже просто и спорить как будто бы не о чем. Но...

О. Д.: Да, огромная система согласования существовала при Сталине, и это действительно так. Но надо всё-таки отдать ему должное, он достаточно, насколько я знаю, сам внимал в процессы работы, читал литературу...

Г. Д.: Так и Николай...

О. Д.: Да, и Николай, кстати, тоже.

Г. Д.: Более того, это человек, который говорил «Я буду твоим цензором» Пушкину. И Сталин то же самое говорил.

О. Д.: Да, кстати, очень-очень характерный пример.

Г. Д.: Да, но это были хозяева. А что происходит, когда такой хозяин уходит? Естественно, сразу же бюрократия начинает искать себе хозяина. Хозяин может быть где угодно, в том числе и за океаном. Когда бюрократия не находит себе хозяина дома, она начинает работать на геополитического врага. И это закономерный химический процесс, тут, понимаете ли, ничего не изменишь. Но, на самом деле, тут есть интересный момент – ведь бюрократия, государство – это феномены модерна. Сейчас мы знаем, что государство, особенно национальный суверенитет классического типа, повсеместно подвергается критике. Такая критика звучит отовсюду, начиная от Могерини и заканчивая какими-нибудь экспертами ООН. Они говорят, что национальный суверенитет – это нечто ограничивающее и нарушающее очень тонкие гуманитарные вещи, всё, что связано с человеком, это удар по правам человека и так далее. Нужно переступать через такие ограничения. То есть идёт наступление на национальные суверенитеты, и это уже эпоха постмодерна. А постмодерн характеризуется появлением гражданского общества. Что такое гражданское общество? Гражданское общество – это, как ни парадоксально, имитация или пародия на те самые, находящиеся на низших стадиях развития племена, которые заняты мамонтом. То есть это в некотором смысле карикатура на те представления...

О. Д.: А кто же для них мамонты? Они охотятся на бюрократию, что ли? То есть гражданское общество ведь...

Г. Д.: Гражданское общество хочет кушать, и гражданское общество требует комфорта. Гражданское общество говорит: «ну, скажем, у нас есть права, мы должны там реализовывать какую-то возможность самостоятельности; и пусть государство не вмешивается в нашу экономическую жизнь; давайте сократим присутствие государства в нашей повседневной практике, экономической прежде всего». То есть – это мамонт. Да? Мамонт в форме современной колбасы. Но они говорят так: «А вот настоящий бизнес, он невозможен без прав и свобод. То есть для того, чтобы, значит, нам хорошо было иметь развивающийся бизнес, нам нужно иметь возможность, как бы в дополнение к бизнесу, получить такую свободу высказывать свою точку зрения. Но... при этом соединяться в какие-то там, скажем, союзы. То есть в общественные организации – самостоятельность такого гражданского плана – она на горизонтальном уровне. Никаких претензий на вертикаль у нас нет». Гражданское общество не претендует на политическую вертикаль. Гражданское общество хочет быть сетевым. И оно хочет просто заниматься своими делами, просто чисто человеческими, просто это чисто имманентный профанический уровень. «Но только в этом уровне нас не трогайте, пожалуйста». Это кризис идолократии. «Не верим мы больше в вашего Левиафана, мы хотим, чтобы этот страшный слон, разрисованный ужасными непонятными иероглифами, не топтался бы

на нашей грядочке, где мы выращиваем нашу редиску». Вот это гражданское общество. Это как бы антитеза бывшему политическому обществу. Это новый фактор, который характеризует эпоху постмодерна.

О. Д.: То есть, получается, политические претензии общества как бы сняты.

Г. Д.: Да! И сегодня идёт такая интересная игра, смысл которой в том, что гражданское общество является политикой второй очереди. То есть наступление на это гражданское общество со стороны государства и возражение гражданского общества по поводу этого наступления, они составляют как бы политическую жизнь. То есть: «Вот мы хотим собираться, вот мы хотим так сказать, вот мы хотим устраивать какие-нибудь там выступления, протестовать против каких-нибудь вещей». «Вот это нужно для того, чтобы хорошо шёл бизнес, а вы мешаете, а поэтому мы опять-таки собираемся, и прочее, и прочее». Это политика. Но это политика второй очереди. Она не о власти, потому что власть – это бытие, а здесь нет власти. Это вопрос о контроле. То есть – быть контролю всеобъемлющим и тотальным или как-то его сокращать. Но контроль – это, на самом деле, ограничительная вещь, она не созидаящая. Контроль – это цензура, контроль – это вычеркнуть, контроль – это сюда нельзя, туда нельзя. И в данном случае мы начинаем жить не в реальной политике, не в реальной истории, а в тени политики и в тени истории. Это характерная черта постмодерна.

О. Д.: Понимаю. То есть что у нас получается? У нас получается, что бюрократия отгородила тот самый лучик власти своим заборчиком, чтобы туда никто лишний не попал.

Г. Д.: А этот лучик исчез.

О. Д.: А лучик-то – его практически уже и не видно.

Г. Д.: Лучика нет, потому что тучка там наверху зашла и преградила именно тот вектор, через который этот луч света проникал.

О. Д.: Но ведь периодически что происходит? Что народная масса, пускай там гражданское общество, разрушает этот забор. И мы видели это, допустим, на примере той же Октябрьской революции, снесли ведь все эти заборы, и народ рванулся к центру, к этому самому светлому лучику. С Наполеоном, которого сегодня уже поминали, – да, это та же история. То есть периодически накапливается раздражение общества против государственного аппарата. Хотя, возможно, в нашем историческом периоде не так много времени сейчас прошло, чтобы посмотреть, как политическое общество, выродившееся в гражданское, на самом деле себя поведёт. Гражданское общество ведь во многом рассчитывает на так называемую систему выборов, на то, что их представитель рано или поздно придёт и что-то там наладит. И каждый раз эти надежды, по-моему, не сбываются...

Г. Д.: Дело в том, что семнадцатый год и эпоха Наполеона – это как раз время ломки последних остатков политического общества. То есть в XIX веке в российском пространстве ещё существовали остатки политического общества, потому что существовала богопомазанная монархия. И естественно, эта монархия была связана ограничениями не конституционного порядка. А конституции до 1905 года не было, да и после она была в общем-то фикцией. Она была связана с ограничениями, скажем так, концептуально-ментальными. Ограничениями, встроенными в голову правителей. Было очень много таких моментов, через которые монархи не могли перешагнуть, в отличие от предыдущих. И тем не менее они пытались сохранять эту вот идею «weltgeist», идею «сольве э коагула», потому что уваровская концепция «православие, самодержавие, народность» – это всё-таки попытка протянуть руку к земле. Это попытка всё-таки, чтобы было это «коагула», связь сверху вниз. И поднятие, скажем, Распутина наверх.

О. Д.: Да, обратный процесс, как раз хотел о нём сказать.

Г. Д.: ...Как князь Жевахов в своих мемуарах возмущался: «Как они смеют ставить под вопрос право монарха поднять к себе народ в лице мужика, который обожал царскую чету и...»

О. Д.: И мог, кстати, донести что-то от народа помазаннику.

Г. Д.: Это последние осколки умирающего политического общества, может быть, даже в карикатурной форме, но тем не менее. Ну, конечно, травля Наполеона, как зверя монархами в начале XIX века – это тоже добивание политического общества, потому что это прямой путь для бюрократизации всех этих суверенных монархий. Меттерних, который просто открыл дорогу... И первой в этом, кроме Николая, в Европе была ещё Австро-Венгрия, она была наиболее бюрократической. Недаром же эта империя Кафку родила. У нас Салтыков-Щедрин, а там – Кафка.

О. Д.: Наша передача подходит к концу. Спасибо, что сегодня нас слушали и смотрели. Тема передачи была посвящена различию между государством и политическим обществом. Последнее, о чём хочется спросить, – что же нас ждёт? Ведь когда-нибудь политическое общество будет сформировано по новой, спрошу я с надеждой?

Г. Д.: Да. Но только оно будет принципиально иным. Потому что здесь уже дух пророков, Святой Дух, непосредственно должен прийти в конфронтацию с «welt geist» Гегеля, с мировым духом язычников. «Welt geist» язычников – он жив, но жив и дух единобожников, Святой Дух. И битва как раз и будет между двумя этими версиями духа.

Политическое общество и государство враждебны друг другу и взаимоисключающи. Поэтому даже сегодня, когда политическое общество стало историей, тем не менее есть силы, которые бросают вызов бюрократии, используя легальные, а иногда и нелегальные политические инструменты. Вызов бюрократии бросила национал-социалистическая партия Германии, поддержанная уцелевшей юнкерской знатью. Вызовом бюрократии был также приход Ленина к власти. Советы в их первом концепте и оформлении, до вмешательства партии – это гениальный инструмент разрушения государства. Проблема современного человечества, которое на 80 % состоит из неорганизованных люмпенов, – это их слепая вера в корпорацию организованных люмпенов: таких же, как они, в принципе, только приобретших божественные черты отчуждения от частной жизни. Законы, которые изобретают организованные люмпены, для их аналогов с улицы имеют сакральную значимость.

Глава 8

Почему важна территория, а не народ

История как описание есть прежде всего описание народов и племён, проходивших там и тут, оставлявших какие-то материальные знаки своего присутствия на земле и уходивших в возможность не быть. Но территория, по которой носил их рок, оставалась.

Мы не собираемся исподволь возвращаться к геополитике или политической географии. В этих бесперспективных заделах всегда присутствует мысль о том, что свойства территории определяют живущих на ней людей в их цивилизационных наработках, психологических состояниях и прочее. Это странная идея. Территория одна и та же, но североамериканские индейцы не имеют ничего общего с заселившими Америку европейцами. Германия времён Арминия ничего общего не имеет с немцами, появившимися после Бисмарка. Россия – колоссальная территория от Балтийского моря до Японского – острее всего подчёркивает пропасть между землёй и теми, кто на ней живёт, её смыслом, символизмом и тому подобным. Без преувеличения можно сказать, что в уравнении «земля – народ» земля есть нечто постоянное, а народ – нечто случайное, заселяющее эту землю в силу исторических обстоятельств. Исчезнут эти обстоятельства – народ уйдёт или трансформируется настолько, что станет неузнаваем для своих даже недавних предков. Пример: немцы после поражения. Ну а кто такие, например, румыны? Даки они или маргинализированные римляне? Какую бы территорию мы ни взяли, она будет свидетельствовать о чехарде народов в своих границах. Однако любая территория имеет цель, имеет смысл, совершенно не относящиеся к геополитике.

В этом плане наиболее интересной территорией является территория Великого Севера, которая недавно именовалась СССР, а сейчас пока называется Россией (ещё раньше это была территория Орды, а до этого она хранила в себе тёмные пространства финно-угорского шаманизма, перемежавшиеся со светлыми пятнами скифских и сарматских формаций).

О. Д.: Сегодня тема нашего разговора – «Почему важна территория, а не народ». В истории человечества борются две тенденции – одна, примером которой служат евреи, делает ставку на кровную общность, неразрушимую временем и не зависящую от страны проживания; другая, воплощённая в США, строит город на «Избранном холме», приглашая к участию толпы мигрантов всех племён. Какая из этих тенденций на самом деле работает в России? Очень интересная тема... Территория, народ... народ проливает кровь за территорию. Что более важно, народ или земля?

Г. Д.: Вы знаете, действительно есть народы, которые совершенно не скованы проблемой территории и готовы нести с собой свой комплекс, называющийся страной, нацией, цивилизацией, культурой, куда угодно. В некотором смысле это англичане, которые всюду, куда бы ни приезжали, устраивали «Новый Йорк» или что-нибудь такое. Но в этом плане ещё и голландцы очень знаменательны были, особенно в период XVII–XVIII веков. Принц Вильгельм Оранский, например, говорил: «Мы свободный народ, и мы Голландию с собой унесём куда угодно». Если нам здесь будет невыносимо, если нас прижмут, то мы спустим плотины, уедем, и Голландия у нас будет в любом другом месте.

О. Д.: А самой Голландии уже не будет, соответственно.

Г. Д.: Самой Голландии не будет, но она будет, потому что «мы, голландцы, просто переберёмся в другое место». И надо сказать, что это не пустые слова, потому что с начала XVII века они устраивали такую Голландию в Южной Африке. Откуда и появились буры. Я побывал в Кейптауне в историческом музее, там я видел своими глазами скалы, фрагменты скал, на которых голландцы, первые моряки, писали какие-то надписи, патриотические надписи в том смысле, что здесь мы, голландцы. В общем-то они себя считали вполне голландцами. Новая Голландия. Более того, Манхэттен – это Новая Голландия.

О. Д.: Да. Как известно, его они когда-то выкупили за бусы.

Г. Д.: Они там Голландию устраивали, но потом их немножечко поприжали. Такую же Голландию они пытались устраивать и в Индонезии. Но это только пример, мы же не о Голландии говорим. Этот же образец, собственно говоря, в какой-то степени реализовывали и англичане, потому что англичанин куда ни попадал, куда его нога ни ступала, там вроде бы была такая вот Англия, Британия.

О. Д.: Да, Британская империя, в которой не заходит солнце. Всё правильно.

Г. Д.: Британия не привязана к территории. Но, с другой стороны, есть, конечно, территории, которые совершенно принципиально свободны от своего человеческого контента, они готовы наполниться любым контентом, но у них есть собственное значение. Я не напрасно упомянул Америку в качестве примера, потому что, хоть Америку и открывали англичане, но в принципе Америка тут же приобрела самостоятельное территориальное значение, то есть это была территория как идея. Но я не скажу, что идея была сформулирована сразу, с первых шагов, но искала она себя через образ Атлантиды, то есть с XVI века это уже была чётко сформулированная идея Новой Атлантиды. Более того, появлялись романы, появлялись тексты на эту тему начиная с XVI века, такие «дошекспировские», чосеровским языком написанные, которые так и назывались «Новая Атлантида», и вариации на эту тему. Идея, что Америка – это Новая Атлантида, была и остаётся такой по сей день. По всем параметрам она воспроизводит платоновский миф: достижение уровня технической цивилизации, сверхмерная гордыня, власть над окружающими народами, господство над морями и так далее, и так далее. Эта атлантическая идея там как бы доминирует. И вот этот «сияющий город на холме», про него совершенно чётко понятно, что его нельзя куда-то перенести, это именно Атлантида. Концепция Атлантической территории, Атлантического союза, Атлантической зоны мира, северной Атлантики, НАТО и так далее. Это всё, так сказать, концептуально очень привязано к территории. Какие там люди, да ради бога, подключатся чёрные – чёрные, жёлтые – так жёлтые. В конечном счете, современному атлантически ориентированному англосаксу, условно говоря, наплевать на расово-генетический контент. Есть, конечно же, средний вариант, который совмещает культ территории и культ расовой общности, – это китайцы. Ну не сдвигаются они с места якобы 5000 лет, пусть там на самом деле меньше, конечно, но они говорят, что 5000, возьмём их мифологический концепт за основу. Вот 5000 лет они не сдвигаются. Сидят на одном месте.

О. Д.: Что только с ними ни делали.

Г. Д.: Это как гармошка, то они раздвигаются до Байкала, то сжимаются. Если мы посмотрим на Великую Китайскую стену – она под Пекином вообще проходит, а она же была построена против чужих. Получается, что вообще всё это было не китайское.

О. Д.: Есть старая шутка про то, что они построили эту Великую Китайскую стену, чтобы китайцы не разбегались, чтобы она сдерживала их движение на север. Но тем не менее я бы хотел вернуться к теме «Народ или территория – что важнее». Давайте начнем с евреев, о которых мы, собственно говоря, в самом начале говорили. Итак, если мы возьмём, допустим, территории и народы, существовавшие 2000 лет назад или даже больше, то сейчас в современной Европе не осталось египтян, не осталось греков – тех самых древних греков, не осталось римлян, финикийцев, в общем, практически никого не осталось – одни евреи

остались и немного армян, условно, конечно. Тем не менее евреи, несмотря на то что они не имели фактически никакой территории и государства, сохранились как нация, как народ и как единая общность безо всякой территории. Да, у них появилось государство после 1949 года, как известно, они благополучно за него там воюют.

Г. Д.: На самом деле это была территория, не состоявшаяся как концепт, что подтверждается хотя бы тем, что диаспора никуда не делась.

О. Д.: Да, диаспора живёт, продолжает жить в разных странах.

Г. Д.: Это была идея Герцля – провозвестника еврейского государства, идея его продолжателей-сионистов – собрать там всех, а они ничего там не собрали, приехал кто-то, небольшая часть той диаспоры.

О. Д.: Приехало много.

Г. Д.: Приехало много, но на фоне реальной диаспоры это была небольшая её часть, и это был символический якорь. Более того, существует вообще-то конфликт между государством Израиль как национальной территорией и концепцией еврейства как концепцией глобальной. Потому что существует мировоззрение глобального еврейства, которое организует политическую диаспору, и существует мировоззрение русско-израильское.

О. Д.: Хорошо. Тем не менее за эти 2000 лет многие государства, имеющие значительные территории, не сохранились. Не осталось Карфагена, не осталось Римской империи, мавров в Испании. То есть территория оказывается не так важна, как внутренняя общность народа, если народ там объединён какими-то религиями или правилами.

Г. Д.: Правильно. Здесь мы подходим к очень важной мысли – территория территории разнь. Если территория не является самостоятельной идеей, если она не является самостоятельной концепцией, то есть она площадка для некоего народа, для конкретной культуры, как, допустим, Древний Египет... Тогда земля, естественно, остаётся, может быть, даже её название переходит в веках, но понятно, что ставить знак равенства между Египтом даже Селевкидов, не говоря уже о фараонах...

О. Д.: Или Птолемеев.

Г. Д.: ...Птолемеев, да. Просто нельзя ставить знак равенства с нынешним Египтом, есть некая преемственность, есть пирамиды, но возник совершенно другой гештальт. Потому что идея, которая связана с Египтом, – это культурная идея. Это определенное присутствие в библейских текстах, это определенная преемственность в исторических традициях, но это не такой массивный исторический функционал, какой существует, допустим, в тех же Штатах. Естественно, что, когда мы говорим о Карфагене, это ещё более очевидно, потому что вместо Карфагена существует Тунис – некое место для поездки туристов. Просто эти территории на сегодняшний день принципиально лишены идеи. Однако есть территории, у которых такая идея присутствует, и этим территориям всё равно, кто туда придёт, они живут своей жизнью, они берут этих людей и используют их, для того чтобы эту идею реализовывать. Вот, например, Америка, новая Америка – это и есть такая территория. И я убеждён, что Россия – это такая же территория. То есть Россия – это территория, на которой... Ну если брать Большую Россию, идущую от Прибалтики, от Балтийского моря до Сахалина, в нынешнем её виде. Тут я хочу напомнить, что в XIX веке люди, путешествовавшие по территории нынешней России, писали: «Доехали до границы России, и дальше начиналась Сибирь». Допустим, они ехали в ссылку. Россия у них кончалась где-то возле Урала. Дальше шла Сибирь, как НЕ Россия. Но будем говорить всё-таки о единстве этой территории и немножечко дистанцируемся от привязки к нынешнему пониманию: вот там была Россия, и там, была ли она Россией, не была ли она Россией – единой территорией, как Гумилёв говорил, Евразией, Северной Евразией. Опять-таки не в евразийском смысле, а в географическом. Просто территория от Балтики до Тихого океана. Вот эта территория пере-загружалась населением очень много раз. Только начиная с Ивана Грозного за последние

500 лет, я думаю, что такой расово-генетический контент поменялся на территории России раза четыре.

О. Д.: Четыре? Говорят, «поскребёшь русского, найдёшь татарина» – это известная поговорка.

Г. Д.: Это вопрос совершенно... Вот с татаринком тоже очень сложно, потому что, как всегда, эти стереотипы и мифы попадают, что называется, пальцем в небо. Татарина там как раз не найдёшь, потому что кто здесь имеется в виду? Если имеется в виду Батый с его тюркским завоеванием, в основном тюркским, то это закрепилось в основном в российской аристократии, она была либо уничтожена, либо частично смешалась с германской аристократией на протяжении XVIII–XIX веков. В 1917 году аристократы были либо уничтожены в ходе Гражданской войны и последующей индустриализации и репрессий, либо же они бежали.

О. Д.: То есть условно так – были, назовём их так, «Юсуповы», которые сбежали.

Г. Д.: Которые сбежали, да. А вот если брать, скажем, обычных людей, предки которых были крепостными, мещанами, духовенством и так далее, то сейчас, конечно, тут доминирует угро-финский элемент. Я думаю, что он составляет где-то процентов 70–80.

О. Д.: Угро-финский – вы имеете в виду прибалтийскую связь и...

Г. Д.: Всё, что здесь называется...

О. Д.: Литовское княжество, эта вся история, да?

Г. Д.: Нет, зачем? Москва – это финское слово «муст ва» – чёрная вода. Здесь все топонимы финские. Клязьма, «ма» – это, кстати говоря, земля; «муро ма» – зелёная земля; «муро мец» – зелёный лес; «волгда» – все эти топонимы – это всё финские слова. Здесь жили вепсы, здесь жила масса всяких племён. Пермь – это чисто финское место, пермяки – это финское племя. То есть это угро-финны, за Урал и дальше к полиазиатам – всё угро-финны. Есть небольшой язычок славян, подтянувшийся сюда в домонгольское время с киевскими князьями, которые взяли всё под политический контроль. Но в основном всё это переработано в политическое русскоязычное пространство – угро-финское поле. Которое в значительной мере и осталось, идут вот эти блоки – и мордва, и удмурты...

О. Д.: Чуваши и так далее.

Г. Д.: Чуваши, да, это угро-финны по крови, тюрки по языку. Но дальше что получается? Дальше получается, что их закрепощает аристократический слой, который состоит, с одной стороны, из европейцев, пришедших при Романовых, да даже при Иване Грозном стали приходить – литовцы, поляки, в опричнине на 90 % были европейцы. С другой стороны, это татарские роды, которые переходили на сторону русских и становились здесь князьями, большими именитыми людьми – Аксаховы, Киреевские и так далее. То есть это лати-фундия – это поместье. Совершенно понятно, что на этом стыке, как нам известно, в этих реальных российских условиях происходило генетическое смешение. У дворовых девушек, которые были объектом вожделения своих помещиков, рождались незаконные дети, становившиеся мальчиками-казачками, прислугой при тех же самых помещиках, потом грянуло освобождение крестьян, и огромная масса приживальщиков, так называемые белые крепостные, несли в себе определённый генофонд своих бар. Были и «чёрные» тягловые мужики, которые пахали в поле, и их не пускали в дом даже с чёрного входа, они приходили к барскому дому, снимали шапки и ждали, пока барин выйдет; и были «белые крепостные», которые жили в доме, и даже в богатом скромном доме было до тридцати таких приживальщиков, причём они из поколения в поколение уже самовоспроизводились генетически. После 1861 года они оказались выброшенными на улицу, и это было мощное влияние в города. Они стали полуобразованными люмпенами. Естественно, частично они пошли в криминал, частично они пошли в революцию. Вспомним классический пример – ведь гениальный Достоевский все эти тенденции русской жизни схватывал – Смердяков. Смердяков – это

барин Федор Павлович, с одной стороны, с другой стороны – бомжиха смердящая Елизавета. «Подросток» – та же самая тема. Подросток – это тоже помещик, с одной стороны, с другой стороны, крепостная и главный герой являются как бы прообразом и в некотором смысле пародией на Герцена. У Герцена, правда, мать не крепостная была, а элитная немка, которую подхватил его отец, путешествуя по Европе. Аллюзия понятна. Скоромужники, русский скоромуж, мезальянс. Этот мезальянс создал, совместно с семинаристами, слой образованцев, который в принципе стал потребителем демократической широкой культуры. Но это был новый, новый народ, это была перезагрузка. Потом произошла эмансипация евреев из черты оседлости. Это новая перезагрузка, это новый этнический удар по структурам, потому что, во-первых, после 1917 года евреи оказались привилегированным классом, они женились на поповнах и дворянских девушках, у которых вариантов не было.

О. Д.: Считалось, я просто знаю эту историю по рассказам своих бабушек и дедушек, что после революции было, что называется, модно выходить замуж за евреев, потому что они занимали какие-то высокие посты.

Г. Д.: Естественно. Новый правящий класс.

О. Д.: Да. В какой-то период это было.

Г. Д.: И особенно мощно это происходило в годы Второй мировой войны, когда, по словам поэта Слуцкого, большинство евреев было в тылу, находясь на должностях. И тогда возникло очень много таких «новых русских», которые родились от одиноких женщин и, допустим, евреев-хозяйственников. Это совершенно новый тип русского человека в мегаполисе, который имеет другой менталитет, но при этом не соответствующий своей матрице, потому что многие из них не знают о своих генах, о своём происхождении, многие из них думают, что они родились, допустим, от отца-фронтовика погибшего, мать-то им не рассказывала, как всё было. И сегодня мы видим среди русских националистов людей с явными еврейскими чертами, но при этом это люди, которые совершенно чётко убеждены в своем арийском происхождении, в приоритете славянско-арийского комплекса. Это новая перезагрузка.

О. Д.: Получается, что народ и человек формируются по принципу самоидентификации. Если они считают себя русскими, то независимо от того, кто у них там в крови – татарин, еврей или, допустим, угро-финн, – они внутри считают себя русскими.

Г. Д.: Это один аспект. Теперь мы возьмём такой факт: на протяжении довольно долгого времени страна называлась СССР, правда, в середине её оставалась РСФСР, как бы такая шифровка, ну Россия всё-таки, неким боком Россия, но в целом это был Союз Советских Социалистических Республик. Бывшая Российская империя. То есть территория была, территория и осталась, но она была перезагружена, концепцией стала «новая общность». Главной задачей было – сохранить эту территорию, и новый советский патриотизм предполагал абсолютный интернационализм, в плане – таджик ты там, киргиз, русский, еврей – не важно, главное – это территория. В некотором смысле такой подход напоминал американскую парадигму, американскую модель. Вообще между американской и российской историческими парадигмами есть отчётливый резонанс.

О. Д.: Взаимосвязь.

Г. Д.: Отчетливый сингармонизм, причём уходящий своими корнями в XVII век.

О. Д.: Но тем не менее в Советском Союзе была чёткая дифференциация – вот эта республика казахская, здесь таджики, здесь литовцы. А в США штаты ведь не делятся по национальному принципу.

Г. Д.: На самом деле русская, то есть советская, новая общность реально была создана, и мы все были свидетелями, те, кто застал это время, что были люди, у которых советская матрица чётко доминировала над национальной.

О. Д.: Да, это было.

Г. Д.: Единство неких специфических черт – идеи уравниловки, идеи социальной справедливости, культа государства, культа советской империи.

О. Д.: Вера в коммунизм.

Г. Д.: Вера в коммунизм, вера в вождей, вера в Ленина и так далее. Таджики, киргизы – они все были в этом. Кстати говоря, в процентном отношении в большей степени, чем русские. Но просто времени было мало. Перенесём это на американский опыт. В 1776 году Штаты обрели свободу, и если мы прибавим к этим 70 годам те 70 лет, в течение которых существовала советская власть, то мы выйдем на 1840-й. По-моему, там в 1850 году уже начался тот кризис, за которым в Штатах начинается Гражданская война.

О. Д.: Севера и Юга.

Г. Д.: Да, Севера и Юга. А тут разваливается Советский Союз. Это очень интересная аналогия, которую ведь никто не проводил. Кризис СССР, кризис советской власти, советского государства по длительности совпадает с тем временем, которое было отпущено на создание США до Гражданской войны, потом начинается раскол и распад. И в США тоже был распад, который был преодолен победой Севера. Победой над сепаратизмом Юга. Кстати говоря, о сепаратизме Юга. США в этом смысле повезло удержать ситуацию, вызовов таких сильных не было, а Советскому Союзу не повезло – вызовы были чересчур мощные.

О. Д.: Совсем недавно наш президент Владимир Путин, выступая на одной из встреч, если я не ошибаюсь, с журналистами, сказал о том, что беда и вина за распад Союза во многом лежат на Ленине, который заложил именно такое федеративное устройство. Если я правильно помню, фраза была о том, что Ленин заложил бомбу под развал Союза, поскольку в своё время было принято решение не ассимилировать все республики и народы, а специально их разделять. И в тот момент, когда в Союзе произошёл надлом, все республики, что называется, разбежались.

Г. Д.: Во-первых, республики не хотели разбегаться, мы прекрасно помним, что на референдуме все голосовали за сохранение Союза, а вот сам, допустим, Назарбаев после Беловежской Пуши долго не верил, что состоялось такое изменение, и отказывался признать его в, так сказать, внутреннем порядке в Казахстане. Впоследствии инициация распада принадлежала Москве, и Москва это сделала вместе с Шушкевичем и Кравчуком.

О. Д.: Да, да.

Г. Д.: И поставила перед фактом всех остальных. Здесь была абсолютно жёсткая несправедливость по отношению к гражданам страны. Только Прибалтика рвалась ещё задолго до Беловежской Пуши вон из Советского Союза, все остальные республики были совершенно твёрдо просоветски настроены. Когда говорится о каком-то распаде, сепаратизме, бегстве – это просто откровенно игнорирование фактов. На деле это три славянские, условно говоря, столицы порешили между собой развалить Союз. Но сутью в чём, к чему я клоню? Я клоню к тому, что Россия представляет собой территорию, которая безусловно является ценностью и идеологией сама по себе. Территория от Балтийского моря до Сахалина – это территория, которая имеет свой собственный смысл, стремится к тому, чтобы жить отдельной самостоятельной жизнью, и постоянно перезагружается новым народом.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что если на территорию России приходят, например, выходцы из Средней Азии или приходят ещё какие-нибудь беженцы с разных сторон, из проблемных зон мира (к нам приезжают китайцы, вьетнамцы, африканцы и так далее), то это всё не страшно, это всё будет перемолото, и русский этнос не будет размыт, а территория России всё это удержит, переварит и все равно сформирует...

Г. Д.: Когда вы говорите «русский этнос не будет размыт», в данном случае вы выходите из цепочки логики, потому что русский этнос, и его ценности, и сохранение его в не размытом виде – это одна тема, а сохранение территории – другая. И может статься так,

что в какой-то момент необходимость сохранить единство территории придёт в конфликт с необходимостью сохранить единство этноса.

О. Д.: Очень хорошо представляю себе эту картину.

Г. Д.: Абсолютно. И эта тема уже поднималась. О том, что надо создавать Русскую национальную республику, резко отсекая себя от всех остальных, сжиматься до размеров там не знаю чего... Московского княжества, и прочее, и прочее. Но все эти разговоры как бы исходят из того, что нужно сохранять русский этнос. Совершенно другая линия – это необходимость сохранить территорию. Именно необходимостью сохранить территорию, именно этой необходимостью обуславливался советский интернационализм в 1917 году. Была совершенно чёткая идея, что если сделать ставку на русский этнос «а-ля Деникин» или по-колчаковски... Вот Колчак, допустим, на предложение Маннергейма признать независимость Финляндии в обмен на помощь в борьбе с большевиками ответил, как известно: «За ликвидацию красных в Финляндии награжу Георгием, за отделение Финляндии от империи – повешу». То, что произошло с Колчаком впоследствии, мы знаем. Большевики прекрасно понимали, что если они сделают ставку на, так сказать, «единую неделимую» в этническом смысле страну, «а-ля Александр III», то всё развалится. Поэтому они сделали ставку на интернационализм и переименование всего государства в СССР, и они сохранили эту территорию. Здесь чётко обозначен конфликт – территория и этнос.

О. Д.: Если бы Колчак, Деникин, Врангель и все те, кто в своё время участвовали в Гражданской войне со стороны так называемого белого движения, были готовы уступить немцам Украину, если бы они объединились с Махно, если бы они не возражали против отсоединения Польши и Финляндии и раздавали бы империю по кусочкам – то они имели бы тогда шанс выиграть?

Г. Д.: Но большевики ведь не упустили Украину? Хотя они объединялись с Махно, но потом они его замолотили. Они же отдали Польшу потому, что это была объективная необходимость, но в 1921 году была попытка вернуть её назад, и не вина большевиков, что она провалилась. Её провалил Тухачевский. За Тухачевским, может быть, стояла определённая группировка в партии, но конкретным виновником был Тухачевский. Но большевики честно шли на Варшаву. Что касается Финляндии, то с Финляндией можно было бы разобраться чуть попозже. То есть большевики как бы всех отпустили, а потом честно всех собрали на основе интернационализма. В 1918 году существовал независимый Азербайджан, существовала независимая Грузия и даже возникла независимая Армения. Потом 11-я армия под командованием Фрунзе в 1921 году пришла помочь, выполняя интернациональный долг, местным рабочим. То есть большевики дали три года просуществовать этим независимым образованиям на Южном Кавказе. Если бы Колчак был поумнее, он бы сказал Маннергейму: «Давай вперёд!» и не стал бы его оскорблять. Маннергейм действительно дошёл бы до Москвы и, может быть, открыл бы фронт.

О. Д.: Можно точно сказать – большевикам было бы намного более сложно.

Г. Д.: Да, большевикам было бы намного более сложно. Поскольку Колчак был очень ригидный человек, а проще говоря, они мыслили все в терминах этнического империализма, ну киплингского то есть. Они были элитой. Ну понятно, какой из Колчака в таком грубом, нынешнем футбольно-фанатском смысле – ну какой из него русский? Это был элитный человек, у него тюркская фамилия с германской аристократической баронской кровью, то есть смесь турецкой и германской крови, ну какой это русский? Но в британском смысле это был такой этнический русский империалист. Британские империалисты, они же тоже не англосаксы в генетическом лабораторном смысле, это могут быть кельты, а могут быть... Вот Дизраэли, например, это еврей, сын итальянского еврея, он был самым последовательным империалистом в истории Британской империи. Самым страшным империалистом, а его папа ещё ходил по Лондону с шарманкой и обезьянкой. В этом плане большевики были

инстинктивно правы, делая установку на сохранение территории. У них, конечно, в голове был марксизм, прибавочная стоимость и диктатура пролетариата. Но, как говорил Гегель, Мировой Дух использует людей, которые думают, что они решают свои частные вопросы или вопросы своей идеологии, а на самом деле являются пешками в руках Мирового Духа, который ведёт свою сюжетную линию. Для Мирового Духа важна эта территория. Почему она важна – это отдельный вопрос. Она может называться Россией, а может называться и не Россией. Она в прошлом называлась не Россией. Если мы посмотрим во времени с высоты птичьего полёта, то эта территория объединялась Аттилой, потом она объединялась Чингисханом, потом она объединялась уже, так сказать, противоположным движением с Запада на Восток, когда Москва интегрировала эти территории по горячим следам Чингисидов. Потом это делали большевики, и при этом названия менялись, естественно, при Чингисе это была огромная территория, которая называлась Ордой, не важно. Главное, что эта территория была единой. А в чём специфика, в чем острота идентичности этой территории, которая требует своего сохранения, а загружаться может кем угодно? Прежде всего, мне кажется, это всегда стремление к доминированию, это противостояние Западу и противостояние Востоку. Это противостояние, с одной стороны, реальному Востоку, «жёлтому Востоку» – Китаю, Японии, буддизму. С другой стороны, это противостояние Риму. Риму в таком метаисторическом смысле, вечному Риму. Это такая распорка, которая не даёт им соединиться вместе. Потому что понятно, что у Востока и у Запада есть тенденция сойтись, несмотря на Киплинга, они стремятся слиться, начиная с Александра Великого, который рвался далеко на Восток, и Чингисхана, который рвался на Запад. Но есть эта распорка, которая им не даёт сойтись. А что произойдёт, если Восток и Запад сойдутся? Тогда, наверное, какие-то шансы на свободу у людей, не важно – живущих здесь, живущих в мире, – они исчезнут. Потому что тогда, что называется, воды мирового океана сомкнутся над сушей, и не останется ни одного клочка, где можно было бы поставить ногу, и всё тогда будет сплошное море.

О. Д.: Как писал Киплинг когда-то – не останется ни старого жёлтого удава, ни маленького лягушонка. Я вспоминаю историю про Маугли. Вы знаете, всё равно, когда я слушаю вас, у меня возникают, что называется, аргументы против. Да, территория важна. Да, важна территория, но важен ли народ? Давайте вспомним историю Пруссии. Сейчас на месте Пруссии у нас Калининградская область. Город Кёнигсберг перестал существовать, великий город. От Пруссии тоже ничего не осталось. Где этот прусский дух, где прусская военщина? Да, они куда-то там разбежались по территории Германии, но народа пруссаков, с которыми когда-то Россия...

Г. Д.: Вы знаете, что пруссаки – это не немцы, не германцы?

О. Д.: Да, это отдельный народ.

Г. Д.: Это балтийский народ, который был взят «за шкуру», во-первых, для начала был обращён в католичество, потом они перешли в протестантизм, были онемечены и превратились в, так сказать, образцовых немцев, в пример для подражания, будучи не немцами вовсе, а потом их заменили уже на таких «пришельцев». То есть пруссаков там нет, но пруссаков там не было, и когда там немцы были. Истинные пруссаки – это некоторые племена в Латвии и в Литве.

О. Д.: Но тем не менее мы вспоминаем так называемую прусскую военщину в XVIII веке, Фридрихов, от которых тоже ничего не осталось... но территория вроде бы есть, территория Калининградской области сегодня, ну есть и есть, а народа нет. Да, возможно, когда-нибудь на этой территории сформируется новая нация, новое общество, но будет ли она сильна, будем ли мы её вспоминать?

Г. Д.: Тут я хотел бы сделать маленькое отступление, чтобы установить определённую смысловую иерархию. Пруссию и вообще этот маленький закуток создал не народ, его создал Тевтонский орден. Это были рыцари, собранные вместе и существовавшие как мисти-

ческая метафизическая организация, так сказать, метафизическое воинство, которое покорило окружающие племена, ткнуло носом в землю и сделало новую территорию – Пруссию. Это земля, которая является просто землёй ордена, рыцарского ордена. Её назвать территорией в обычном смысле нельзя, это орденское поместье. Орден был разгромлен, орден превратился в Балтийский орден Серебряного креста и Розы, из которого потом вышел СС. Это всё разгромлено, эти люди ушли. И территория эта – это всё равно как сегодня говорить «Шереметьево», или какие ещё мы называем названия усадеб, куда ездим отдыхать? Парк «Сокольники», там были какие-то помещики, их нет, остался парк. Это вот парк такой остался. Это не территория в настоящем смысле. Вот когда мы говорим о территории в геополитическом смысле – Россия, например, в нынешнем своём виде, это геополитическая территория, которая имеет собственную идеологию. Я сделаю некий шаг в иррациональное, так сказать, за пределы научного дискурса. Многие знают, что в Тибете находится вход в Шамбалу. И туда постоянно стремились западные силы, которые знают толк в этом вопросе. В 1942 году британские войска взяли Лхасу, именно по этой причине, а потом китайцы взяли Лхасу, и вот сейчас они плотно сидят своей китайской, извиняюсь, задницей на Лхасе, и Лхаса никуда из-под них деться не может. Но при этом в Лхасу, кроме немцев, рвались, естественно, и Глеб Бокий из НКВД, рвались и люди из СС, которые также делали ряд попыток туда проникнуть. Запад рвётся туда. Не могу сказать, что и Лхаса не рвётся на Запад, рвётся. В лице Далай-ламы она активно окучивает Запад. Вот российская территория – это как раз и есть та заглушка, тот не проводящий ток фарфоровый изолятор, который стоит между этим катодом и анодом. Лично я убеждён, что если Запад, мистический Рим и мистическая Шамбала сойдутся вместе, то это будет конец духовной истории человечества и победа Антихриста.

Чем же так интересна эта территория? Это Великий Север, который находится в оппозиции ко всему остальному миру. Политические нестыковки от Ивана Грозного до сегодняшнего дня – это воля территории, а не тех людей, которые по ней расселились (ведь очевидно, что русские времён Грозного ничего общего не имели с сегодняшними обывателями, по крайней мере крупных городов). Задача, которую можно и нужно ставить тем, кто берёт на себя политическую ответственность за эту территорию, есть выявление и актуализация тех императивов, которые заключены в границы этой территории. Приведение в соответствие воли данной территориальной конфигурации по отношению к земному шару с той сверхзадачей, носителями которой явится будущий политический класс.

Глава 9

Новый интернационализм без «левых» и «правых»

Прежде всего следует понять, что такое «старый интернационализм». Интернационализм всегда был атрибутом протестного движения. По традиции он связывается с левым дискурсом, опираясь на тезис об «отсутствии отечества у пролетариата». Однако существует и правый интернационализм. Он выявляется в той мере, в какой именно правый дискурс приобретает характер антисистемного протеста. Например, национал-социалистическая идея вдохновляла представителей самых разных народов: начиная от европейцев и вплоть до семитов. Послевоенные арабы активно использовали национал-социалистическую платформу для переформатирования её в «арабский социализм»...

Старый интернационализм исходит из предположения (описания), что нация есть естественный феномен, существующий чуть ли не как природная данность. Даже крайне левые говорили именно об объединении представителей различных наций, носителей различных национальных «матриц», которые должны подняться на сверхнациональную вершину материалистического понимания экономики и истории. Не преодолеть матрицу, а подчинить её другому уровню миропонимания.

Новый интернационализм исходит в принципе из представлений, которые уже даны в элементарном свёрнутом виде в марксистском дискурсе. Прежде всего это концепция ложных общностей. Иными словами, общностей, которые разработаны и искусственно внедрены в человеческое сознание дирижёрами «спровоцированной жизни». Это понятие «das provozierte Leben» было введено впервые германским поэтом Готфридом Бенном. К таким ложным общностям «спровоцированной жизни» относятся, например, секты разного рода, контент которых создан буквально «на коленке».

Нация, которая принадлежит к тому же роду ложных общностей, есть явление гораздо более сложное и серьёзное, нежели какая-нибудь секта. Для возникновения наций требовался особый период, когда политическое общество умирало и заменялось государством. В полноразмерном политическом обществе нация не имеет смысла, потому что в нём объединителем выступает монарх, который представляет собой власть – проекцию бытия в этот «наш» мир.

В политическом обществе в какой-то степени все причастны к той тени, которую отбрасывает сакральная фигура монарха, – тени власти. При этом конкретные участники этого союза в политическом обществе скреплены личной лояльностью данному монарху безотносительно к тому, каким языком они пользуются с рождения.

Исторических примеров более чем достаточно: Испания, Чингисидская Орда и так далее. Но в какой-то момент сакральность и харизматичность уникального присутствия «зверя из бездны» в качестве вершителя судеб размываются. И на смену вместо власти приходит контроль. Это значит, что участие в той «тени», которую отбрасывал трон, следует заменить другой концепцией соучастия: принадлежности к определённому дискурсу. Сегодняшняя нация реально сводится просто к флагу, гимну и гербу, под декларацией верности которым в той или иной форме подписывается носитель этой фиктивной административной идентичности.

В XIX веке принадлежность к нации ещё не была столь откровенно административным делом, поскольку тогда в национальных коллективах ещё сохранялся некий призрак политического общества, который придавал нации инерционную сакральность. Именно на использовании этого атавизма политического общества современным империалистическим державам удавалось развязывать истребительные войны, в которых участвовали

добровольно и с полной отдачей миллионы людей. Речь идёт о постнаполеоновской эпохе, поскольку Наполеон был последней харизматической презентацией «Зверя». Эпоха Наполеона была амбивалентна, поскольку лояльность его фигуре реализовывалась вне всякого отношения к национальной принадлежности. Вместе с тем некоторые общности, например поляки, инвестировали в него свои «национальные» ожидания, которые были чётко связаны не с сакральностью монархизма, а с суверенной государственностью административного типа, отобранной у поляков несколько раньше.

Следует понять, что новый интернационализм выступает как разрушитель этих ложных общностей. Сама идея общины как братства есть уничтожение всех других форм связи между людьми. Поэтому новый интернационализм не предполагает, что безлимитная масса человеческого сырья, полагающего себя французами или алжирцами, египтянами или немцами, отречётся от своих идентификаций, усвоенных дома и в школе. Лишь достаточно узкий круг пассионарного авангарда мирового протеста встанет вне всяких «матричных» квалификаций, потому что общность этого узкого круга будет опираться не на веру в жизнь и не на попытки заполнить словами и символами бездонную пустоту глиняного человечества. Новый интернационализм исходит из единственной достоверной правды: правды финала.

О. Д.: Сегодня у нас пойдёт разговор о новом интернационализме без «левых» и «правых» – мейнстриме завтрашней протестной идеологии. Короткий анонс: мировой порядок всё ещё использует национальные идентичности, чтобы держать в узде протест. «Левые» и «правые» идеологии остаются частью системы. Интернационализм лишает почвы власти предрасположенные в их способности манипулировать народами.

Итак, поговорим о новом интернационализме. Что же это такое?

Г. Д.: Я не случайно говорю именно о новом интернационализме, потому что интернационализм как феномен достаточно хорошо знаком людям. Это в принципе идеология «левая», идеология марксистская, которая основана на классовой солидарности трудящихся. И в общем-то к ней отношение в подавляющем большинстве неоднозначное. Сегодня её продолжают использовать «левые». Как известно, в Европе они делают ставку на интернационализм, который превратился в общем-то из интернационализма в мультикультурность. Мультикультурность, толерантность и так далее. Но это уже не интернационализм, а именно мультикультурность, поскольку речь идёт о среднем классе, который утратил некие исторические цели. Потому что интернационализм марксистов исходил из того, что у трудящихся есть какие-то большие исторические задачи: построить новое общество, без эксплуатации, угнетения и отчуждения. И в этом проекте они должны быть солидарны. Ну а средний класс – это класс потребителей. Поэтому потребление всегда очень ревниво относится к тому, что какие-то «лишние люди» могут ему бросить вызов. Ну и вообще помешать комфорту. Поэтому интернационализм превращается в толерантность. Но это всё-таки ещё несёт на себе тень «левой» идеи. Бывшей «левой» идеи.

Что касается «правых», то, понятное дело, они делают ставку на национальную солидарность. Но у «крайне правых» тоже есть некая разновидность национализма. Причём она появилась не вчера, не сегодня. Она достаточно старая, скажем так. Священный союз, организованный Меттернихом, поддержанный Николаем Первым, несёт на себе печать некоего интернационализма – интернационализма знати, интернационализма хранителей, интернационализма консерваторов. Но если брать, допустим, «крайне правых» XX века, то, несмотря на то что всё было построено на жёстком национализме – итальянском, немецком и так далее, всё равно за как бы фасадом такого построения тоже стоял некий, ну, скажем

так, не интернационализм, а сотрудничество между людьми «крайне правой» ориентации. Как мы знаем, орган СС был достаточно многонациональным. Причём он включал не только европейцев, но и арабов, персов, индийцев – в качестве подразделения. Я уже не говорю о многонациональных гражданах СССР. Ну и сама Европа, естественно, тоже очень пёстрая, была интегрирована в нацистский немецкий проект. То есть интернационализм – он присущ и «правым». Потому что он является для них некой площадкой, без которой им не обойтись. Интернационализм этот в принципе является рабочим инструментом системы. Тем более что и «правые», которые могли серьёзно как-то потрясти систему и создать в ней какие-то проблемы, и «левые», которые готовили революционные взрывы и великие потрясения, столь нелюбезные господину Столыпину, они сегодня – и «левые» и «правые» – не те. Они переродились, они находятся на побегушках у реальных хозяев дискурса, реальных хозяев планеты, у мирового порядка, и в общем-то они только прикидываются какими-то страшными, показывают зубы. Особенно «правые», когда они показывают зубы и что-то, встав на задние лапки, пытаются прорычать, и это особенно смешно.

Почему «новый интернационализм»? Потому что он прежде всего исходит из прямого понимания и, естественно, отрицания того, чем является современный мировой порядок, как система несправедливости. Потому что он исходит из отрицания бюрократии и государства как структуры отчуждения людей от истории и от исторического процесса. Потому что он выступает против политических наций, которые являются ложными общностями, используемыми как инструмент манипуляции. И, кроме того, он говорит о том, что так называемая классовая солидарность – это тоже фикция. Почему фикция? Потому что изначально она была построена на характеристиках, достаточно внешних человеку, но в XIX веке это было неочевидным и скрытым, так как класс ещё в достаточной степени был замаскирован традиционным сословием. То есть пролетарий по своему классовому содержанию практически совпадал по сословным характеристикам с нижайшим слоем горожан, вышедшим из деревни. Сегодня нет таких пролетариев, сегодня изменилось и село, которого нет в прежнем виде.

О. Д.: Да, давайте посмотрим как раз на сегодняшний день. Если мы представим тот интернационализм, о котором когда-то мечтал Троцкий, за который он боролся, то в нём действительно было такое, достаточно жёсткое, разделение: вот пролетарий, вот крестьяне, вот там, значит, духовенство, дворянство и так далее. Сейчас этого никого практически, никаких этих классов не осталось. Есть класс офисного...

Г. Д.: Кроме двух верхних классов, которые немножко «от массовки», от, так сказать, массового общества. Они чуть-чуть укрылись, оттянулись за кулисы. То есть раньше мы видели, условно говоря, попов и знать на переднем плане, как истинных хозяев.

О. Д.: Да.

Г. Д.: А сегодня они ушли за кулисы и выставили перед собой своих собственных лакеев – швейцаров, одев их в костюмы больших политиков.

О. Д.: Ну да, а также политических клоунов и прочих шоуменов.

Г. Д.: Политических клоунов.

О. Д.: Да, так вот, сегодня у нас есть большой класс «офисного планктона», назовём его так. То есть те люди, которые раньше... – мы называли их служащими, но сегодня они работают в офисах и что-то такое при этом делают? И есть, допустим, класс каких-то производителей – тех, кто занимается уже каким-то более-менее понятным производством.

Г. Д.: Есть бесчисленные «оказатели услуг» – начиная от адвокатов и кончая парикмахерами, которые производят в общем-то очень значительную долю валового национального продукта, а производство выведено туда, где оно по себестоимости оценивается в копейки, – в третий мир. Но дело даже не в этом. Дело в том, что сегодня социальное положение человека на Западе очень неустойчиво. Мы уже об этом говорили. Вчера человек был каким-то

служащим, «офисным планктоном», потом вдруг, внезапно, превратился в олигарха, потом – в зека, потом...

О. Д.: Снова в олигарха.

Г. Д.: В политического беженца, а потом внезапно там умер в ванне...

О. Д.: Да, бывает такое.

Г. Д.: Если мы берём не столь яркий случай, а, допустим, тот же самый случай, но разбавленный – это в принципе серьёзно характеризует положение сегодняшнего человека, который поднимается и бросается вниз колесом фортуны. Как в старые времена: так поднимали, да? Вот такое колесо, как «колесо смеха» в Луна-парке: поднимает людей, бросает вниз в зависимости от того, сколько людей в данный момент оказывается внизу, сколько – наверху, то есть что превышает – опускание или поднятие. Это существовало в разные времена, в виде самых разных процессов, но суть их одна: социальные лифты превышают «дауншифтинг», или «дауншифтинг» превышает социальные лифты.

О. Д.: Да, крутится колесо – и человек оказывается то наверху, то внизу.

Г. Д.: Но человеческая сущность, она не определяется, вот теперь она уже явно не определяется этим социальным статусом. То есть если ты сегодня, допустим, комсомольский работник, завтра – олигарх, то кто ты на самом деле? Кто ты на самом деле? Ну, зек там. Но это уже ничего не определяет. Значит, ты – люмпен, чандала. Или ты – воин. Или ты – несостоявшийся поп. Или ты – вообще как бы никто, некий ноль, человек без свойств. Но, во всяком случае, ссылаться на классовое противостояние, классовую солидарность становится сложно. Но вместе с тем понятно, что в обществе есть огромное макроделение. Некий принципиальный «верх», как Арктика, которая, сколько бы она чуть-чуть ни подтаивала, но она всегда есть, как некая шапка снегов и льдов, которую ничто не возьмёт – революции, войны. Но эта шапка снегов будет на Северном полюсе. И некая Антарктида, которая живёт в своих фавелах, гарлемах и которую тоже ничто не возьмёт. Какие бы там социальные улучшения, прогресс – что бы ни происходило, есть огромный массив вот этого льда внизу, который составляет вечно нищих. А между ними идёт флуктуация «вверх – вниз». И новый интернационализм обращается не к этим людям, которых колесо фортуны гоняет через экватор к Арктике или к Антарктике, – не к шапке сверху и не к шапке внизу. Новый интернационализм обращается к тем, кого мы можем назвать «aliens» – чужие, то есть те, которые чужие и лишние на пиру жизни. По-арабски это называется красивым словом «гураба». Это те же «aliens», но как бы не совсем инопланетяне. Это то, что называлось раньше, в исторической традиции, в Средние века, «desdichados», то есть лишённые наследства.

О. Д.: Лишённые наследства.

Г. Д.: Это те, кто является «лишними», «лишние люди». Тема русской литературы.

О. Д.: Да, «лишние люди» «нашего времени».

Г. Д.: Русскому читателю эта тема знакома. Да, «лишние люди». Но тут планка повыше, чем у Печорина. То есть «лишние люди» – это не те, кому нечем заняться, не те, у кого нет дела, скорее, наоборот, дело-то у них весьма и весьма есть. Это «лишние люди», которые не встраиваются по своему формату в сложившийся порядок. Они могли бы, конечно, капитулировать перед ним, устроиться дворниками или даже «офисным планктоном», делать какие-то деньги, заводить семьи, но по своей структуре, по своему темпераменту, психологии они не способны этим заняться. Это – вечные младшие сыновья. Это так называемый слой пассионарной молодёжи, которая есть всюду и во всех нациях. Они есть среди французов, даже среди шведов есть, как ни странно. Больше всего, конечно, их среди мусульман, но это не значит, что их нет среди немцев, среди англичан и так далее. Это интернациональный слой – «младшие сыновья», «лишние люди», «лишённые наследства».

О. Д.: Я просто так, к слову, вас перебую. Вы знаете, мне приходилось бывать в Индии, в штате Гоа. И там довольно много собирается так называемых дауншифтеров и людей, при-

ехавших из совершенно разных стран: Израиля, Южной Америки, просто Америки. И они там как бы, не знаю, как правильно назвать – эскаписты, люди, сбежавшие от современного мира, пытавшиеся найти в нём какое-то своё понимание. И много есть мест, где эти люди собираются и сами там как-то... не то чтобы они себя так противопоставляют реальному социуму, они, скорее, просто не хотят иметь с ним дело. Я бы вот так, наверное, сформулировал.

Г. Д.: Эскаписты и эти вот дауншифтеры в Гоа – это совершенно не те, кого я имею в виду, потому что там, конечно же, люди ищут прежде всего бесплатного или минималистского комфорта, абсолютно уклоняясь от каких-то вызовов, задач, каких-то сложностей, каких-то проектов, какой-то напряжённости. Они просто сдают какие-то квартиры, которые у них по тем или иным обстоятельствам есть в собственности, и на очень небольшие денежки, получаемые оттуда, просто живут на пляже. Вечный пляж, вечный, так сказать, сирокко, бананы, минимальная одежда, прибор... Это совсем не те люди. Это чистые, так сказать, «beachcomber» – «океанская волна», которые просто... ну человеческая такая...

О. Д.: Пена.

Г. Д.: Пена, да.

О. Д.: А где те, о которых вы говорите? Они где обитают?

Г. Д.: Они обитают среди нас. Они являются нашими детьми. Они являются частью «большого города», и они не обязательно имеют или не обязательно не имеют какую-то собственность, которая держит их на плаву. Просто эта собственность и устройство в жизни, так или иначе, это не их тема. Их жжёт, так сказать, необходимость внутренней связи с каким-то ветром духа. Они хотят быть в мейнстриме, то есть как «tiers état», как третье сословие, о котором аббат де Сийес говорил: «Кто такие третье сословие? – Никто. А кем оно должно быть? – Всем». Вот они, «desdichados», они – никто, а хотят быть всем. И это такие пассивные люди, такие «наполеоны» без сожалений и без внутренней трещины Раскольникова. Не то чтобы они там по старушкам хотят специализироваться, старушки – это для них никто и ничто. Естественно, не будут размениваться на криминал. Они брезгуют криминалом. Потому что понятно, что тот, кто собирается доказать, что он – Наполеон, и для этого идёт в криминал, как Раскольников, это уже заранее человек обречённый, который обречён на скулёр и на капитуляцию перед своей экзистенцией. Гениальный Достоевский в этом смысле все акценты очень правильно расставил.

О. Д.: Если вы позволите, я хочу сейчас привести один интересный пример, который, может быть, подтвердит или опровергнет вашу идею. Не так давно я беседовал с одним своим знакомым. Он довольно известный человек в Интернете, но тем не менее он мне рассказал о своей мечте. Он мне рассказал о виртуальном государстве. То есть он не очень хочет встраиваться в социум.

Г. Д.: В сетевой или в виртуальный?

О. Д.: В сетевой. В виртуальном государстве люди, которые стали его гражданами, живут каждый кто где хочет. Они готовы одновременно быть как гражданами некой страны, так и этого виртуального государства. Там они могут принимать коллективно какие-то решения и бороться против усиления государств. Они надеются, что у них могут быть какие-то собственные паспорта, будут юристы, которые их будут защищать, и так далее и тому подобное. То есть это идея глобализма вот такого. Даже кто-то, по-моему, что-то запускать в этом плане. Я не очень в курсе. Но тем не менее есть какой-то позыв, порыв у людей выйти из клетки государственной, что называется, и перейти в другое качество. Естественно, они выбрали общим языком английский, поскольку все там им владеют, хотя для них это не так принципиально. Но им хочется расширить границы и перейти на уровень других взаимоотношений. Но интернационалисты... Если я правильно помню, Первый Интернационал был в конце XIX века, затем Второй, Третий, Четвёртый Интернационал. Что-то там делали, в

том числе Троцкий с Лениным, да? Это ведь было объединение людей по другим признакам? Не по признакам нации, а по классовому признаку...

Г. Д.: Они апеллировали, естественно, к трудящимся, а сами они были интеллигентами, которые хотели оседлать трудящихся и от их имени начать диктовать свою волю мировому порядку. То есть они хотели власти, естественно. Но к власти интеллигент, даже трижды заговорщик, прийти не может, как это на своей шкуре испытал Огюст Бланки, который большую часть жизни провёл в разных французских тюрьмах. Поэтому революционеры пришли к очень здравой мысли, что надо говорить от имени масс. А массы, которые танцуют карманьолу, бесполезны. Поэтому надо говорить от масс, которые уже построены и организованы и которым можно легко объяснить, почему они лишены того, что им причитается. Революционеры сделали всё правильно. Здесь ключевым моментом является то, что они – интеллигенты, хотевшие власти и готовые рисковать. В той или иной степени готовые рисковать. Здесь интересен следующий момент. Ошибка заложена в том, что есть сильный зазор между теорией пролетариата, который должен в результате победить и стать локомотивом истории, и тем, что эту теорию выдвигают, реализуют организационно и вообще делают всё – не пролетарии, а интеллигенты.

О. Д.: Иногда ещё и дворяне при этом.

Г. Д.: Да. То есть различия с определённой дворянской прослойкой – семинарской, дворянской и так далее. Но в принципе они не пролетарии. И вот этот зазор рано или поздно должен был проявиться и быть миной замедленного действия под этим проектом. Сталин, когда организовывал свой термидор против Троцкого, на этом и сыграл. Он выбивал эту породу интеллигентов и заменял их снизу люмпенами, которых немного «доводил», превращая их в тех бюрократов, которые ему были нужны. Но я веду речь о новом интернационализме, который предполагает особую человеческую поросль, которая хочет от мирового порядка не власти. Они не хотят войти в мировой порядок, они не хотят его оседлать, они не хотят действовать от чьего бы то ни было имени. Они видят себя в качестве носителей инструментов духа, инструментов мировой истории, и они хотят выйти из этого мирового порядка и вывести за собой всё человечество. То есть это – метафизическая идея. Это идея, которая бросает вызов року, как у древнегреческих героев. И в этом смысле...

О. Д.: Да, протагонист – рок, я понимаю.

Г. Д.: И в этом смысле можно сказать, что это – предварительный материал для воссоздания касты героев.

О. Д.: Вот как интересно. Но всё равно мне всегда казалось, что в интернационализме и вообще в этом замесе идеи мировой революции всегда были, что называется, жажда социальной справедливости и протест против общества богачей. «Вставай, буржуй, последний час настал!» – и всё такое прочее. Интернационализм – он в основном всегда объединялся против кого-то. Знаете, есть хорошая поговорка: «Против кого дружим?» Вот как раз интернационалистов в начале XX века объединили зависть, ненависть и жажда так называемой социальной справедливости по отношению к богачам.

Г. Д.: Очень точно подмечено. И здесь как раз интернационализм бросает вызов этому принципу «разделяй и властвуй», разделению на национальности прежде всего. Потом он отвечает тем же самым, то есть разделением на национальности, которые являются инструментом мирового порядка, таким же фиктивным разделением на классы. Новый интернационализм отказывается от принципа разделения на классы по одной простой причине. Этот материальный фактор недоплаченности рабочему прибавочного продукта, необходимость пустить этот прибавочный продукт на детские дома и санатории, все эти прекрасные социальные «примочки» – они вообще не являются предметом интереса нового политического протеста и нового интернационализма. Новый интернационализм является движением и импульсом метафизическим. И от этого, конечно, он не становится менее практическим,

меньше вступающим в принципиальный конфликт с мировым порядком, но мотивируется он не социальной справедливостью, которая основана на разделе благ, а другим пониманием справедливости – гносео логическим. Справедливость, с точки зрения новых интернационалистов, – это смысл жизни. Смысл жизни, который лежит не... ну мы все читали, допустим, Корчагина, да, Павку, Шолохова, да... И вот там очень много пафосных слов о смысле жизни: «смысл жизни, отданный народу» или «в борьбе за счастье человечества» и так далее. В общем, это всё очень туманные термины – «счастье человечества» или «жизнь, отданная народу». Смысл этих слов означает, что твоя жизнь включена в «Книгу живых», которая есть у Бога. То есть ты – не пыль на ветру. То есть смысл жизни – это не смысл жизни, а просто Смысл с большой буквы. Есть ли Смысл у сущего? Или, может быть, этот Смысл за пределами сущего? Но воля связать себя и свою судьбу с этим Смыслом – это главное, что движет этими новыми интернационалистами.

О. Д.: Правильно я понимаю, что человек задаёт себе вопрос: «Для чего я родился? Неужели я родился для того, чтобы выплатить ипотеку и работать на это всю жизнь?» Я правильно понимаю, что это состояние...

Г. Д.: Вот этот уровень задавания вопросов – это уровень попутчика. Будущие, принадлежащие к касте героев, уже с момента рождения проходят фазу задавания вопросов. Они уже как бы сразу ответили, что нет, не для этого. И они уже инстинктивно ощущают, чем пахнет этот смысл. Этот смысл, конечно, пахнет абсолютной противоположностью комфорту, удаче социальной. То есть всё, что связано с коробочкой, внутри которой есть ватка, в которую можно уютно лечь и, так сказать, накрыться крышечкой, да, – это всё исключено с самого начала, заведомо, по самой экзистенциальной структуре этих людей. Для них устройство в социальном пространстве равноценно гибели. И вот что ещё очень важно: эти люди различают гибель и смерть. Гибель – это как раз исчезновение в качестве материального объекта. То есть вот чашка – она разбилась, есть собака – её переехал трактор, она издохла. Это – гибель. А смерть – это встреча с той подлинной сущностью, которая есть внутри тебя и которую ты можешь увидеть только в какой-то последний момент или, как в зеркале, внезапно обнаружить – в таком особом, экзистенциальном. То есть смерть – это твой финал, который оказывается тем, ради чего и чем ты живёшь. Смерть – это то, что неповторимо в тебе и благодаря чему ты воспринимаешь весь окружающий мир. Умираешь ты только один, никто за тебя не умрёт, и эта твоя смерть – это и есть твоё истинное «я». Это абсолютно не тождественно гибели.

О. Д.: Если не ошибаюсь, у Лосева была такая фраза: «Если нет смерти, то всё бессмысленно». То есть, действительно, что бы ты ни делал...

Г. Д.: Если соединить это с фразой Достоевского: «Если Бога нет, всё дозволено», то есть то же самое – всё бессмысленно...

О. Д.: Да, конечно.

Г. Д.: Если всё дозволено, значит – всё в хаосе и абсурдно, да? Если нет смерти, то всё бессмысленно, если нет Бога, то всё – хаос. Тоже всё бессмысленно.

О. Д.: Какой же я тогда капитан?

Г. Д.: Тогда получается, что смерть – она и есть лик Бога внутри тебя. Это и есть аспект Бога, который в тебе присутствует и проявляется в тебе, как твоя абсолютная, исключительная нетождественность всему. Это обнаружение вот этого тождества между смертью и Богом и есть смысл. Есть люди, которые «desdichados», «гураба», но которые и являются носителями вот этого импульса. И, конечно же, у них будут попутчики. Те, которые задают вопросы, те, которые хотят «сетевого» государства. Эти методики – как бы поиск людей, которые уже поняли, что их время утекает в песок, что называется. Но не они будут двигать этот проект. Проект будут двигать те, которые в какой-то степени уже являются «телом» этого проекта.

О. Д.: А куда он может двинуться? Давайте мы над этим подумаем. Ведь действительно, и «правые» и «левые» в современном мире во многом дискредитировали себя. Это видно просто невооружённым глазом и вызывает даже некоторую оторопь. Это «битва нанайских мальчиков», бесконечная клоунада, чепуха, поверхностность и так далее, и тому подобное.

Г. Д.: Исходя из того, что и «левые» и «правые» – это часть системы и причём были частью системы не только сейчас, после 1945 года, они были ею и до 1945 года, просто большинство из них этого не знали. Они были втёмную использованы, как некие носители вызова, бунтарства.

О. Д.: Мне недавно довелось беседовать с представителями фракции КПРФ. Вот они должны были быть нашими классическими «левыми». «За социализм», «за справедливость» – да, лозунги остались, но на самом деле всё не так, понимаете...

Г. Д.: Они ни разу не процитировали классиков за двадцать пять лет публичных выступлений. Я от Зюганова ни разу не слышал ссылок ни на Ленина, ни на Маркса, и, по-моему, он искренне вообще Ленина и Маркса не знает и не читал. Более того, массу вещей он бы тут же посоветовал «русскому надзору» запретить: особенно классику как подозрительную.

О. Д.: Естественно, у них есть и хорошие, нормальные люди. Но, к сожалению... в личном общении, знаете, они достаточно приятные люди, достаточно разумные, как вы знаете. Если не ошибаюсь, Цицерон, что ли, ещё в своё время писал, что каждый из сенаторов очень приятный и умный человек, но Сенат вместе – это чудовище. Знаете, когда они все вместе, они вынуждены публично выступать и клеймить что-то – это выглядит ну просто по меньшей мере глупо. Мягко скажем. В личном общении – это нормальные, адекватные люди. И вот этот, что называется, театр или, я даже не знаю, как назвать – «карнавализация» публичных протестов и, так сказать, столкновение «правых» и «левых» между собой – это вызывает, честно говоря, неприятие у любого разумного человека. Ты понимаешь, что тебя пытаются как-то очень дёшево, что называется, извините за сленг, обдурить. И с этим не очень хочется иметь дело. Нужно быть или каким-то прожжённым политиканом, карьеристом, который хочет затесаться в одну из этих групп, сделать себе какую-то там карьеру. Но всё это ради того, чтобы иметь дом побольше, побольше есть, иметь побольше машин... ну и всё такое прочее. Но для людей, которым было интересно идти в политику ради каких-то более высоких целей, нежели купить машину поновей, – для них это непривлекательно, естественно. Потому что для того, чтобы купить машину поновей, можно торговать пивом. Тоже как бы дело. Может, в конце концов, быстрее так заработаешь, чем дурить головы и потом чтобы твоим детям было за тебя стыдно. Так вот, вопрос: какое будущее ждёт политическую, социальную жизнь и что будет с новым интернационалом, о котором вы говорите?

Г. Д.: Исходя из того формата, который мы уже немножко выявили, чуть-чуть нарисовали, очевидно, что этот формат может быть только эсхатологическим. То есть существует либерально-рациональное представление об истории, что история – это бесконечное катящееся по дороге прогресса вперёд время. То есть постоянное наращивание, с одной стороны, автоматизации, механизации и комфорта, а с другой стороны – наращивание стоимости жизненного времени, что создаёт очень острые диспропорции. Потому что нарастить стоимость жизненного времени всего населения Земли невозможно, не получается. И тогда возникают очень сильные перекосы, и, что называется, поршни начинают стучать в моторе. Это как бы одно представление: время, которое линейно катится вперёд, и всё вокруг будет – всё больше, всё лучше, и так далее, и так далее.

Есть другое представление, укоренённое в метафизическом понимании, которое говорит о том, что история конечна. Опять же есть традиционалистский взгляд: история циклична и повторяема. И есть взгляд, связанный с монотеистической традицией откровения: она завершается смертью и Воскресением, Страшным судом, и разрыванием земли и неба, и

созданием нового бытия на его месте. Вот, скажем так, хомяки живут концепцией линейного времени и бесконечного прогресса. Правящие классы – истинные хозяева реальности – они живут и укоренены в установку конечной истории, связанной с повторением и выходом к золотому веку. Новому золотому веку, новому циклу человечества, в которое они должны войти, как зерно следующего человечества. Естественно, что это оставляет концепцию эсхатологическую, в подлинном смысле – «эсхатос», как последний – оставляет вот этим новым интернационалистам – «desdichados». Это концепция того, что на нашем цикле, на нашем человечестве история должна остановиться, и вместо ветхого бытия явится новое бытие. Это эсхатологическая идея конца истории в антифукуямовском смысле, потому что Фукуяма имел в виду как раз это вечное качение вперёд по либеральной модели, уже без событий – бессобытийное, бестравматичное. А здесь – конец истории, как гипертравма, после которой начинается новое бытие. Вот это и есть цель касты героев, которая... Ведь, собственно говоря, истинным роком является представление о жизни у этих вот хозяев социума. То есть идея циклов, идея бесконечного повторения равного и возвращения к золотому веку – это и есть то самое колесо Зервана, «чархи – фаляк», о котором говорили зороастрийцы. То есть вращение небесного свода, который крушит, уничтожает и возвращает, уничтожает и возвращает. Это фундамент традиционалистской идеи. Это то, на чём построены мировоззрения Господ – с большой буквы Господ, которые были всегда: и три тысячи лет назад, и пять тысяч лет назад, и сегодня. А остановка «чархи – фаляк», остановка небесного свода в его вращении и одновременно его разрушение, разрушение Олимпа – это и есть идея Авраама. Это авраамическая идея.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что через какой-то период времени, может быть, даже небольшой, есть вероятность перенаселения земного шара. Человечество может быть частично смыто какой-то волной, назовём её условно «волной потопа». Она может быть разной волной, естественно. Понятно, что правящий класс или правящая прослойка будет думать и о выживании, и о том самом «зерне», в котором она останется после перерождения этого самого «колеса». И, соответственно, те самые «desdichados» – лишённые наследства, эта новая генерация интернационала, она попробует с этим делом «поконкурировать».

Г. Д.: Видите ли, конец человечества происходит, конечно, катастрофически, но его тотальный конец, то есть переход вообще к новому циклу, осуществляется не через метеориты, йеллоустонские заповедники или взрывы атомной бомбы на дне мирового океана, он осуществляется гораздо более глубоко и страшно. Представьте себе, что семь миллиардов людей просыпаются в какой-то момент и обнаруживают, что они забыли языки. Язык, человеческий язык как бы выключен из их сознания. То есть как у младенца новорожденного. Это означает, что мир исчезает полностью, потому что если вы не знаете слова «ручка», то вы не знаете, что этот предмет – ручка и что это такое, и вы её не видите, и весь мир мгновенно гаснет. А в принципе такая операция даже более вероятна технически – ну в некотором высоком смысле. Не технически... не то что какой-то луч там, но в глубоком техническом смысле она ещё вероятнее, чем метеорит, о котором говорят, что метеориты уничтожили динозавров. То есть вполне может быть, что люди просыпаются и они не знают язык. Это случается с каждым из нас. Иногда человек просыпается, и несколько секунд он как бы не помнит ни одного слова, и он не знает, что это – абазур. Всё. Комната кажется ему набором пятен.

О. Д.: Да, понятно. То есть мир может исчезнуть...

Г. Д.: Представьте, что это происходит со всеми. Мир исчезает. Естественно, что это – гибель для всех, но кто-то, тут как бы возможны варианты, либо сохраняет язык, в отличие от всех остальных, либо же он благодаря сверх-, так сказать, телепатическим или иным способностям адаптирован к невербальному состоянию, к невербальной экзистенции, невербальной экзистенции людей «золотого века». И для него не существует проблемы... для тех, той маленькой группки, не существует проблемы гибели через забвение языка как средства

коммуникации и вообще постижения окружающего. Они переходят на следующий этап. Это именно те, так сказать, реальные хозяева, и те, кто стоит за ними, дают им такую возможность. Что же касается «desdichados», они как раз строят всё на языке, потому что база, на которой всё основано, – это база Откровения, это база Скрижалей, которые получил Моисей, это база Торы, это база Корана. То есть это язык в высшей степени. Это язык *par excellence*, «по преимуществу». Такой язык – язык по преимуществу. И поэтому здесь абсолютно противоположные полюса, ибо сама борьба идёт вокруг дискурса. Почему говорится «хозяева дискурса», почему вся борьба всегда шла за интерпретацию, за комментарии, за, в конце концов, изменение текста, фальсификацию текста? Имеются в виду Священные Писания. Именно поэтому. Если выдернуть из розетки этот шнур, то, конечно, идёт обесточивание всякого сопротивления, всякого противостояния. Тогда то, что стремится к эсхатологии, оно гибнет, оно проигрывает. И тогда остаётся только вечное возвращение, вечное повторение равного себе и победа «золотого века», будущего.

Именно поэтому для следующей волны протеста, который должен если не сокрушить, то потрясти мировой порядок, не нужна сложная разработка о прибавочной стоимости или заговоре ростовщиков. Достаточно встать на позиции категорического отрицания «человеческого, слишком человеческого», со всеми его клише, матрицами и клубами по интересам. Интернационализм как универсальный растворитель того, что глобальная культура называет «ценностями», вполне достаточен как базовая идеология нового протеста, в котором нет места высосанным из пальца «левым» и «правым».

Глава 10

Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли «гегемона»

(Часть 1)

Начало Нового времени ознаменовалось тезисом равенства, которое вместе со свободой и братством стало формулой преобразования старого мира. С точки зрения радикалов более позднего разлива, требование равенства было, во-первых, глубоко фальшивым, во-вторых, сугубо буржуазным и носило в основном отрицательный характер. Буржуа требовали отмены привилегий и уравнивания в правах с дворянством. На самом деле это было клерикальное требование: попы во все времена опирались на класс торгашей и ремесленников как свою наиболее лояльную базу. Вместе с тем клерикальный конфликт с «людьми шпaги» проходит красной нитью через все повороты истории.

Марксистская революционная социология обнаружила нового гегемона: пролетариат. На требование равенства со стороны буржуа тогдашние радикалы ответили требованием нового неравенства, диктатуры пролетариата. Это был очень сильный ход, прежде всего в стратегическом плане. Пролетариат знать не знал о том, что его назначили в господствующую верхушку грядущего. Поэтому от его имени диктатуру должны были осуществлять интеллигенты (концепция Грамши об отдельном новом классе интеллигенции как участнике исторической борьбы на самом деле не уводит от марксизма, а открывает важнейший его секрет).

Именно эта двойственность марксистской идеи пролетариата – выдвижение его в гегемоны при полной невозможности самостоятельно осуществлять эту миссию – фактически обрекала весь проект на провал. Грамшизм де-факто стал господствующей практикой в социалистическом лагере. Партийная бюрократия в своём доминирующем большинстве состояла из интеллигентов. В конце концов, этот практический ползучий грамшизм заставил руководящие круги Коминтерна отказаться от идеи диктатуры пролетариата, заменив её на общенародное «социальное государство».

После этого на социализме можно было поставить крест. Диктатура пролетариата стала водоразделом между упругим, восходящим, живым порывом революционных сил вверх – и (при отрицании этой диктатуры) началом упадка и гниения.

«Общественное» – это возврат к равенству. А «равенство» означает буржуазию, цеховиков, Горбачёва и так далее и тому подобное.

Новым революционным силам «равенство» – как кость в горле. Но не пролетариат же, давно исчезнувший и разложившийся в люмпенов, криминальных гопников и тому подобную публику, снова вытаскивать в качестве политического фактора. Это уже даже не смешно.

Понятно, что революционные силы не должны искать кого-то на роль гегемона помимо самих себя. Здоровый революционный проект, имеющий шанс на то, чтобы состояться, должен уйти от этой лжи, когда правят бюрократы в очочках, а чувствуют в качестве «соли земли» стахановых.

Революционные силы состоят из одиноких героев, нашедших друг друга, как Че Гевара и Кастро, как Андреас Баадер и Ульрих Майнхоф. Но откуда берутся эти одинокие герои? Это осколки разгромленной касты воинов, которые были выведены из пирамиды политиче-

ского общества при замене государя на президента или премьер-министра. Легитимация насилия исключительно в рамках государства сделала офицерские должности лицензируемыми, а военные машины (армии) состоящими из дрессированных крепостных. По сути, государство создало небывалый феномен: армии рабов под командой вольноотпущенников.

Феномен Спартака был экспроприирован и освоен «правовым государством». Но возник серьёзный парадокс. Участники пирамиды политического общества, воины архаичного типа были носителями той самой тени «Зверя», которая обеспечивала их лояльность. Изгнанные из политического общества в никуда, прежде чем эта тень успела исчезнуть, воины сохранили тот самый импульс, который приходит в мир из бытия, генерируя на человеческом плане власть.

Только у воинов этот импульс переродился в свою противоположность. Воин не может быть лоялен контролю. Его естественная жизнь состоит в отрицании всего, что ему безусловно чуждо. А революционер – это аристократ, лишённый титула и всякого смысла. Его революционная повестка – это бывший титул, который возвращает ему смысл.

Вот кто должен быть гегемоном в организации будущего политического пространства. Речь идёт о восстановлении политического общества – но без кесаря!

О. Д.: И сегодня наша тема – «Революционное неравенство. Кто заменит пролетариат в роли гегемона». Цитата из Маяковского: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Революционная борьба против старого порядка подразумевала авангард, претендующий на политическое господство. Демонтаж социализма начинался с упразднения идеи о диктатуре пролетариата. Сегодняшние оппоненты системы беззубы, ибо не выдвигают альтернативную элиту. Но кто станет элитой завтра? Как раз об этом мы сейчас и поговорим.

Г. Д.: Я предлагаю использовать такую площадку, такую тему для того, чтобы поднять очень много острых и проблемных вопросов, которые в общем-то касаются каждого. Французская революция выдвигала лозунги *Liberté, Égalité, Fraternité* – «Свобода, равенство, братство». Со свободой понятно. Равенства, как мы знаем, не получилось ни в 1793 году (хотя, может быть, оно тогда и было в какой-то степени, но очень краткосрочно и закончилось очень печально для всех участников этого равенства), и дальше тоже ничего не получилось. Был Наполеон, была реставрация, затем буржуазная эпоха и так далее, а ведь ради буржуазии всё делалось. Всегда революция делается во имя некоего «атакующего класса», пользуясь выражением Маяковского, всегда выдвигается некто в роли авангарда, но за этим стоит реальный бенефициар.

О. Д.: Да. Если мы вспомним революцию 1917 года, то действительно, хотя власть и объявлялась диктатурой пролетариата, но руководители страны ведь не были выходцами из этого класса. Они были дворянами, разночинцами...

Г. Д.: Совершенно верно, они были, условно говоря, интеллигенцией. В случае с французской революцией буржуазия была объявлена всем. А кто объявлял-то? Аббат де Сийес. Ему принадлежат слова: «Третье сословие – ничто. А чем оно должно быть? Всем». Я долго изучал этот вопрос. Ещё в юности я прочел «Историю французской революции» Ж. Жореса, огромный том 1914 года издания. Последующие размышления привели меня к тому, что бенефициаром французской революции хотела быть церковь. Она хотела снести абсолютистскую монархию с тем, чтобы затем реально контролировать ситуацию, опираясь на буржуазию как на своего реального союзника, который был бы ей подконтролен. Абсолютистская монархия не была в общем-то подконтрольна церкви, она вела себя цезаропапистским

образом, как и в России. Синода там, конечно, не было (это всё-таки католицизм), но церковь была от власти удалена.

О. Д.: Я прошу прощения, что вас перебиваю. Скажите, действительно ли влияние церкви было столь велико в этом антироялистском перевороте?

Г. Д.: Церковь готовила этот антироялистский переворот, прикрываясь просвещением, прикрываясь Вольтером. Она его готовила технологически. Как во многом она готовила и революцию 1917 года в Российской империи. Вспомним знаменитого иеромонаха Илиодора, который привёл к царю Распутина, а потом, после 1917 года, пошёл к большевикам. Вообще в церкви зрела очень большая ненависть к монархии, к истеблишменту, потому что монархия опиралась на бюрократию и в принципе вытирала о церковь ноги.

О. Д.: Но ведь государство финансировало церковь, церковь была практически государственным институтом.

Г. Д.: Вот это её и убивало, так как в качестве государственного института она не имела никакого влияния. По данным тогдашнего царского МВД, в 1913 году 20 миллионов русских людей были кем угодно, кроме православных. Это были старообрядцы, которых церковь не считала православными, молокане, баптисты, хлысты. 20 миллионов – это гигантская цифра, если учесть, что в стране на то время всего было 100 миллионов жителей. И на самом деле было ядро в церкви, которого такое положение «теплохладного прислужника на зарплате» не удовлетворяло. Настоящему ядру, подключённому к старцам, такое положение было ненавистно. Напомню, что, как только большевики взяли власть, первое, что они сделали, это восстановили патриархию, упразднённую Петром Первым в 1721 году. Но если говорить опять же о французской революции...

О. Д.: Но не сами ли церковники избрали Тихона патриархом?

Г. Д.: Ну а кто бы им позволил? Им дали такую возможность, открыли широкую улицу. Это было определённой платой, по крайней мере на первых порах. Но дело в том, что интеллигенты, которые стояли за выдвигаемым вперёд пролетариатом, находились в иной ситуации, нежели французские революционеры. Во Франции революцию чисто технологически готовила церковь. Я напомню, с чего началась Французская революция. Она началась со скандала, который был организован кардиналом де Роганом, подарившим королеве очень дорогое ожерелье и затем сделавшим этот факт широко известным. После этого народ, евший в провинциях траву, просто поднялся. Но это же была провокация. С точки зрения обывателя логики в этом поступке нет, ведь кардинал тем самым наносит удар по имиджу церкви. Но нет, он фактически наносит удар по имиджу короны. Поднялись тут же последователи Гольбаха, которые заявили, что содержание революции атеистическое. Но якобинцы ввели смертную казнь за оскорбление религии. Правда, они немного отъехали в сторону, они ввели культ Великого Существа, тут есть небольшая тонкость.

Мы подходим к очень важной теме. Поскольку всегда есть такой дуализм – бенефициар и выдвигаемый на первый план авангард, то в итоге никогда ни бенефициар, ни авангард не становятся гегемоном, а становится гегемоном кто-то третий. Вот во французском случае церковь пролетела мимо кассы, как фанера над Парижем. Потом её положение во Франции стало жалким как никогда – весь XIX век её сводили на нет. А кто же пришёл? Кто победил в результате переворота, сноса абсолютизма? Буржуазия, которая должна была стать всем, всем не стала, потому что вперёд вышли либеральные партии, вышли клоуны, вышел «маленький племянник большого дяди» Луи Наполеон. То есть на первый план вышел деклассированный элемент высокого полёта, люди, не относящиеся ни к какому классу. В Индии, в кастовом обществе, таких людей называли бы чандалы. Это деклассированный элемент, но не люмпен, а высокого разбора. Это те люди, которые позируют в роли военачальников, олигархов и так далее. Они не буржуазия, они генетически происходят из клуба людей свободных профессий – той группы людей, которая сформировалась, паразитируя на обще-

стве. Это адвокаты, журналисты, частнопрактикующие зубные врачи. Они к моменту французской революции, к середине XVIII века, набрали такую силу, что стали представлять политическую партию. Церковь задумала свалить абсолютистскую монархию, чтобы стать единственной направляющей силой, честью и совестью эпохи. Но в итоге ни она не подошла к финишной прямой, ни буржуазия, ставшая заложником политической игры. Кто стал заправлять ситуацией? Ситуацией стали заправлять политические партии. И они потом в конце концов вырулили на Первую мировую войну, а дальше нам уже известно.

Теперь о ситуации с большевиками и диктатурой пролетариата. Маркс, кстати, знал, что с диктатурой пролетариата надо обращаться осторожно. И он не был фанатом обязательной насильственной смены власти, полагая, что можно подойти к смене общественных формаций и демократическим путём, а силу нужно применять скорее в случае сопротивления. То есть разрыв между степенью развития производительных сил и производственных отношений можно постепенно преодолеть. Он понимал, что это полуутопично, но диктатура пролетариата – это естественная необходимость. Был ли он пролетарием? Понятное дело, что нет. Он был сыном адвоката. Женат он был на аристократке, несмотря на то что был евреем, крещённым в шестилетнем возрасте. Его жена была из баронской семьи Вестфален, родственной Гогенцоллернам. После свадьбы с Марксом семья, конечно, от неё отказалась, что не помешало им жить долго и счастливо и родить пять дочек. И получается, что баронесса фон Вестфален вместе с крещённым евреем, сыном адвоката, придумали диктатуру пролетариата, проживая при этом на содержании у капиталиста Энгельса (в скобках заметим, что Маркс его не очень-то уважал, как явствует из его писем другим людям).

Кто были те люди, которые пришли к власти в России? Конечно же, пролетариев среди них было только несколько процентов, если брать состав первого ВЦИК. Киров, допустим, был с рабочим прошлым. Но если взять вообще историю подготовки русской революции, эсеров, народников, это всё, конечно, интеллигенция чистейшей воды. Это были настоящие интеллигенты: они были из семинаристов (это обязательное условие, можно было быть из дворян, но лучше из семинаристов), они были крайними идеалистами, с высокими этическими планками, готовы были жертвовать собой. Это были очень серьёзные люди. Но к диктатуре пролетариата они имели весьма косвенное отношение. Из пролетариата, как мы знаем, гегемона не получилось. В советское время это было скорее издевательским словом. Пролетариат был в загоне, его использовали и в хвост и в гриву. Из интеллигенции тоже гегемона не получилось. В юности я застал ещё хрущёвское время, брежневское время, так смешно было представить, что партийные бонзы – это интеллигенты. В 20-е же годы это было так. Пятаков, Рыков, Луначарский, все, кого ни возьми, начиная от Троцкого и кончая Стекловым, были интеллигентами, но их разменял товарищ Сталин. Потому что если вы, ребята, врёт истории, если вы говорите, что осуществляете диктатуру пролетариата, а сами являетесь чёрт-те кем, то история вас наказывает. И приходят люмпены, но не адвокаты и журналисты, как в Европе, не чандалы, а парии. Приходят батраки из села, которые, забив соседа лопатой, идут в город, кончают рабфак и становятся партийными деятелями. И вот таким образом возникла советская бюрократия, из которой произошла впоследствии наша бюрократия.

И, в общем, получается, что революция врёт истории, то есть какие-то силы хотят стать бенефициарами, понимая, что напрямую они претендовать на гегемонию не могут. Если бы Белинский, или Герцен, или Плеханов требовали диктатуры интеллигенции, это было бы просто смешно. Какая тут диктатура интеллигенции, в это никто не поверит.

О. Д.: Получился некий обман. Пролетариат власть не получил, и, когда интеллигенция была вся выбита, ей на смену пришёл простой люмпен, который с двумя классами образования принялся руководить страной.

Г. Д.: Пролетариат использовали и обманули. Буржуазию тоже использовали и обманули, она не получила политической власти. В Европе после буржуазной революции «высокий», условно говоря, люмпен остался, и современная бюрократия Европейского союза является как раз его наследницей. А в России был сделан ещё один шаг в сторону: здесь к власти приходит деклассированный элемент, потому что революционеры лгали, пролетариат не был революционером, он не делал революции. Более того, он выражал недовольство. Первое, что сделал пролетариат, это устроил стачку, и большевики её сразу жестоко подавили. Интеллигенты лгут, они используют пролетариат, но (!) идея была, конечно, электризующая. Идея диктатуры пролетариата была крайне притягательна, она крайне заводила таких людей, как Маяковский, Горький, Неруда, Назым Хикмет, это всё поколение таких мощных, серьёзных левых. Горький говорил от имени пролетариата. Его называли «великий пролетарский писатель», но какой же из него пролетарий? Он босяк, он богема, женат на Андреевой, живёт на Капри. Но он был великий пролетарский писатель, и никто не чувствовал фальши, потому что имелось в виду совсем другое. Имелся в виду не настоящий пролетариат, не Стаханов, который был просто дурак, напыщенный дурак и очень быстро начал спиваться. Имелись в виду не такие люди. Когда говорили «пролетарский», имелся в виду человек, идущий против мирового порядка, идущий против старых культурных ценностей, против фальши, бьющий кулаком по столу, сталкиваясь с лицемерием. То есть имелся в виду оппонент привычной пошлости, и в этом было нечто радикальное, крутое. В слове «пролетарский» был мощный заряд, и все понимали, что имеется в виду именно это – личная персональная крутизна, то, что ты радикал, а не то, что ты рабочий.

О. Д.: Мне бы хотелось чуть-чуть дополнить. Я помню, что в «Манифесте коммунистической партии», который написали Маркс и Энгельс, было продекларировано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Соответственно, речь шла о прогрессивном классе, который начал нарождаться в середине XIX века. Сейчас у нас есть креативный класс, класс так называемых креаклов. Тогда так же появлялась новая социальная общность – пролетарии. Этот класс был молод, всё время по численности увеличивался и мог представлять собой опору коммунистическому движению.

Г. Д.: В чём тут огромная разница? Почему Маркс выбрал пролетариев? Да, пролетариат был инструментом массового производства. Но социально-политическая и даже экзистенциальная причина была в том, что пролетариат был построен в армии естественным способом. Об этом все писали прямо – крупное производство, собирающее в одном месте пятьсот и более рабочих, которые работают с шести утра до десяти вечера, формирует фактически уже готовые батальоны, которые тяжелейшими условиями труда приучены к страшным, inferнальным трудностям. Поэтому это такие естественные рабочие армии. И эта сила, которая, с одной стороны, несёт в себе мощную энергию ненависти, энергию разрушения, с другой – она дисциплинирована, разбита на цеха, на десятки и так далее. Так что становится очевидным, почему нужно было использовать пролетариат. Другое дело, что пролетариат, генетически исходя из сельских людей, являлся в то же время и врагом революции. Ленин говорил, что «Нам важен пролетарий во втором или третьем поколении, ну, на худой конец, проработавший в городе на фабрике двадцать пять лет. Пролетарий, который находится на фабрике менее двадцати пяти лет, является потенциально нашим врагом, худшим врагом». То есть на него надо смотреть как на наиболее ненадёжный элемент, как на пятую колонну. А вот тот рабочий, который в третьем поколении родился в фабричных бараках и ничего, кроме грохота машин, нищеты и свалок, вокруг фабрики не видел, – вот это наша опора. Сельское ядро в человеческой душе – это очень ненадёжная вещь. Оно и мелкобуржуазное, и конформистское, и ориентированное на соглашательство, трусоватое и так далее. Понятно, те люди, которые готовили сначала свержение абсолютистской монархии, а потом свержение капиталистического строя, они не могли прямо заявить истории свои пре-

тензии, потому что в это никто бы не поверил, и их подняли бы на смех. Когда Маркс диктаторским образом вёл себя в окружении Первого Интернационала, он тоже вызывал как минимум негатив и в лучшем случае смех. Его диктаторские замашки всерьёз не воспринимались. Это были очень умные люди, но они не были теми, кого скульптор Шадр воплотил в своей работе «Булыжник – оружие пролетариата», они не были тем пролетариатом.

Сегодня речь идёт о том, что эта эпоха, которая началась где-то с 1642 года, закончилась. Это была эпоха перехода человечества из одного состояния в другое. До 1642 года существовало общество, построенное на органической пирамиде. Люди, находившиеся наверху, реально по своим человеческим качествам превосходили тех, кто внизу. То есть аристократы или князья церкви были сверхлюдьми по отношению к мелким ремесленникам или крепостным. Это надо понимать не в переносном смысле, а буквально. Их человеческое качество, их бытие весило безмерно больше. В 1649 году Карл I теряет голову на плахе, после этого начинается очень специфическая эпоха, эпоха реформирования человечества, эпоха вызовов в адрес социума во имя новых ценностей, которых в старом социуме не было. В старом социуме было Бытие как сверхценность. Что это значит? Вот, допустим, есть свечка – это мало огня, а есть пожар или пылающее пламя камина – это много огня. Так же в обычном человеке было столько бытия, сколько огня есть в пламени свечи, а в монархе – это пылающее пламя. И между ними существовала иерархия. Это было главной ценностью. Общество было религиозным, традиционным, считало себя связанным с небом. Но вдруг был поставлен вопрос: а где справедливость? В чём эта связанность с небом? Оказывается, это Бытие – inferнальное, это Бытие сатанинское, и лучше бы его не было. Где справедливость? И начинается с того, что рубят голову королю, объявляя его предателем и врагом народа. Ну и дальше открывается колоссальная дорога. Появляются либералы – Локк, Гоббс, которые начинают говорить о том, что есть общество, общественный договор, индивидуальные свободы, «Левиафан», французские утописты. И всё это длится до того момента, когда рушится социализм, который апеллирует к идее справедливости. Он до самого конца пытался к ней апеллировать. Его закрывают формально, и всё. Мы возвращаемся к точке, с которой начали, только с другого конца. Справедливости нет, общество едино, средний класс един, все должны подчиняться начальству, которое всё знает лучше всех. Только бытия, которое было при монархии, уже нет, потому что нет этих великих сверхлюдей. И никакой справедливости нет, её наличие идеологически не предполагается. Мы проходим фазу в почти четыреста лет, чуть меньше, где-то 360 лет, очень красивую цифру (время было насыщенное – потрясения, революции и так далее), и выходим к универсальной, банальной плоской пошлости, к глобальной цивилизации.

О. Д.: Но есть же некое разочарование. За что же наши отцы проливали свою кровь? Действительно, так много лет человечество боролось внутри себя за ту самую справедливость, и казалось, что социалистический строй – её вершина, но тут всё рухнуло. Зачем же тогда были все эти жертвы?

Г. Д.: Всё рухнуло, и без видимой замены. Потому что революционеры, которые бросали тему справедливости и вызова порядку от имени самой справедливости, которой нет, но которая должна быть, лгали истории. В своих мыслях они ставили себя на место руководящего класса, но вперёд выкатывали «турусы на колёсах» – буржуазию, пролетариат. И всё это кончилось. Новые марксисты, конечно, могут возлагать надежды на средний класс, как, например, Борис Кагарлицкий, написавший книжку «Восстание среднего класса», где есть такая идея, что обнищавший средний класс поднимет восстание. Но это смешно, потому что средний класс характеризуется тем, что это люди, которые напрочь лишены пассионарности. Это и делает их средним классом. Они являются искателями комфорта, ориентированы на потребление, на воспроизводство, на мечту о постоянном замкнутом жизненном цикле – мои дети идут в колледж, потом в офис.

О. Д.: И в этом болоте не будет никакого шторма.

Г. Д.: Но дальше им наносят мощный удар. Им говорят: не будет колледжа для твоих детей, придётся отдавать деньги по ипотеке, и сам ты пойдёшь на свалку ночевать. Будет ли из этого некий бунт и протест? Способен ли средний класс заявить какие-то претензии на власть? Нет, и вот почему. Потому что среднему классу не приходит в голову, что власть связана с танатосом. Власть и любовь к смерти тесно связаны. И если ты не любишь смерть, если ты хочешь только жить, то власть не про тебя.

О. Д.: Очень хорошее сейчас утверждение прозвучало. Вы знаете, действительно, есть такая дуалистическая модель существования. Может быть, когда-то один из первых наших пращуров вышел на скалу и осознал, что жизнь полностью принадлежит ему, что он может как совершить самоубийство, так и завоевать весь мир. Это связанные в каком-то смысле вещи.

Г. Д.: У Гумилёва, который ввел термин «пассионарность», есть подробная разработка иерархии пассионариев. На самом верху находится тот, кто горит желанием принести себя в жертву, дальше идёт великий авантюрист, который горит желанием завоевать и при этом не боится гибели. Дальше стоят великие бандиты, полководцы... Постепенно энергетическая активность убывает, и в самом низу стоит уже какой-нибудь наркоман, который, смотря на светлый день и на улицу, кишашую народом, приходит в ужас при мысли, что надо выйти за хлебом, потому что сил на это у него нет. Он находится в самом низу энергетической лестницы. Эта разработка, как мне кажется, – лучшее, что сделал в своей жизни Лев Николаевич Гумилёв. Всё остальное, все его рассуждения об этногенезе, это всё игрушки, а вот эта классификация и вообще идея пассионарности, она рабочая, она гениальная. Но, конечно, на мой взгляд, она страдает уходом от темы танатоса и переходом от темы танатоса к жизни, а от темы жизни к неспособности с этой жизнью вообще иметь дело в конечном итоге. И, к сожалению, он воспринимал это всё как мазанное одним цветом.

Пассионарность есть двух типов: пассионарность ума и пассионарность тела. Пассионарность тела – смелость тела, в том числе и запредельная, ведущая к крайним опасностям, она присуща сильным людям с улицы. Есть такие дворовые герои, они собирают вокруг себя ватаги, они становятся естественными лидерами, но обычно плохо кончают. И в принципе они не знают, зачем берут всё под контроль, но они знают, что хотят власти. Власть к ним идёт, они оплачивают её перманентным риском и потом получают пулю или нож. Пассионарий ума – это визионер, который прорывается сквозь пелену обычной логики, который видит фундаментальные бездны, скрытые от обычного человеческого разума. Он горит этим визионом, но в своём кабинете, на улицу же ему выйти тяжело, если выйдет – его просто побьют, и это будет очень мучительно и оскорбительно для его высокого разума, что он получил в зубы даже не от серьёзного человека, а от какой-нибудь шпаны. Но существует потрясающая возможность объединения тех и других. Вот Александр Македонский – это классический пример синтеза пассионария ума и пассионария тела. Он, конечно, был пассионарием ума, так как он был учеником Аристотеля, и тут даже спорить не о чем. Более того, он состоял в полемике с Аристотелем, и это делает его не просто учеником, а пассионарием.

О. Д.: Да. Полемизировать с Аристотелем было непросто по тем временам. Я вспомнил интересный факт о В. И. Ленине, который был, бесспорно, визионером и пассионарием, но лично был достаточно труслив.

Г. Д.: Нет, он не был труслив, я хотел привести его в пример после Македонского.

О. Д.: Я просто вспомнил случай, когда его ограбили однажды, он кричал и требовал вернуть его кошелек.

Г. Д.: Возможно, такой случай и был. Но это означает, что он очень чётко владел собой, был очень холоден. И к тому же прекрасно понимал, что было бы абсолютным идиотизмом получить пулю из браунинга не просто от белого террориста из подполья, а от какой-то

шпаны, когда в руках уже был колоссальный проект. Очень многие серьёзные люди, мафиози высокого разбора, оказавшись в дурацкой ситуации, в зависимости от какой-то шпаны, которая даже не подозревает, с кем имеет дело, соглашались отдать деньги или что там от них хотели, но потом разбирались, конечно. Ленин был не трус. А почему он был не трус? Он прибыл в гущу событий, узнав о Февральской революции, забрался на броневик. Он забрался на балкон к Кшесинской, что было ещё опасней, потому что он просто выступал перед людьми, идущими по улице, и выступал день за днём. Любой мог, проходя мимо, вытащить браунинг из кармана и пристрелить его. Далее, когда Керенский его начал искать, Ленин уехал в шалаш в Разлив с браунингом в кармане. Партия его отослала в Выборг с телохранителями, чтобы тем временем вступить в соглашение с Временным правительством и начать подготовку к Учредительному собранию. Узнав об этом, он, нацепив парик, с браунингом опять же, обманув свою охрану, приехал в город и ворвался на партийно-явочную квартиру, как раз когда шли переговоры с эсерами о том, как будут делиться места в Учредительном собрании. Это отнюдь не трус. Но трус бы и не смог жёстко рулить такими людьми, как Плеханов и Мартов, он же их строил, строил их своей харизмой. Сталина строил, который ему мешки с эксов носил. Стал бы Сталин, который рисковал жизнью в кавказских эксах, трусу носить мешки с деньгами. Это был тоже пассионарий ума и тела.

О. Д.: Хорошо. Согласен. У нас осталась только одна минута до окончания передачи.

Г. Д.: А мы так и не подошли к обозначенной теме. Потенциально есть прообраз той элиты, которая придёт требовать своё. Именно та, которая поднимается после 1991 года. Это именно пассионарии ума и тела. Это люди, которые несут в себе танатос. И это, конечно, аристократы. Но не аристократы старого образца, не какие-то банальные рабовладельцы или помещики. Это новые аристократы, которые несут на себе бремя обязанности перед людьми, которые защищают людей, а не имеют.

О. Д.: Интересно. Вот как раз о будущем хотелось бы поговорить поподробнее.

Г. Д.: Давайте тогда сделаем продолжение в следующий раз.

О. Д.: Да, сделаем вторую часть. И поговорим уже подробно о будущей элите. Кто будет следующим пролетариатом и кто его и куда поведёт. Отличная тема.

Революционное неравенство: кто заменит пролетариат в роли «гегемона»

(часть 2)

О. Д.: Мы продолжаем сегодня вторую часть нашего разговора о том, кто же будет «гегемоном» в будущем. Мы вспоминали в первой части о пролетариате, который долгое время был гегемоном, почти весь XX век. И вот его неожиданно, что называется, слили. Я употребляю этот не совсем научный, но зато очень понятный глагол. И что нас ждёт в будущем? Кто будет нашим новым гегемоном? Давайте поговорим про это.

Г. Д.: Эта тема не так проста, как могло бы показаться. Она не решается с ходу потому, что прежде всего требуется определить само понятие: что означает гегемон? Гегемон ведь действует не в безвоздушном пространстве, гегемон существует в определённой ситуации, в определённом общественно-политическом контексте. И он осуществляет свою гегемонию над кем-то. Скажем, пролетариат, который был для нас изначально примером, он был гегемоном при социализме и осуществлял свою диктатуру над непродуцированными классами.

О. Д.: Над бывшими эксплуататорами.

Г. Д.: Над бывшими эксплуататорами, но не только. Почему? Над интеллигенцией трудовой, крестьянством, над ними тоже диктатура. Потому что – диктатура пролетариата, а не пролетариата и крестьянства. И не пролетариата, крестьянства и прослойки. Диктатура одного только пролетариата. А все остальные были объектами этой диктатуры. Хорошо. А была ли диктатура ранее или был ли кто-то, претендовавший на роль гегемона до этого? Если мы оглянемся немного назад, не вдаваясь подробно в историю, просто чуть-чуть открутим назад в рамках понятия, то рвалась к тому, чтобы стать гегемоном, буржуазия. Но у неё это принципиально не получилось потому, что она вынуждена была противостоять своим антагонистам: феодализму, абсолютистской монархии и демократии. Демократии, правда, с гендерным цензом. Напомню, что до середины XX века во многих странах Европы женщины не допускались к выборам. Но тем не менее существовала демократия, и какая при этом могла быть диктатура?! Если мы ещё открутим назад, то попадаем в феодализм. Применительно к феодализму можно говорить о некоторой диктатуре, специфической, особой, потому что силовые структуры и класс, осуществлявший диктатуру, там совпадали.

О. Д.: Это дворянское сословие.

Г. Д.: Это дворянское сословие, но это воинское дворянское сословие. И это не слуги бюрократические, а именно воинское сословие, обладающее независимостью, группирующееся вокруг своего лидера, который являлся коронованным носителем благодати, помазанником Божьим. В германских племенах, разрушивших Римскую империю, такой лидер поднялся из племенных германских вождей. Это очень интересный, очень глубокий феномен потому, что здесь как на ладони видна вся история Европы. Это борьба воинов против жрецов, против торговцев и мелких производителей. Там диктатура реально осуществлялась теми, кто на неё претендовал, от их имени, непосредственно ими самими, и они же были как раз той силовой структурой. Естественно, для того чтобы осуществлять пролетарскую диктатуру, нужны органы – ВЧК, НКВД, то есть сам пролетариат не может отрываться от молотка...

О. Д.: Да, наверное, не нужно отрываться, пускай колотят себе.

Г. Д.: Диктатура имела место в виде дружинников, рабоче-крестьянских отрядов помощи милиции. Но это так, периферийно. Но в целом осуществляли диктатуру силовые структуры. Которые в случае современного общества имеют тенденцию эмансипироваться от того, зачем ими эта диктатура осуществляется. Но, когда мы подходим вплотную к этому вопросу, мы должны понять: в каком пространстве будет действовать будущий гегемон? Какие цели он будет ставить? И самое главное: на какую экономику, на какие источники и ресурсы он будет опираться? Он же будет гегемоном не в безвоздушном пространстве. Вокруг него будут люди. Во имя чего он будет действовать? Как он будет править людьми? Главное: какие цели? Какие задачи? Гегемон не может быть просто захватчиком узурпаторов. Если этот гегемон – захватчик узурпаторов, то это просто некий условный сегмент бандитизма, который людьми не принимается, и такой гегемон быстро пролетит. Социально и исторически. Поэтому нужно разобраться в этих вопросах и прежде всего дать ответ на то, каким будет пространство, в котором он проявится, в котором он придёт к власти.

О. Д.: Позвольте, я задам вам вопрос: а в принципе какое-то из сословий, оно обязательно должно в какой-то момент доминировать? Или какая-то группа людей, она всегда будет доминировать в обществе? Вот сейчас мы уже пришли к какому-то равноправию, к условной демократии, каждый человек имеет один голос, и вроде бы размыты те сословные границы, которые всё время существовали.

Г. Д.: Сословные-то границы размыты, но кастовые продолжают функционировать, потому что они не зависят от этих бирок. Они от брендов не зависят. Люди всё равно рождаются принадлежащими к тому или иному психосоциальному типу, который проявляется органически. В отличие от традиционных консервативных обществ, сейчас наследственный

принцип воспроизводства психосоциального типа (в семье брахмана рождается брахман) не работает или работает очень ограниченно. Как правило, это происходит скачками.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что всегда с каждым новым поколением будут рождаться воины, будут рождаться торговцы, будут рождаться жрецы, будут рождаться слуги, то есть это всё будет неизбежно...

Г. Д.: Потому что это закон, заложенный в человеческом архетипе. В человеческом архетипе, и это более фундаментально, чем деление на расы. Потому что деление на касты вертикально, оно проходит через раз. Жрецы и воины есть у чёрной Африки и у жёлтой Азии, есть у белой Европы, это независимо от расы. И чёрные жрецы ближе к белым жрецам, чем чёрные ремесленники к своим чёрным жрецам.

О. Д.: Кстати, согласен здесь с вами. Потому что в любой мальчишеской группе всегда есть самый боевой, видно, что он воин в душе. Пускай он ещё маленький, пускай ему ещё семь лет, но он первый лезет в драку, он первый хочет показать, что он самый сильный. Это уже родился воин, так? Не важно, из какой он семьи.

Г. Д.: Да, и здесь, конечно же, очень сложное сочетание, во-первых, цивилизационной матрицы, которая использует эти касты. Внутри цивилизационной матрицы идёт жестокая борьба между кастами. Например, христианство в течение всего того времени, когда Европа реально была христианской. Это была борьба между папой и императором, между гвельфами и гибеллинами, между жрецами и воинами. И это была очень жестокая борьба, в том числе и с внешней экспансией, потому что посылка рыцарей в Крестовые походы была одним из политтехнологических приёмов папства, применявшихся для того, чтобы обескровить воинскую касту в Европе. И в общем-то они добились результатов. Потому что колоссальные потери, которые понесло рыцарство на этом пути, дали возможность перейти к новым форматам религии. Ей пришлось разделиться на католичество и протестантизм. Но и в постреформатовском католичестве, и в протестантизме воины проиграли, проиграли со свистом. Возникли абсолютистские монархии католического образца и абсолютистские монархии протестантского образца, как мы знаем по примеру Центральной Европы, что дало возможность перейти к следующему этапу. Возникли уже лицензированные армии и так далее. Но мы же говорим о будущем. Где то будущее пространство, в котором появится новый гегемон, без которого обойтись нельзя? Потому что есть лидирующий психосоциальный тип, который берёт на себя миссию, и эта миссия всегда религиозна. Говорим ли мы о современности, говорим ли мы о прошлом, говорим ли мы сегодня о либеральном фасаде, который всё больше облупливается, штукатурка на нём идёт трещинами, и снова вылезает старая кирпичная кладка крепостной стены...

О. Д.: Хороший образ. Действительно крепостная стена.

Г. Д.: Именно. Говорим ли мы об этом в прошлом или настоящем, но психосоциальный тип обслуживает некую религиозную сверхидею. Она может камуфлироваться, и для простых людей она обычно... В либеральное время, после XIX века, когда «человек произошёл от обезьяны» для всех 90 % населения Запада, она камуфлировалась идеей прогресса. Но за этим всё равно стоят религиозные корни, религиозный генезис. Сегодня настало такое время, когда эти корни будут всё больше и больше выползать из земли, обнажаться. И религиозная мотивация исторического действия будет всё более и более явной. То, что сказал Маркс, что раньше человек одевал свои социальные стремления в религиозные одежды, а теперь мы можем их сорвать, и эти социальные стремления будут выступать в явном виде, — это было очень временным периодом, это был период между XIX веком и половиной... ну, ладно, пусть будет и весь XX век.

О. Д.: Когда все считали, что Бог умер, со слов Ницше.

Г. Д.: Пусть будет 200 лет. На 200 лет Марксова тезиса хватило. Но до этого социальные стремления носили религиозный характер, отсюда сам термин «справедливость» не может

быть сведён к разделению материальных благ. Это понятие изначально религиозное. Это потом Фейербах с Марксом превратили его в колбасу. Я, конечно, грубо говорю. Немножко задевая их память.

О. Д.: Да ничего. Я думаю, что они простят.

Г. Д.: Тем не менее превратили в колбасу на 200 лет, а теперь опять этот вопрос встаёт, возвращаемся к анабаптистам, к Кюнстлеру, то есть к религиозному контексту.

О. Д.: Я хотел ещё один, уточняющий, вопрос задать. Для меня во многом есть понимание, что у какого-то сословия или касты появляется своя харизма. Я не знаю, какой другой термин сюда можно подобрать. В своё время у военного сословия дворян была своя харизма, поэтому они удерживали европейский мир, потом начал появляться пролетариат, у которого тоже была некая харизма, как у нового класса. Вы знаете, когда-то Черномырдин очень точно сказал, хотя и смешно было, что с харизмой надо родиться. С ней должно появиться что-то новое, когда человек по определению имеет право двигать людей, командовать ими. Понимаете? Какая-то вот такая штука появляется.

Г. Д.: Я не уверен, что мы сейчас не уклонимся от нашей главной темы. Но в двух словах я не премину ответить. Если вы посмотрите на барона XII века в кожаной жилетке, в пятнах от кольчуги, ржавчине, и на дворянина XIX столетия, не важно, Салтыкова-Щедрина или крайне холёного и по-светски вылощенного джентльмена великобританского... Если поставить их рядом, то вы поймёте, что барон XII века – это просто человек, который заходит в любое пространство, и это пространство становится на колени или тихо отдыхает в углу. В то время как светский джентльмен может быть крайне обаятельным, все понимают, что это человек, на голову более изысканный, более воспитанный, но из этого не следует, что этот джентльмен имеет наследственные права приказывать, править, что он должен присваивать львиную долю общественного продукта от того, что он более светский, более воспитанный. Современное дворянство (XVII–XIX века) не убеждает никого. Дворянство XII и X веков очень даже убеждало. Причём не обязательно кулаком, железной перчаткой, а просто своим присутствием. Это люди, которые весили экзистенциально в десять раз больше, чем обычные, даже свободные люди вокруг них. Так вот, не будем говорить о том, кто сейчас весит в десять раз больше, чем другие, будем рассуждать логически: а в каком пространстве должен появиться этот грядущий гегемон? Мы сейчас находимся на переходе от одного глобального мирового строя к другому. От одной общественно-политической формации к другой. Социализм, я лично в этом уверен, и, может быть, это будет встречено в штыки, – это один из элементов капитализма, это одна из фаз капитализма. Это очень специфическая фаза, я согласен. Там есть некоторые элементы, которые полностью не укладываются в паттерн капитализма. Главное – это работа не за деньги и способы мобилизации человеческого ресурса, но тем не менее социализм – это разновидность капитализма. Но капитализм кончается. Мы переходим к посткапиталистической, а вместе с тем и к постпотребительской общественно-политической фазе. Когда будут снесены границы, когда будет суверенное государство, когда будет мировое правительство, тогда старые традиционные классы, те, которые корнями своими происходят из знати, и жреческие аппараты, которые будут заряжать их смыслом и энергией, будут господствующим слоем. И они будут править очень жёстко теми, кого они сочтут полезными для себя в качестве услуги. Всех остальных они будут рассматривать как лишний биологический балласт, который можно будет изводить путём эпидемий, бомбёжек, травливания между собой, помещения в мировой концлагерь и прочее.

Мы вступаем в постлиберальную, антигуманную сферу тиранической диктатуры традиционалистов, которая будет намного жёстче, чем во времена Римской империи. Она, естественно, будет базироваться на информационном обществе, на умной экономике, потому что та самая услуга, которая будет сохранена этой правящей сверхэлитой, будет услугой из

умов, это будет обслуга из людей, которые способны решать интеллектуальные проблемы. Так, Эварист Галуа устраивает мозговой штурм перед дуэлью, в 20 лет решает знаменитое уравнение, затем решает великую теорему. Это будут именно такие люди. Они будут отобраны для того, чтобы обслуживать сверхэлиту, для того чтобы контролировать физический мир с его вызовами и проблемами, а то, что необходимо человечеству для жизни, будет создаваться с помощью новых технологий, тех же 3D-принтеров, которые позволят производить всё что угодно минимальным количеством низовых работников физического труда.

О. Д.: Хорошо. Я вполне себе представляю, что будет продолжаться та самая глобализация, о которой так много говорят, что международные корпорации будут захватывать новые рынки, а границы будут падать. И в итоге миром будет управлять довольно структурированная группа суперолигархов, или суперэлиты, которая с помощью информационных технологий и всевозможных инструментов будет дурить голову подавляющему большинству людей, развлекая их веселыми компьютерными играми или чем-то ещё.

Г. Д.: Может быть, даже для того, чтобы дурить голову, уже не будет никакой необходимости, потому что это будет другое пространство: заигрывание с массами с помощью хлеба и зрелищ. Дурить голову – это уже элемент демократии. Демократии не будет никакой. Нет необходимости вставать на корточки и сюсюкаться с низшими нишами. С ними разговор будет очень жёсткий. И это будет тот формат и те условия, на фоне которых появится будущий гегемон.

О. Д.: И гегемон появится в качестве бунтаря против этих условий.

Г. Д.: Да. В качестве жёсткой оппозиции, в качестве лидера тех масс, которые будут вынесены за скобки, за колючую проволоку, убраны из правил игры, из субъектности, из истории, из смыслов. И гегемон должен стать лидером протеста против всего этого. На вопрос, в каких условиях появится гегемон, мы отвечаем: это будут условия глобального общества новой тирании, нового рабовладения, где гегемон является не лидером в создании условий существования, а он является лидером в сопротивлении нечеловеческим условиям нового будущего порядка. Это ответ на первый вопрос.

Второй вопрос: какие цели будет преследовать этот будущий гегемон? Естественно, это цели, которые связаны с историей, с интерпретацией истории, и эта интерпретация может быть только эсхатологической и религиозной. Это не цель потребления. Это не цель присвоения продукта. И это даже не цель распределения по так называемой справедливости этого продукта. Это цель ограничения тирании, которая по мере успешности этого ограничения ведёт к эсхатологическому завершению времени. Мы касались этого в предыдущих беседах. Речь идёт о вмешательстве Бога в исторический процесс. Потому что Бог вмешивается только в тот исторический процесс, в котором хотя бы малая часть человечества проявила себя адекватно его замыслу.

О. Д.: Правильно ли я сейчас сформулирую: вы считаете, что будущий гегемон – это религиозный, как бы правильно сказать, субстрат, я даже не знаю...

Г. Д.: Метафизически мотивированный.

О. Д.: А, вот так, да?

Г. Д.: Да. Но при этом антижреческий. Потому что жречество является центром, сердцевиной и нервом того традиционалистского олигархического порядка, который будет глобальным. Тот, кто будет наверху, условно говоря – это Арктика нашего земного шара, – он будет своим стержнем, своим северным полюсом иметь именно жречество. Почему? Мы тоже этого касались в предыдущих беседах. Потому что в принципе у них тоже религиозная цель. Они будут встречать Антихриста. Это всё комитет по встрече Антихриста.

О. Д.: Это вы сегодняшнее жречество так называете?

Г. Д.: И сегодняшнее, и завтрашнее. Причём об этом говорится и в исламских, и в христианских источниках. И говорится о том, что, когда выйдет Зверь из бездны, ему покорятся

цари. Перед ним встанут на колени и покорятся ему цари, епископы. Все они будут его приветствовать. И это сегодня происходит на наших глазах. А будет происходить в ещё большей мере. Поэтому у них тоже религиозная цель. Кстати, Жак Аттали – банкир, который баловался философскими экскурсами, написал очень давно, где-то в 70-х годах, в книге «Линия горизонта». Там он делает выкладки на 2000 год, которые сегодня не вполне оправдались, но вектор тот самый, о котором мы говорим. Он указывает, что то, о чём он пишет, это безрадостная картина, внушающая крайний пессимизм, но какова же цель, каков же смысл? В чем нерв той негативной картины, которую он предрекает как будущее человечества? Дальше он пишет, что новая эпоха, приходящая на смену либеральному прагматизму, будет носить открыто религиозный характер. Но не тот религиозный характер, который бы устроил 90 % населения Земли.

О. Д.: Это будет в определённом смысле реформация. Как в своё время когда-то Лютер прибил свои тезисы на дверь соборов, заявив о том, что католическая церковь по сути себя исчерпала. Будет какая-то религиозная реформация, с другими, может быть...

Г. Д.: Приход олигархов на сакральной платформе. Это будет консервативная революция, которая восстанавливает традиционализм в его наиболее жёсткой форме, как имманентную духовность, принадлежащую избранным. Я бы так это сформулировал. То есть это будет имманентная духовность «здесь и теперь» в финальной манифестации, которой является именно Антихрист, которая принадлежит избранным в ущерб всему остальному человечеству. Это имманентный антигуманизм. Он всегда был присущ жрецам во все времена. Вспомним самоощущение и самосознание фараонов, кесарей, царей Вавилона и других, и мы увидим, что это был имманентный антигуманизм.

О. Д.: Гуманистами они действительно вряд ли были. Это не было вдали от их понимания.

Г. Д.: Они воспринимали себя как манифестацию Бытия с большой буквы, «здесь и теперь». Ведь, согласно Корану, фараон Египта говорил своему народу: я ваш верховный Господь, кроме меня никого нет. Он ставил себя на место Бога, при этом он подразумевал, конечно, что он не является богом вместо Озириса, к примеру, или вместо Анубиса, а он является воплощением этого, он является представителем этого, он является тем, что для вас представляется исключительным, и, пожалуйста, не думайте, что вы можете без меня пойти за правдой к Озирису, я – Озирис, кроме меня в качестве Озириса нет никого. То же самое касалось и кесарей. Эта вот форма возвращается. Форма правления, которая будет осложнена холодным термоядом, неограниченным избытком энергии, неограниченными возможностями в цифровой сфере, неограниченными возможностями создать любой артефакт через программирование и через контроль на наноуровне материи.

О. Д.: И ещё, видимо, у элиты грянет увеличение продолжительности жизни.

Г. Д.: Но продолжительность жизни всё равно имеет определённые границы, через которые нельзя перешагнуть, но, может, в определённых процентах это увеличение будет достигнуто. Но вопрос в другом: на что будет опираться гегемон, который этому будет противостоять? Сущность гегемона, который этому будет противостоять, может быть определена так: это будет коллективный герой. Подобно тому как во времена Античности и даже более архаичные времена до Античности существовали героические личности, подобные Одиссею, которые противостояли Року. Они противостояли в своем индивидуальном качестве бесконечной мощи времени, которое всё стирает. Которое поднимает и стирает, поднимает и стирает. Рок как абсолютно неуязвимая сила, которая убивает даже олимпийских богов, которая предполагает, что вызов ей бросать бесполезно. Это было до того времени, пока герой не получил доступ к монотоническому откровению, которое довело до него, что победа возможна, что Рок, на самом деле, вещь одолимая. И более того, что весь смысл экзистенции в возможности одолеть Рок. Но естественно, что этот «оптимизм» – не так просто решаемая

задача. Мы наблюдаем, как проходят столетия, проходят тысячелетия, а колесо времени по-прежнему стирает народы, стирает людей. Этот новый гегемон поднимется в качестве коллективного героя, который будет рассматривать Рок как глобальный мировой прядок, как глобальное общество, слившееся и переродившееся в систему. Система будет физически выполнять функцию Рока. Того Рока, который был очевиден для архаичных людей. Система будет выглядеть как система социальная, как глобальный социум, управляемый мировым правительством. Это и будет Рок.

О. Д.: Вот смотрите, Гейдар. Я когда сейчас слушал вас, я думал о том, что уже есть проявления появления будущего гегемона. Те же протесты, хакеры в сети, анонимусы, которые взламывают сайты СРУ и ФБР, выкладывают оттуда данные. Всякие движения неформалов, начиная от панков и заканчивая какими-нибудь религиозными сектами. Это ведь всё равно в некотором смысле протест против той глобальной элиты, которая сегодня руководит миром. А что это, если не протест?

Г. Д.: Это уже следующий слой проблемы. Это уже четвёртый вопрос или третий. В каком экономическом пространстве, над кем будет господствовать этот гегемон? Кого он будет вести, лидером кого он будет являться? Потому что понятно, что глобальное общество будет, исходя из того, что оно держит в руках узды неиндустриальной умной экономики, контролировать людей, которых оно отобрало к себе на службу. Создало условия для производства любого необходимого артефакта, любого необходимого предмета, которые воображение только может себе представить, включая космические аппараты. В этих условиях будет платформа для объективного устойчивого существования гегемона и тех, кого он ведёт. Я думаю, что это будет параллельная экономика. Потому что в таких условиях масса рабочих, инженеров, фермеров, торговцев, интеллектуалов будут просто выброшены из жизни. Они будут просто не нужны, а некоторые по идейным соображениям, даже будучи востребованы в новом порядке, пойдут к этому альтернативному полюсу, к этому альтернативному субъекту, который будет их лидером и защитником. Этот коллективный герой предоставит защиту огромному большинству людей, выведенному прочь из истории. Которые просто будут, с точки зрения...

О. Д.: Кстати, я с вами здесь соглашусь, потому что действительно с каждым годом меняются технологии, и в сельском хозяйстве уже не нужны люди, и в производстве не нужны люди. Просто физически они там не нужны, потому что работают компьютерные программы, работают новые машины. Недавно совсем я беседовал с одним сельхозпроизводителем, который рассказывал, что у нас трактора уже сами ездят по полю и пахут. В них есть соответствующие программы, а над ними летают дроны и передают им, куда ехать. Это у нас где-то здесь, на Брянщине, происходит.

Г. Д.: Но вот то, что вы описали, будет, скорее всего, контролироваться олигархией.

О. Д.: Да, естественно. Но я к чему это говорю, к тому, что люди физического труда, которые работали на земле, или за станками, или в офисах служили, они все будут не нужны. И эти люди окажутся за бортом истории, станут безработными, им придётся как-то выживать.

Г. Д.: Совершенно верно, и вот этот коллективный герой, он же гегемон, он будет их естественным защитником. И понятно, что в данном случае не хакеры, о которых вы говорили, будут составной частью этого гегемона. Они как раз будут под его защитой. Они будут его последователями. Но понятно, что главной функцией защиты окажется силовая функция. У олигархов будет естественная силовая защита потому, что без силы такое социальное преобразование не осуществишь. И после разгона государств главным инструментом станут частные военные компании (ЧВК), которые будут подчиняться непосредственно мировому правительству. Так вот, борьба против этих ЧВК, ограничение вездесущей олигархии станет постоянной функцией нового коллективного героя, нового гегемона. Это будет повсе-

дневное проявление борьбы с Роком – примерно как Одиссей стоял на вёслах посреди своей команды и двигался к своему возлюбленному острову. Это было его повседневным проявлением оппозиции Посейдону. Так что вот этот рисунок: в каком пространстве? лидером кого? во имя каких целей? и опираясь на что? Мне кажется, что этот коллективный герой будет состоять из людей, которые явятся ниоткуда. То есть они будут иметь специфические социальные, этнические, расовые привязки, но здесь тот самый новый интернационализм, о котором мы говорили в предыдущих беседах, будет чисто внешним. Можно сказать, экзотическим, некой фасадной плёнкой, за которой будет стоять эта сокровенная сущность миссии.

О. Д.: Но, по сути, если не будет государственных границ, то и нации будут размываться, и поэтому совершенно спокойно еврей с негром и каким-нибудь англосаксом будут объединяться и бороться против мировой элиты.

Г. Д.: Это уже кастовый вопрос. Потому что, конечно же, коллективный герой будет состоять из людей, способных принять на себя вызовы своему материальному и физическому существованию, бремя угроз личному бытию. Кроме того, их личная экзистенция будет базироваться на принципе самопожертвования. Это и есть определение пассионарности, даже по Гумилёву.

О. Д.: Гейдар, у нас осталось несколько минут до конца передачи, хочется всё-таки помечтать. Кто же победит в этой глобальной битве? Новый гегемон? Или удержится элита, мировая элита?

Г. Д.: Тут вопрос в следующем. С точки зрения традиционализма наше человечество является одним из бесчисленного ряда в числе прочих, уже исчезнувших, и вечное повторение является нормой для этого традиционалистского утверждения вечного бытия. Традиционалисты хотят подвести к итогу финала для нынешнего человечества, которое они перешагнут и войдут в будущее, в золотой век, будучи зерном следующего цикла. Для оппонентов, для нового гегемона, задача стоит так: победа над несправедливостью, смерть и воскресение для Суда. Потому что этот Суд имеет своим смыслом, собственно, определение прегрешения или, наоборот, заслуг пред Святым Духом, который для олигархической группы просто не существует как тема. Святым Духом, который был вложен в Адама. Когда Люциферу было предложено поклониться Адаму, он с негодованием это отверг, сказав, что Ты сделал меня из огня, то есть чистой примордиальной энергии, а его, Адама, Ты сделал из глины. Люцифер не знал, что в эту глиняную куклу был вложен Святой Дух, который ему был просто неизвестен. Поэтому здесь... Что такое Суд? Это Суд по поводу того, был ли ты против Святого Духа или за Святой Дух, пока у тебя была возможность быть за что-то. Но это касается только человечества, которое сделало максимум на этом пути служения, то есть где энергетический порыв достиг красной черты. Очевидно, что бесчисленные человечества прошли до нас, не достигнув этой красной черты, потому что иначе были бы созданы новая земля и новое небо, и праведники, которые служили этому Святому Духу, они бы были в Раю, и нас бы не было. Не было бы этого человечества, не было бы Ветхого повторяющегося бытия. Поэтому здесь эквивалентный вопрос: либо те, которые за Святой Дух, проигрывают, либо выигрывают. А всё зависит от того, есть ли критическая масса коллективного героя внутри нынешнего человечества. Если она есть, тогда есть шанс. Но ведь коллективный герой состоит из пассионариев, объединивших в себе в гармоническом сочетании пассионарность ума и пассионарность тела. Об этом мы тоже говорили в прошлом. Поэтому выигрываем мы или проигрываем – это вопрос, ответ на который уже не зависит от нас, это уже вопрос провидения. Тем не менее надо двигаться по этому пути, и, как говорит традиция, «делай что можешь, а Всевышний решит за тебя, каков будет итог».

О. Д.: Да. Очень интересная тема нашего будущего. Спасибо за этот разговор. Есть о чём подумать: что нас всех ждёт, наших детей, внуков, и как всё повернется?

...Сегодня мы говорили о будущем гегемоне – кто же придёт на смену того самого пролетария. Как его будут называть – мы, правда, не знаем, но уже ждём его и говорим о нём.

Это политическое общество основано на диктатуре касты героев. Суть этого небывалого статуса в том, что искра причастности к бытию после отторжения от него становится искрой антибытия, искрой Духа. Религиозное монотеистическое откровение обращено в первую очередь к ним, воинам. Потому что в них есть эта субстанция, которая позволяет услышать послание из бездны.

Глава 11

Возможна ли свобода?

(Часть 1)

Есть свобода воли, а свободы нет! Я могу пожелать чего бы то ни было, но это не значит, что моё желание каким-то образом исполнится. Есть ли свобода у яблока, падающего на лысину Ньютона? А ведь это яблоко в процессе своего падения вспоминает, что его сорвала Ева и ел Адам в доказательство того, что его воля свободна. Яблоко закрывает глаза и проливает слезу, но его встреча с лысиной учёного неизбежна.

Конечно, когда мы говорим о свободе, надо определить, кто тут раб, а кто господин, кто свободен и кто несвободен. Банальное представление о свободе как праве на выбор специально идиотизирует всю проблему. Тема свободы исчезает в механических комбинациях, развилках при выборе решений и тому подобной бессмыслице. Кроме того, любой выбор, который делается не с помощью подкидывания монетки, так или иначе навязан извне: прежде всего своим бессознательным. Но подкидывание монетки окончательно лишает такую свободу всякого смысла. Вот почему это столь популярный жест в западных фильмах. Он должен символизировать абсурд существования, абсурд мира. Это полная девальвация свободы.

А ведь это понятие заряжено волей к смыслу, к обретению безусловной и непоколебимой подлинности. Идея свободы тесно переплетается с жаждой порога, с ожиданием встречи с пределом... чтобы перешагнуть через него. Но такая свобода, о которой неартикулированно мечтают неграмотные рабы, конечно же, не имеет отношения к экономике и правам человека.

Мы приходим к тому, что отправной точкой в поиске свободы является состояние рабства. Абсолютной несвободы. Тогда оказывается, что при взгляде на большой социум мы не обнаруживаем там бенефициаров. Берём подсовываемых нам банкиров-ростовщиков, «кровососов». Ну и что? Они не бенефициары массового рабства. Деньги, которые идут через них, не они создали и выпускают. Тогда, может, те, кто выпускает деньги, оказываются бенефициарами? И тут нет. Они могут напечатать раскрашенные бумажки, но сила этих бумажек основана на глубоком внутреннем рабстве тех, кто ими пользуется. Внешним признаком этого рабства является явное доверие к деньгам, убеждённость, что в этих деньгах сосчитана реальная ценность.

Бенефициарами не оказываются ни организаторы либерального пространства, ни обустроившиеся в этом пространстве представители старых господствующих классов, которых либералам удалось отжать на второе место.

Что же это за общество такое, где нет видимого бенефициара? Нет того, кто в личном плане ест субстанцию социума, как яблоко. Нет оступившегося и согрешившего Адама.

А что есть? Есть только рабы. Рабы, зорко подсматривающие друг за другом. Рысый глаз обитателя бидонвиля оценивает владельца джакузи в двухэтажных апартаментах, прежде чем направить в какую-то точку на его теле беспощадную финку. Но обладатель рысёго глаза ошибается. Джакузи – не указание на то, что её обладатель – господин. И всё-всё, что люди имеют или могут иметь по мере карьерного успеха: акции, офшоры, министерские кресла, частные бизнес-джететы... всё это не показатель свободы или принадлежности к классу господ. Все, кто стоят наверху, это просто мытари, взыскивающие

жизненные соки с тех, кто внизу. Но мытари (по-современному коллекторы) – это такие же рабы, как и объекты их поборов. Главным видимым коллектором является первое лицо государства. Но от внимания населения ускользает его «мытарский» статус.

Получается, что все индивидуальные фигуры, которые родились и умрут в современном обществе, – это рабы. Тогда «господами» являются не аракчеевы и юсуповы, а социальные институты, которые свободны от физиологических процессов и закономерностей. Но и социальные институты могут быть закрыты простым распоряжением главного мытаря. Из этого следует, что финальным господином и, соответственно, окончательным бенефициаром является общество как таковое – не зависящее от людей, от физических персон, а также от их продукта, будь то материальные блага или же разные организационные формы. Общество – единственный сверхчеловеческий окончательный господин. Все физические персоны – рабы. Но мы должны помнить, что социум как внечеловеческий фактор – коллективный фараон – есть проекция Великого Существа (Иблиса) на Землю. То есть, в конечном счёте, это Великое Существо является окончательным хозяином, для людей же оно как бытие воплощается в социуме, как в Джаггернауте, беспощадной машине, заменившей архаичное понятие о роке. Общество – это судьба.

Итак, вернёмся к главному вопросу: возможна ли свобода? Борьба за эту свободу – возможна! Более того, это императив. Что касается самой свободы как приза в этой борьбе – то нет, она невозможна.

О. Д.: Сегодня у нас очередной разговор на интересную тему – тему свободы.

Г. Д.: «Возможна ли свобода?»

О. Д.: «Возможна ли свобода?» и «Что такое свобода?». Давайте попробуем на эту тему поdiscутировать.

Г. Д.: Мы знаем, что свобода – это одно из самых фундаментальных понятий. Вокруг этого понятия выстроена масса теорий, масса концепций, где свобода является опорным, стержневым понятием, на котором строится ВСЁ. Либерализм, естественно. Но и не только либерализм. Если взять религиозные доктрины, то, например, свобода воли – это один из коренных принципов христианского богословия, который встраивает в свою систему человека как некую особую тварь, творение, обладающее тем потенциалом, которым никто другой из сущего не обладает.

О. Д.: Извините, а действительно ли в религии есть свобода? В чём она заключается? Ведь человек должен подчиняться заповедям, форме подачи.

Г. Д.: Мы до этого дойдём. Согласно теологической христианской норме, человек имеет свободу подчиняться или не подчиняться. То есть это опять же свобода выбора. Получается, и здесь свобода является решающим понятием. Но мне кажется, что, прежде чем углубляться в частные ответвления этих разработок, имеет смысл посмотреть на фундаментальную свободу, на эту фундаментальную категорию, которая нуждается в определении, и понять, что же такое «несвобода» прежде всего. То есть свобода – это противостояние несвободе, которая более первична, на мой взгляд. Очевидно, что человек рождается несвободным, потому что, когда он родился, когда он питит в колыбели, то у него, во-первых, выбора нет никакого.

О. Д.: Он и сделать ничего не может.

Г. Д.: Да. Он не мог не родиться, например. Дети, агрессивно вступающие в конфликт с родителями, говорят: «А я что, просил вас меня родить?» Это первое. Он питит в колыбели, он несвободен. Это раз. Второе – он обладает телом. Понятно, что есть физические законы, которые сразу на него начинают действовать: тяготение и физиология. Третий момент – он

рождается в определённой матрице. Родается, допустим, в нищей Африке в племени тутси, или он рождается в Москве в интеллигентной семье среднего класса...

О. Д.: Но вокруг него есть нормы и правила, которые он обязан соблюдать.

Г. Д.: Да. Которые сразу, так сказать, начинают его обрабатывать. Несвобода первична. Чтобы понять, что такое свобода, нужно всё-таки посмотреть, а что же такое несвобода. Я считаю, что несвобода представлена тремя уровнями.

Первая несвобода предстаёт перед человеческим существом в форме рока. Что это такое? Это, очевидно, время. То есть наиболее архаическая древняя концепция Рока. В Коране Всевышний говорит от имени бедуинов, «как бы» говорящих, «как бы» спорящих с Пророком. Они говорят: «Что ты нам тут рассказываешь? Мы же знаем, как устроена реальность: мы живём, и мы умираем, и убивает нас только время». Но это фундаментальная категория, знакомая всем архаичным язычникам.

О. Д.: Я напомним ещё древнегреческие трагедии, где герой борется с роком, с неизбежным Хроносом-временем.

Г. Д.: Да. Тут мы как бы приходим к узлу – главному узлу. Но есть ещё фундаментальное понятие. Мы его затрагивали как-то в предыдущих беседах. Это то, что в зороастрийской, зерванистской традиции называется «фаляк», то есть небо. А что такое «небо»? Это колесо. Чарк-и-фаляк – это небесное колесо, которое вращается по кругу. Оно снимает и возрождает, снимает и возрождает. Чарк-и-фаляк. Кстати, понятие, часто используемое Омаром Хайямом не в переводах Липкина, а в реальных рубаятах. Это фундаментальная, метафизическая категория.

Зерван – это время. То есть «Зерван» как древнейшее название божественной протореальности у зороастрийцев – то самое, что в Коране бедуины, ссылаясь на время, называют «Дахр». То есть рок. Время как рок. Это Зерван. Это самое широкое, самое объёмное и самое древнее представление о несвободе. То есть не кончиться ты не можешь. Ты возник, и ты кончишься. Это чарк-и-фаляк.

О. Д.: Ты всё равно будешь подчинен року, да?

Г. Д.: Ты уже обречён. Тут категория «doomed» – «обречён». То есть это первичная, органическая категория.

Вторая несвобода – понятие, близкое року, но это не рок. Это судьба. Говорят же, что география – это судьба. Родители – это судьба. То есть это некие предпосылки, которые определяют. Яблоко сорвалось и упало Ньютону на голову – он понял закон тяготения. Для яблока закон тяготения – это не рок. Рок – это то, что этого яблока не будет. А то, что, сорвавшись, оно упало на лысину Ньютону, – это, конечно, судьба. Это закон тяготения, который является условием. Это судьба.

И третий уровень. Я бы сказал, что это некий детерминизм. Можно, конечно, сказать, что яблоко детерминировано законом тяготения, но здесь я имею в виду немного другой аспект. Свобода выбора – когда человек думает, что у него есть свобода выбора, а у него никакой такой свободы нет. Он мотивируется вполне просчитываемыми изначально заданными импульсами: голодом, сексом, жадностью, всякими страстями...

О. Д.: Понятно. Та свобода, о которой он думает, – это обманка.

Г. Д.: Да. То есть он смотрит на витрины, хочет купить, глаза его разбегаются...

О. Д.: То есть я могу купить мороженое шоколадное, а могу ванильное – вот и вся свобода.

Г. Д.: Да. Если мы пойдём дальше, то в этом смысле мы увидим несвободу как детерминированность внутренними обстоятельствами. Такая экзистенциальная, психологическая несвобода. Это наиболее «внешняя» несвобода. Если рок как обречённость – это несвобода в начале начал, то третья несвобода – проявляется на уровне уже развитого, сформировавшегося существа. Это уже развитая, конечная стадия.

Если мы поняли, что несвобода – это перечисленные выше три принципа, то встаёт вопрос, как связать эти три принципа в нечто общее, как нам понять, откуда эта несвобода берётся. Если обобщить несвободу в каком-то всеохватывающем понятии, то это юдоль.

О. Д.: Скорби?

Г. Д.: Юдоль человеческая. Юдоль – это церковно-славянская форма «доли», того, что «досталось на долю», того, что «тебе выпало». В более широком смысле это то, «куда ты брошен» для того, чтобы оказаться один на один с несвободой. Ты присутствуешь в некоей площадке, в некоем пространстве, где ты абсолютно связан, где твоя экзистенция – это экзистенция отражения в зеркале. И тут мы подходим к ключевому вопросу. Если мы задумаемся над тем, образ ЧЕГО даёт нам наиболее глубокое впечатление о несвободе, то это будет именно отражение в зеркале. Есть у великого австрийского писателя Майринка в его «Ангеле западного окна» прекрасная сцена. Джон Ди – известный астролог, оккультист, который с английской королевой Елизаветой очень круто работал в качестве советника (а вообще он был политический авантюрист и оккультный интеллектуал своего времени, очень много пил и проводил время во всяких кутежах); и вот, возвращаясь к себе домой в особняк с трагическим чувством отвращения к себе, он входил в холл, видел себя в зеркале и начинал избивать своё отражение. И избивал он своё отражение не просто потому, что он ненавидел себя, мерзкого и пьяного, потерявшего время на какой-то бессмысленный кутёж, но он хотел, чтобы отражение от боли сделало какой-то жест, который не совпадает с его движением. То есть чтобы оно эмансипировалось, чтобы оно продемонстрировало ему возможность вырваться из этого зеркального плена, в котором оно заморожено, погружено. Он бил его и кричал: «Сделай хотя бы что-нибудь, чего я не делаю!» Но потом, устав, бросал хлыст и уходил спать бессмысленным, пьяным сном.

Но этот гениальный образ избивания отражения связан с концепцией Великого Существа и его отражением в зеркалах миров. Потому что есть Бытие (с большой буквы) как Великое Существо, которое в разных традициях называется Денницей, Люцифером, Иблисом.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что для человека несвобода – это в основном продукт окружающего его мира, социума, его собственного отражения? То есть всё, что вокруг тебя, и делает тебя несвободным?

Г. Д.: Первичное – это то, что человек является отражением оригинала. А оригинал – это Великое Существо. В Библии есть идеи, что человек создан «по образу и подобию». Мусульмане считают, что это добавленные Вавилоном идеи в уже переписанную Библию. С точки зрения монотеизма никакого образа и подобия у истинного Бога быть не может.

О. Д.: Ну, он нематериален...

Г. Д.: Да. Он не только нематериален, но не имеет и идеального содержания, которое всё равно является представимым, интеллигибельным, а этого быть не может. Но человек является действительно созданным по образу и подобию Первосущества, которое потом взбунтовалось.

О. Д.: То есть человек – подобие Люцифера, или дьявола, проще говоря?

Г. Д.: Конечно. Потому что альфа в онтологической лестнице творения – это и есть то любимое существо – и об этом тоже говорит традиция, что это было первое существо, которое было создано и которое было любимым в акте творения. Это уже потом возник такой раскол, когда возник спор между альфа-творением и Творцом, когда Творец потребовал от него поклониться Адаму, отнюдь не первому элементу в этом творении, и тот сослался на свою первичность. Это отражено и в Коране: «Ты создал меня из огня, а его из глины». Это неповиновение стало базой Вселенской драмы – Глобальной Метафизической Драмы.

Но тем не менее, согласно Корану, опять-таки этот Иблис, Первосущество, говорит своему Творцу, что «я этого Человека, на которого ты делаешь такую ставку, собою с Твоего пути. Вопросы нет». И возникает спор, когда Творец говорит: «Ну, попробуй. Я тебе оставляю

время для попыток до Судного дня». Он говорит: «Я буду заходить на него слева, справа, спереди, сзади, и я его собою с дороги». Справа, слева, спереди и сзади, собственно говоря, образуют плоскость...

О. Д.: Несвободы, видимо...

Г. Д.: Образуют плоскость мира. Образуют плоскость того мира, в котором человек просто является его отражением. То есть человек является отражением Первосущества – Великого Существа, Люцифера, Денницы. Довольно мутным отражением, довольно опосредованным отражением, и между ними существует такая же связь, как между реальным отражением в зеркале и оригиналом. То есть оригинал поднимает руку, и отражение поднимает руку. Все остальные аспекты, которых мы касались, – архаического рока как уничтожения и обречённости; судьбы как подверженности обстоятельствам проявления; и, третье, внутренней детерминированности выбора – всё это как бы проявления фундаментальной первой несвободы.

Теперь, когда мы поняли, что несвобода есть отношения оригинала и отражения, а плюс к этому ещё вне этой пары, вне этой поляризации существуют точки непознаваемого – это Творец, который не входит в эту ось общения между оригиналом и отражением (Он является чем-то вынесенным за эти скобки), тогда мы можем приступить к анализу понятия «свободы».

Прежде всего, если человек – это просто отражение, размещённое на некоей зеркальной плоскости, откуда вообще берётся концепт «неповиновения, выхода за рамки, бросания вызова», свободы в каком бы то ни было смысле?

Герои бросают вызов року. И Одиссей, и Ахилл, и Геракл – все они прекрасно понимали, что, потрясая копьём, мечом, щитом, глядя вверх и говоря, что «я наследник богов, и я бросаю вызов вечному времени» – они бросают свой вызов, как мышь, вставшая перед бульдозером. Это бессмысленно. Тем более что они прекрасно знали, что и олимпийские боги стираются этим роком. И они уничтожимы.

О. Д.: Да. Кстати, в греческой мифологии достаточно подробно прописано, как одни боги уничтожали других, свергли титанов и так далее...

Г. Д.: «Рагнерёк», «Сумерки богов» и так далее. Есть чистое уничтожение, их зачистка. И есть циклические обновления. То есть это чарк-и-фаляк, который универсален, в том числе и для греков. Тем не менее они всё равно бросали вызов, потому что для них не бросить вызов было невозможно, потому что это был смысл их «здесь и теперь и вот сию секунду». Либо они являются мёртвыми объектами уже сейчас без этого вызова, либо они субъекты, и они подлинно живы в момент вызова.

Почему? Если они – отражение, то почему? Что их заставляет?

На этот вопрос ответ только один. Они являются носителями в той или иной степени того, что в принципе не содержится в Первосуществе, то есть в принципе не отражено в зеркале, не проявлено в этой плоскости; потому что этого нет в оригинале. И действительно – почему, собственно, Творец требует от Иблиса поклониться Адаму? Потому что прежде, чем пробудить Адама как глиняную куклу, Он вкладывает в него от Своего Духа. Уже потом пробуждает и говорит Иблису: «Поклонись!» Тот-то думает, что перед ним оживлённая глиняная кукла, он говорит: «Он из глины», но он не знает, что у него в сердце, внутри, есть непостижимая точка, представляющая собой искру Божьего Духа, Святого Духа.

О. Д.: Соответственно, это, видимо, и есть то самое подобие – «по образу и подобию».

Г. Д.: Это не подобие. Образ и подобие предполагает форму. А эта точка есть антитеза любой форме, любой аналогии, это именно то, о чем Первосущество, охватывающее собой ВСЁ (Первосущество – это концепция всего, оно является моделью для всего)...

О. Д.: Позвольте, я отгадаю, что это за точка. Действительно, если мы берём концепцию монотеистической религии – сначала был падший ангел, он же дьявол, он же Люцифер,

Иблис и так далее – и Человек. И, может быть, у Человека эта точка – эта жажда и любовь к творению, к творчеству, к созиданию? Отгадал?

Г. Д.: Нет. Эта точка есть просто сознание. Сознание как антитеза бытию. Свидетельствование. Всё, что есть, включая Первосущество (великое Первосущество), всё, что есть, – это объект. А эта точка – сознание – есть принцип субъектности. Потому что принцип субъектности – это полярность любому существу.

На самом деле, всё, что мы видим вокруг, всё, о чём мы свидетельствуем, – мы это видим, свидетельствуем и понимаем только потому, что мы не являемся вещью среди вещей. Мы не тождественны ничему из того, что нас окружает. Только мы. Собака, виляющая хвостом, которая бы здесь сидела, – одна из этих вещей. Она не понимает, что она собака, что вокруг эти вещи. Она вброшена в гештальт. Вброшена в лучшем случае как живое существо, в котором идёт нарушение второго закона термодинамики, она заперта в свою экоструктуру, эконишу, и она действует в режиме «запрос-ответ».

Мы способны абстрактно воспринять всё: звёзды, эти стены, собеседников, – потому что мы – ничто из этого. Каждый из нас – ничто из этого. Это точка прокола в сущем. А Первосущество об этом не знает ничего, потому что в него ничего такого не вложено. Оно – гомогенно ВСЁ. Как лист бумаги, в котором нет ни малейшего штриха, прокола, дырки. Сплошной лист бумаги, который никогда не кончается. А мы рисуночек, в котором есть дырка.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что человек может вырваться из системы или круга аксиом и неких правил и через них как-то выйти на следующий уровень? Допустим, бросить вызов существу миру, поставив на кон свою жизнь, например?

Г. Д.: Да. Потому что у него есть нечто, не совпадающее ни с чем, что является онтологической или, лучше сказать, контронтологической базой свободы.

О. Д.: То есть тот самый человек, наш древний пращур, который поднялся на вершину скалы и из каких-то своих соображений решил покончить жизнь самоубийством и бросился с этой скалы. То есть он поставил на кон свою жизнь, принял самостоятельное решение со своей жизнью покончить. В этом и есть свобода?

Г. Д.: Тут трудно сказать, о каком именно пращуре мы говорим, потому что если мы говорим о людях совсем глубокой древности, людях золотого века, то они были подобны полностью Великому Существо, потому что к ним ещё не пришёл Адам. То есть к первочеловеку ещё не пришёл Адам. Бегали люди, которые находились в абсолютном гармоническом тождестве с Вселенной. Как младенец в утробе матери, он ещё не пережил разделения на «Я» и «Не-Я». И он находится, как выразился Фрейд, в состоянии «океанического блаженства». Для него свобода и несвобода совпадают в чистом благе. Он не свободен в утробе матери, но эта несвобода не является бременем, потому что она является блаженством, потому что он там защищён, потому что он там не переживает никаких разделений, никакой оппозиции себя с чем-то. Свобода и несвобода сомкнуты в благе как в простом утверждении. Так было у людей золотого века.

Потом к людям золотого века приходит Адам, в котором есть эта искра, а в них-то нет. В них эту искру никто не вкладывал. Вложили в глиняную куклу Адама. И дали ему язык, потому что Творец научил его языку, и язык имеет Божественное происхождение. И Адам приходит. Не будем пускаться вглубь чисто теологической историографии – там Адам и Ева, их потомство и так далее, но так или иначе, он даёт этот язык вот этому человечеству. И после этого, овладев языком в значительной степени насильственно, то есть принуждённые заговорить, они как бы рождаются.

То есть ребёнок появился из утробы на жёсткий холодный ветер. Крики, яркие цвета – всё, что раздрающе действует на его пять органов чувств после появления на свет из утробы матери. И язык является этим актом рождения. Сразу на ребёнка обрушивается дождь, солнце его жжёт, холод его морозит и так далее. Мгновенно кончается комфорт и

возникает «Я» и «Не-Я», и язык является принципом разделения. В языке заложено отражение этой точки, которая реально есть в Адаме, а виртуально во всех, кто приобщился к языку. И всякий, носящий язык, говорящий языком, даже не будучи потомком Адама, а просто условно являясь его потомком, приобщившись к нему через язык, является потенциальным требователем свободы. Язык является базой свободы.

О. Д.: Позвольте, я уточню. Если я правильно помню начало всех монотеистических религий, всё-таки Адам был первым существом, а вы упомянули неких людей золотого века, которые были до него. Нет ли тут какого-то расхождения?

Г. Д.: Обычно говорится «первочеловек». Он был первочеловек, именно как Человек. И от него происходит, естественно, некое потомство. Не будем детализировать, каким образом это потомство возникает через Адама и Еву. Потому что есть люди, которые иллюзорно полагают, что всё человечество – это потомки этой первой пары.

О. Д.: Если я помню, там была ещё некая Лилит, которая появилась на какой-то небольшой промежуток времени...

Г. Д.: Это факультативные добавления вавилонского типа, которые не являются официальными. Есть Адам и Ева, их потомство, которое рождается, – естественно, что они не могли бы воспроизводиться внутри себя. Есть, правда, домыслы, что они должны были дожидаться второго поколения родившихся, чтобы потом жениться между собой, но это уже от безвыходности, потому что сама презумпция того, что Адам и Ева – это первая пара, от которой все, – тупиковая.

На самом деле, они оказываются среди протолюдей, или людей золотого века, которые не являются людьми в истинном смысле этого слова, то есть не являются адамитами, носителями искры Святого Духа. Это обладающие невероятными оккультными способностями, телепатией, такие животные человекообразные, но без языка... И на них обрушивается силовым образом откровение языка. Они телепатически воспринимают это учение, как ребёнок. Как ему мать может дать язык? Он же не имеет словарей, ему не к чему апеллировать, не с чем сравнивать. Он воспринимает то, что ему говорит мать, и воспринимает слова и запоминает их, потому что он телепатически улавливает смысл. Уже к двум-трём годам этот телепатический момент проходит. Он является уже остаточным. А те люди, протолюди, были в непосредственной коллективной коммуникации, как пчёлы. И благодаря этой телепатии они усваивают смыслы, потом становятся их носителями.

Но для них это катастрофа. Они превращаются в людей, но превращение в людей – это травма. Это исход из Рая. Это катастрофа. И когда нам говорят, что кроме первой пары других людей не было, то, во-первых, это очень упрощённое представление, которое в ходу у совсем низовых представителей религии, берущих крайне упрощённую периферийную версию религиозной истории в виде мифа. Есть гораздо более сложное, более глубокое, более аутентичное понимание этой истории не в форме, скажем, условного мифа, который преподаётся в школе в Законе Божиим, а на уровне, скажем, масонского предания. Оно нам говорит, что там были люди как протозаготовки и был Адам как первый пророк.

В Исламе он официально называется «первый пророк». Тут есть специфика. Дело в том, что в Исламе пророк – это расул, посланник. В русском языке «пророк» связан с «речением»: пророк – это тот, кто речёт. А в арабском языке расул – это послание, от слова «посланный». А к кому может быть послан посланник, если никого нет, кроме него? Он приходит на Землю, а она, допустим, без людей...

О. Д.: Ну, да, понятно. Видимо, кто-то был – я понимаю, к чему вы ведёте.

Г. Д.: Да. Но когда ты говоришь с людьми: «К кому послан посланник?» Они говорят: «Ну, наверное, к своим последующим детям». Но это уже от безвыходности, потому что есть привычка думать вот таким штампом, что Адам был единственным. На самом деле, нет, конечно.

О. Д.: Хорошо. Правильно ли я понимаю, что в первого Человека Адама и было заложено в качестве этой самой точки, или искры, стремление к свободе?

Г. Д.: Да. Но как её реализовать? Понятно, что Адам несёт эту возможность. Она у него реальна, потому что она вложена Творцом. У других через язык она виртуальна – то есть у них есть выбор присоединиться и пойти за Адамом. И тогда они должны в принципе встать в оппозицию бытию. Они должны встать в оппозицию Великому Существо, простой копией которого здесь, в этом мире, они, как в зеркале, являются. Бросить этому вызов.

В конце концов, мир – это боль, как та, которую причинял Джон Ди своему отражению – бил хлыстом, надеясь, что отражение поднимет руку в несинхроне. И вот здесь, в этом мире предложено, опираясь на виртуальную возможность, содержащуюся в языке и в причастности к человеческому, отвечая на эту боль, сделать некий жест, который не запрограммирован в Великом Существо, то есть в великом всём, образом которого является микрокосм.

О. Д.: Соответственно, наследник Адама – человек с Божьей искрой – может поставить на кон свою жизнь и захватить полмира, как это сделал, например, Чингисхан, или Наполеон, или кто-то ещё... Александр Македонский. Правильно я понимаю некую логику? Если ты внутри себя чувствуешь эту искру свободы, ты имеешь право покорить народы?

Г. Д.: Подобные действия могут быть совершенно разные по смыслу. Действительно, Македонский, мне так кажется, руководствовался этой искрой...

О. Д.: Он вообще считал себя сыном бога, если я не ошибаюсь, или просто богом, в каком-то смысле.

Г. Д.: То есть бросал вызов року. Вот говорят – «это язычник». Сегодня монотеисты говорят: «Мы считаем, что Зулькарнайн в Коране – это не Македонский в истории, потому что Зулькарнайн – это позитивная фигура в коранической истории, а Македонский – это полный гад». Почему же он полный гад? «Ну, вот, он там считал себя богом и так далее. Это гнусное язычество».

Подождите-подождите!!! Контекст тут совершенно другой. Когда он считал себя богом в том контексте, это означало не более чем то, что он считает себя героем и бросает вызов року. То есть это не более чем традиция отрицания «чарки-фаляк», этого Зервана, этого дахра. То есть это как раз протомонотеизм. Потому что в устах Македонского, прошедшего школу Аристотеля (за которым стоял Платон, а за Платоном Сократ), бог – это технический термин, который обозначает его свободу, его право на свободу.

Что касается Чингиза, то это прямо противоположная вещь. Да. Он завоеватель. Но ведь Джон Ди, допустим, поднимает руку, и он добивается, чтобы отражение опустило руку. Движение-то похожее, но оно смысл имеет другой. Чингис имеет задачу уничтожить эту искру. Он выступает как душитель свободы.

О. Д.: Вот как?

Г. Д.: Конечно. Чингисхан, Яса, то есть закон Чингисхана, Орда – это всё подавление свободы.

О. Д.: Упорядочивание хаоса, может быть, все-таки?

Г. Д.: Я извиняюсь, до Чингисхана там не было хаоса. Он снёс Бухару, Самарканд, снёс великолепные города, исламскую цивилизацию. Пришёл в Багдад...

Это просто дикие монголы, которые были на сто ступеней ниже. Он Китай завоевал. На сотню ступеней ниже тех цивилизаций... Он пришёл, всё снес, дал Ясу, сказал: «Ребята, живите спокойно под этой Ясой». Проблема в чём? Он преследовал ислам и поддерживал жрецов. Всюду, где были жрецы, то есть священники, священническая каста, они получали мандат на благополучие и деятельность. А суть, внутренний нерв ислама Чингисхан преследовал очень жестоко. Конфуцианство он поддержал, поддержал православную иерархию.

О. Д.: Я помню, как Лев Николаевич Гумилёв в своей концепции пассионарности довольно много писал о монголах – людях длинной воли, и о том, что все эти монгольские

орды дошли до предела, чтобы завоевать всю территорию и весь мир. В моем представлении, это была некая свобода. Сила внутренняя людей... Представим себе, что они где-то кочевали со своими лошадьми, баранами... Вдруг кто-то их объединил, и они все поскакали так далеко. Если представить реки Орхон и Керулен, между которыми они как раз и кочевали, и то, что они доскакали почти до Ла-Манша... То есть территориально они ускакали так далеко, что практически краёв не видно.

Г. Д.: Не совсем до Ла-Манша. Они свернули к Адриатическому морю.

О. Д.: Ну, не совсем. Они захватили территорию современного Израиля, Китай, Индию... Венгрию... То есть территориально они ускакали так далеко, что и краёв-то не видно, куда они ускакали. Это прообраз сегодняшней Евразии.

Г. Д.: Практически от Японии до Югославии.

О. Д.: Я понимаю, что в тот момент общее невежество, скорее, говорило этим людям скакавшим, что в любой момент может быть обрыв, а после него край земли, и ты туда просто провалишься.

Г. Д.: Во-первых, прежде всего, конечно же, они взяли Китай. А взяв Китай, они использовали всё, что Китай знал, а Китай очень много знал о тогдашнем мире. Во-вторых, эти люди были далеко не так невежественны. Это не простые невежественные степняки были. Там было несколько столетий очень сложной подготовки к жёсткой силовой работе с миром. Я напомним, что Аттила происходит оттуда. Аттила – это у нас V век, да?

О. Д.: Да. V–VI век.

Г. Д.: Где-то семь веков как минимум – это масштабная работа степных кочевников с большим миром. Но если говорить о Чингисхане, то тут была поразительная смычка по парадигме действия с Римом, потому что Рим, который завоёвывал весь мир вокруг (начиная с Греции), был невероятно проще, невероятно грубее, чем то пространство, которое он брал за бороду. Кстати, бороду он рассматривал признаком варварства. Поэтому «barbaros» – это от «бороды». Бородатый – значит поклоняющийся каким-то своим туземным божествам, родоплеменной, а у нас граждане – универсальный суперполис.

При этом всё это было очень примитивно. Для них эллины были недостижимыми учителями. Лучшее из того, что они достигли, – это Эпикур, «О природе вещей». И то это материалистическое произведение. Маркс и Энгельс очень его любили именно за это, но это вульгарная очень вещь.

О. Д.: Но римляне всегда себя считали наследниками древних греков...

Г. Д.: Но при этом они были по отношению к грекам таковы, как, допустим, марксизм-ленинизм к казармам. Есть большой труд «Капитал», а есть, там, политкомиссар, который проводит с солдатами политинформацию. Примерно такое же соотношение.

Так вот, я хочу сказать, что Чингисхан в этом смысле очень похож на Рим: это дисциплина, это know how, где во главе угла всегда know how – почему они и били всех. Они били гигантские рыцарские армии, они били княжеские армии, они били огромную китайскую армию, потому что у них было know how, колоссальная дисциплина. Никаких внутренних вопросов, никакого экзистенциального сомнения, ничего такого... и в принципе римская идея – создать пространство дисциплины, в котором закон Яса является началом и концом, альфой и омегой всякого существования. Это в принципе подчинение человека Великому Существо.

Не всякий закон является подчинением человека Великому Существо. Есть шариат. Идея шариата как божественного Откровения – это рассогласование отражения своих движений с движениями Великого Существа.

О. Д.: Вот как.

Г. Д.: В том-то и дело. Потому что Яса – придумана Чингисханом, и самое главное, чего нет в этой Ясе, – в ней нет идеи смысла. В ней есть идея некоей справедливости горизонтального плана.

О. Д.: Практической пользы...

Г. Д.: Да, то есть «город взят, и на три дня пей, гуляй да пьян», как писал Багрицкий.

О. Д.: Чингисхану приписывались некие благородные концепции существования его империи. Не знаю, насколько это правда.

Г. Д.: Сейчас у нас есть идеологи, которые крайне рекламируют...

О. Д.: Но ему принадлежала фраза «Я хочу, чтобы от границы до границы моей империи красивая девушка с золотым подносом на голове могла пройти спокойно и безбоязненно».

Г. Д.: Возможно, это и правда, но у него же есть ещё и закон тележной оси. Знаете, да?

О. Д.: Да. Отрезать голову мальчику, если он стал выше ростом этой оси.

Г. Д.: Да. В завоёванных племенах всё мужское население должно быть зачищено.

О. Д.: Итак, вернёмся к свободе. К той самой, может быть, экзистенциальной свободе – человек один против всего мира.

Г. Д.: Человек один против всего мира – это одинокий герой. А в одной из передач мы коснулись темы «коллективный герой». С какого-то момента одинокий герой получает весть, что его бунт против «чарк-и-фаляк», против колеса времени не так уж безнадежен. Что в этом дуализме, который совершенно безнадежен, заперт замком, в дуализме оригинала и отражения, есть третий момент – источник искры в Адаме. Есть непостижимый субъект, который находится вне бытия, вне сущего, вне интеллигибельности. Но который присутствует в твари, в этом отражающемся в качестве точки нетождества, которая есть рассогласование оригинала с отражением. Эта точка нетождества есть сознание, свидетельствование, принцип свидетельствования. И здесь мы обнаруживаем, что весь исторический процесс, всё, чему нас учит цивилизация, все правила игры есть не что иное, как подавление этой точки, принуждение человека забыть о ней. Вообще перевести её в формат подчинения бытию и правилам игры и в конечном счёте Великому Существо.

О. Д.: Да, всячески зарегламентировать этого самого человека. Понимаю.

Г. Д.: То есть язык функционирует в современном человечестве не в том аспекте, как он был привнесён Адамом, в качестве средства мысли, а в компромиссном, искажённом, как средство коммуникации. То есть это некий компромисс между этим посылом, связанным с сознанием, и бытием, в котором, на самом деле, заложен принцип мудрости – то, что традиционные метафизики, ориентированные на это Первосущество, существо из огня, называют мудростью. То есть на тотальную покорность и полное совпадение с оригиналом и растворением во всех возможных состояниях этого оригинала, или бытия. Это есть мудрость. Это мудрость, которая изложена Платоном как система «мира идей». Что такое «мир идей»? Это набор возможных состояний бытия. Это бытие и Великое Существо как всё. В практической реализации. Мудрость – это уход туда.

Но человек стоит на двух ногах. Между ногами проходит пропасть. Или сидит на двух стульях. С одной стороны, у него Откровение Адама, а с другой стороны, его глиняная природа. И он совмещает это в форме актуальной цивилизации: римской, древнегреческой и так далее. Эти цивилизации ему языком Адама рассказывают об истинных Иблисах. В этом суть.

И этот парадокс – дополнительные нити паутины, которые человека опутывают, потому что проблема свободы явно подвергнута искажению. Например, человеку говорят, что «свобода – это свобода выбора», свобода выбора между двумя феноменами, между двумя объектами. Это явная подтасовка. И самая главная свобода выбора, которая является подтасовкой, – это предложение человеку религиозного измерения этой подтасовки – это свобода выбора добра и зла. Нет этого!

Можно, конечно, выбирать между добром и злом, но только это не является свободой. Это выбор между яблоком и червяком, который это яблоко ест.

О. Д.: Если не ошибаюсь, ещё Конфуций задавал этот вопрос – если платить добром за зло, то чем же тогда платить за добро? Наша передача подошла к концу...

Возможна ли свобода?

(Часть 2)

О. Д.: Давайте поговорим сегодня о формах свободы.

Г. Д.: Да. Этот разговор действительно является переходом к существенной части, потому что до этого мы пришли в целом к такой позиции, что под свободой имеется в виду эмансипация от Великого Существа, отражением которого является человек в зеркале этого мира. Помните, там был образ Джона Ди, который хлестал своё отражение, чтобы то сделало какое-то своё, присущее ему движение, не совпадающее с движением оригинала. И вот дальше следует очень интересная вещь. Оказывается, что общество, которое является тенью Великого Существа на Земле и как бы ответственно за корреляцию между отражением и оригиналом... общество ведёт жестокую и беспощадную борьбу со свободой. Я имею в виду, конечно же, реальное общество – не то, что называется гражданским обществом и тому подобными суррогатными подставками, а то, что можно назвать Коллективным Фараоном. То есть общество как пирамида, которая все свои элементы запирает в жёсткую систему, которая не позволяет никаких лишних движений никакому элементу. То есть эти элементы не ходят и не играют.

О. Д.: Ну, в общем, свобода выбора – только в выборе сортов пива. Я понимаю. Она где-то там остаётся...

Г. Д.: До этого мы ещё дойдём. Здесь, с одной стороны, есть различные поползновения различных типов человеческих существ сорваться с этого крючка, причём даже бессознательно. Философия отражения Великого Существа в общем-то людям не присуща, не свойственна. Но на уровне инстинкта они пытаются с этого крючка сорваться. И одним из наиболее широких, наиболее общеизвестных выходов на рассогласование между оригиналом и изображением является так называемая спонтанность. Экзистенциальная спонтанность. Известно, что есть такая вещь, как женская спонтанность. Причём я не говорю, что она именно женская в гендерном конкретном смысле. Это просто тип. Он может быть присущ и мужчине. Такой лёгкий тип плейбоя. Такой беззаботный тип...

О. Д.: Ну, у женщин я бы это объяснил всплесками гормонов, наверное... если это правильно так сформулировать...

Г. Д.: Это уже физиологическая сторона. На самом деле есть вот такая типология поведения – жизнизм. Что означает – давать выход своему внутреннему бессознательному. Это более или менее терпимо обществом. Хотя общество повело наступление и на эту в принципе в женской версии довольно безобидную спонтанность. В какой форме повело наступление? Феминизм. Потому что феминизм есть не что иное, как наступление на право женщины на каприз, право женщины на то, чтобы быть женщиной, на спонтанность. Это новая гендерная форма правил игры – требование равноправия. Это обязательство женщины к участию в несвойственных ей общественных ролевых позициях, играх...

О. Д.: И, соответственно, необходимость управления эмоциями и этими самыми порывами, которые так или иначе и означают неудержимую свободу.

Г. Д.: Да. И здесь мы думаем: вот феминизм, это как бы процесс такой пошёл, как бы общественный. Были суфражистки, требовали право голоса, право голосовать. Потом

сделали шаг дальше – к феминизму, мужененавистничеству. И всё это растёт как кустарник? Да нет!

Здесь есть определённое целенаправленное наступление общества, как Коллективного Фараона, общества, как пирамиды, на островки даже как будто натурально обусловленной «свободы», на островки спонтанности с её редукцией. Это один вариант спонтанности. Это, что называется, «женский». Есть «мужской» вид спонтанности, который является искусством. То есть это такая креативная форма спонтанности, и здесь уже общество очень серьёзно воспринимает это как действительно реальную угрозу, потому что искусство... Собственно говоря, в чём его смысл? Зачем вообще существует искусство? Искусство – это попытка создать альтернативное зеркало, в котором как бы создаётся изображение, будто бы сорвавшееся с крючка, будто бы сорвавшееся с жёсткой точки фиксации с оригиналом.

О. Д.: Та самая несинхронность с Джоном Ди.

Г. Д.: Некая несинхронность...

О. Д.: Ты смотришь в зеркало, поднимаешь руку, а там руку никто не поднимает.

Г. Д.: Да. Ты не можешь создать это реально с собой. Но ты делаешь это в искусстве – ты делаешь это в картинах, ты делаешь это в литературе, ты делаешь это в кино, в театре и так далее. И здесь уже возникает реальная угроза, потому что тут действительно создаётся альтернативное зеркало. Вот в чём смысл искусства. Поэтому общество сразу наводит зом на это дело. И, конечно же, существует колоссальная... не то что там просто цензура, а целый аппарат контроля и подавления. Причём он существовал всегда. Наиболее общеизвестная форма контроля – это так называемое сакральное традиционное искусство, которое всецело подчиняется символическим нормам обслуживания доктринальной идеологии, правящей на данный момент, или религии – что то же самое. То есть это, допустим, традиционные иконы, фрески, соответствующие песнопения, гимны, соответствующая музыка. Существуют определённые правила их создания, допуск к этому людей, мастеров, ученичество и так далее. В принципе нужно понять, что в искусстве есть два полюса. Один полюс связан с максимальной возможностью создать альтернативное зеркало свободы, а другой – фактически сливающийся с тем же самым Великим Существом. То есть минимальная возможность свободы. Максимальный полюс, полюс свободы – это слово, это литература, потому что они связаны со смыслом, с мыслью, с ситуативностью, с созданием какой-то концептуальной ситуации. Это наиболее опасно. И это вызывает у общества наибольшее внимание и наиболее острую болезненную реакцию.

О. Д.: Да. Если мы вспомним XIX век, потом XX – сначала у Чернышевского появился Рахметов, который спал на гвоздях, а потом появился Николай Островский, он же Павка Корчагин, который считал, что...

Г. Д.: Очень чёткое, очень грамотное замечание.

О. Д.: Сначала идеология появилась, а потом появился человек, который готов так жить – всех убивать и сам умирать. Но сначала идеология была описана в книжке.

Г. Д.: Да. Замечание очень грамотное. Но в данном случае это ведь не только Рахметов, но это и госпожа Бовари. Даже если мы пойдём вглубь веков, то и там мы увидим, что слово – это попытка создать опасную альтернативу. И, главное, это эффективная попытка. То есть это действительно альтернативное зеркало, которое работает уже со смыслами, с интеллектуальным пространством. И есть другой полюс, совершенно противоположный слову, который фактически обслуживает напрямую интересы тождества отражения и оригинала Великого Существа и зеркала этого мира. Это музыка. Все мы знаем, что такое музыка сфер. Музыка сфер – это как раз формы гармонии, которые уже выходят за пределы законов нашего мира. Музыканты, композиторы, творцы музыки как бы слышат эту музыку сфер. Просто транслируют её сюда. И музыка – это вещь не просто бессловесная. Она антисловесная. Потому что любая попытка описать музыку как то, что ты слышишь и понимаешь, всегда есть иллю-

зия. Ты слышишь музыку, и тебе кажется, что ты её понимаешь, но когда ты хочешь описать словами, что же ты понял, – получается чушь.

О. Д.: Да, это невозможно. Более того, я думаю, что человек пишет музыку и играет её тогда, когда у него не хватает слов объяснить то, что он чувствует.

Г. Д.: Нет. Это просто враждебные вещи, вот в чём дело. Мы живём в мире компромиссов, и вообще человеческое пространство – компромиссное. С одной стороны, у него действует принцип сознания, с другой – принцип бытия. И в сфере искусства, соответственно, тоже происходят борьба и слияние. Появляется опера, где музыка и слово начинают взаимодействовать.

О. Д.: Находить между собой компромисс.

Г. Д.: Да. Песня, опера и так далее. Между ними находится очень интересная вещь. Между ними находится изобразительное искусство. Между ними находится изобразительное искусство в широком смысле. То есть это и живопись, и скульптура, и новейшие формы такого феноменологического как бы искусства. Последнее очень интересно вот почему: потому что, с одной стороны, оно апеллирует к феноменологии, к непосредственно данному... Это не слово-мысль, а некая фактура, изображение и так далее. Но, с другой стороны, в отличие от музыки оно поддается описанию. То есть это действительно зеркало. Вот, допустим, картина «Набережная в тумане» какого-нибудь французского импрессиониста – это же зеркало.

О. Д.: Да. Только искажённое.

Г. Д.: Это зеркало. Это явная попытка сорваться с крючка. Что здесь сразу проявляется со стороны общества? Во-первых, конечно же, идёт жесткая борьба против всякой инновации, против появления каких-то новых непредусмотренных попыток в искусстве. И, во-вторых, самый эффективный способ у общества – это, конечно же, превращение искусства в альтернативный вид валюты, ценности. Существует колоссальная развитая система оценки произведений искусства. Если у художника есть некое, специально созданное для него имя, то всё, что он пишет, – это всё равно, что он банкноты рисует. Это очень эффективный способ нейтрализации попытки сорваться с крючка, потому что тут же убивается, собственно говоря, сама идея. Вот, например, наиболее острая, наиболее инстинктивная глобокая попытка уйти от, скажем, фальсификации... то есть прийти к наиболее резкому выражению воли к свободе – это «Чёрный квадрат» Малевича. Это создание зеркала, в котором присутствует прямой отказ от отражения. Чёрный квадрат перехватывает любое отражение. Да, здесь именно отказ от отражения. И его превратили в самую коммерческую картину из возможных.

О. Д.: В самый коммерческий бренд.

Г. Д.: Да, в самый коммерческий бренд. Но тем не менее на самом деле искусство остаётся всё-таки ещё наиболее опасной сферой проявления этой спонтанности. Хотя, в общем, сейчас уже понятно, что сознательная борьба за свободу искусства обанкротилась. Как метод. Уже достаточно давно обанкротилась. Были моменты в XIX веке, связанные особенно с подъёмом романтизма, когда на искусство возлагались какие-то надежды. Считалось, что методологии, разрабатываемые в этой сфере, могут дать, скажем, какие-то прорывы в человеческом статусе. Сейчас уже понятно, что нет, потому что выйти из тенет общества, выйти из тенет взаимоотношений художник – торговец – аукцион – и – публика – и – покупатель, публика как покупатель – из такого невозможного выйти. Но самовыражение какого-нибудь там одинокого фрика...

О. Д.: Ну, даже такое самовыражение всё равно уже становится неким коммерческим персонажем, как «Беги, Форест, беги!». Это самовыражение некоего фрика, действительно. То же – «Побег из Шоушенка»... Есть какой-то персонаж, который как бы противостоит этому обществу, просто, на самом деле, его «делает», говоря на сленге.

Г. Д.: Один из таких ярчайших примеров в том же самом изобразительном искусстве – это абстрактная живопись, которая вызывала огромное, помню, возмущение у советских людей. Я, кстати, побывал на знаменитой американской выставке в «Сокольниках» 1959 года, если не ошибаюсь. Мне было лет десять, и я побывал на этой выставке. Я помню, что там Поллок висел – люди ходили плевались, ругались вслух. И я ещё удивлялся – почему их так разбирает, почему их трясёт от негодования. На самом деле они, конечно, просто переживали, что это очевидная попытка создать альтернативное зеркало. Но! Эта попытка провалилась. В чём её провал? Пытаясь предельно уйти в альтернативность, они всего-навсего сошли на более низкий уровень изображения феноменологического бытия, как пятна Роршаха. Собственно говоря, отказались от всякого смысла или дали возможность приписывать некий фиктивный смысл по произволу смотрящего. Но это капитуляция. Превращение зеркала в шкуру зебры или там в шкуру леопарда – это не есть срыв с крючка тождества с оригиналом, потому что есть, конечно, миры, где изображения ниже человека, так называемые доформенные миры, которые настолько затуманены по отношению к оригиналу, что там как бы в хаосе плавают что-то, свободно оно или не свободно – не имеет никакого значения. Ценность имеет то, что сохраняет форму. Здесь же попытка уйти от формы в дочеловеческие миры, и эта попытка вообще лишает смысла идею борьбы внутри искусства. Это капитуляция. Абстрактное искусство – это уже капитуляция. Хотя советские люди, я думаю, возражали против самой идеи поиска свободы.

О. Д.: Да, я тоже думаю, что это было время, когда... Я хорошо помню своих бабушку и дедушку, которые действительно с большим негодованием воспринимали всю живопись, отличающуюся от соцреализма. Любое иное изображение просто вызывало негатив. «Так рисуют только какие-нибудь бумагомазки, так каждый может...»

Г. Д.: Была такая идея, что если уж ты рисуешь, то ты должен правдиво отражать реальность.

О. Д.: Причём под социалистическим углом.

Г. Д.: Фигуративно отражать реальность. Это требование, чтобы твоё альтернативное зеркало совпадало с тем зеркалом, от которого ты пытаешься уйти. Но зачем в принципе человеку вообще браться за кисть и краски, если не пытаться сорваться с крючка и не создать альтернативное зеркало? Но ему говорят «Нет!». Если уж ты что-то создаешь, то создавай *вот это*. Но общество не только борется со спонтанностью и с натуральными попытками человека соскочить с этого крючка, оно ему предлагает свои версии свободы, потому что нельзя бить по рукам, но при этом не предлагать какой-то альтернативы. Есть какие-то альтернативы, которые выдаются за свободу, будучи явным фейком. Я пришёл к выводу, что их четыре разновидности.

Есть экономическая свобода. Так называемая. Она предполагает в себе два важных полюса. Это свобода частной инициативы и свобода потребительского выбора. То, с чего вы начали, когда упомянули сорта пива... Да, сорта пива, сорта автомобилей, бренды. И свобода частной инициативы. Эта свобода является для современного общества, пожалуй, наиболее важной, наиболее охраняемой, безусловной. Но и здесь идёт наступление на эту свободу. Если, допустим, взять Европу, то номинально там свобода частной инициативы. Но если вы попытаетесь открыть какую-нибудь шаурму в уголке какого-нибудь Берлина, то вам придётся пройти через такие мытарства административных согласований совершенно совкового типа, что вы всё проклянёте, потому что Европа в этом смысле абсолютно заадминистрирована. И это сознательный путь. В Америке легче – там частная инициатива более, так сказать, поднята на щит. Но процесс администрирования тоже растёт.

О. Д.: На уровне шаурмы или кафешки это можно сделать, но в какой-то серьёзный бизнес, конечно, не пройдёшь. Это известная история.

Г. Д.: В серьёзный бизнес не пройдёшь. А вот самый примитивный бизнес тоже будет подвергаться... Конечно, там нет бандитов, которые наедут и потребуют... Есть они, конечно, но всё это не так. Больше, кстати, их в Лондоне. Но всё равно там будут являться всякие фининспекторы, инспекторы по санитарии, естественно, проверять отчисления в пенсионный фонд и так далее, и так далее. В общем, сойдёшь с ума. И в итоге ты будешь получать меньше, чем чиновник – мелкий чиновник в бюрократической системе, переключившийся на бумажки. То есть ты весь день будешь стоять возле печи, а получишь меньше, чем дворник, который работает в муниципалитете.

О. Д.: Да. Экономическая свобода – это тоже во многом фейк. Это такая обманка, потому что пример Илона Маска, который выпускает «Теслу», и его ракеты наконец садятся на платформы... все как-то забывают, что американское правительство его финансировало. Порядка пяти миллиардов долларов он от него получил. Об этом много написано. И такой, знаете, свободный предприниматель, который такой гениальный организатор всего, в том числе в космических полётах Space X... Просто его очень хорошо финансировали. А на такие деньги действительно можно и в космос летать.

Г. Д.: Второй момент предлагаемой обществом свободы – это гражданская свобода. То есть это свобода митингов, свобода собраний, свобода слова. Понятно, что это очень и очень двусмысленная вещь. С одной стороны, гражданская свобода не является никакой реальной формой экзистенции. С другой стороны, это, конечно, очень удобное пространство контроля. Это как бы такой градусник для замера общественной температуры. Это в общем-то поле такого псевдодействия, которое никуда не ведёт.

О. Д.: Я бы даже сказал, что это как у чайника клапан – немножко спустить пар...

Г. Д.: Выпускание пара. Да. И тут мы подходим к третьей псевдосвободе, которую предлагает общество. Это политическая свобода. Она, конечно, связана с демократией и с выбором. Тут надо чётко проводить границы.

Есть гражданская свобода – это свобода собраться, свобода поговорить. А есть политическая свобода – это свобода проголосовать за некую, так сказать, политическую фигуру, представителя некоей партии. Эти свободы существуют по отдельности. Говорить – ты говори. Ради бога. Это никого не касается. А тут ты проголосовал. Значит, ты уже как бы выбираешь себе, «якобы» выбираешь себе лидера. Ну проголосовал, ну выбрал себе, допустим, Меркель, мягко говоря. Или этого самого Ципруса, который пообещал одно, тут же стал делать другое. Или цирк с этим Трампом. Это уже просто куда-то всё уплывает.

Наконец, есть четвёртая свобода. Это социальная свобода. Что такое социальная свобода? Социальная свобода – это свобода, которая тоже была предметом большой борьбы, особенно в XIX веке. С XVIII по XIX. Даже XX захватила. Наконец она была достигнута. Что это за свобода? Это свобода развода, это свобода жить с кем хочешь, свобода свободной любви. Но и на эту свободу...

Видите, общество создаёт фейковые свободы в альтернативу к спонтанности. «Вот, на тебе, такую мы предлагаем тебе свободу», а потом внутри этой предложенной им свободы начинает отгрызать куски. То есть тебе предлагают развод, а потом тебя обкладывают такими мощными алиментами, штрафами и так далее.

О. Д.: Это логично. Человека ведь надо чем-то занять. Сначала разводится, потом его штрафуют, потом ещё он что-то делает. И он всё время занят.

Г. Д.: Я думаю, здесь дело не в том, чтобы занять, а в том, чтобы, предложив некое поле игры, вытащить на площадку, которая создана не человеком. Не человек же предлагает обществу некую площадку, на которой – «давай, общество, мы с тобой поиграем на моей площадке». Нет. Общество предлагает площадку. Вот тебе, пожалуйста, свободная любовь. Мы тебе предлагаем. Так, например, было в 20-е годы после революции, а потом приходит товарищ Сталин и начинает закручивать гайки. Развод – это уже исключение из партии.

Только что это был «стакан воды», а теперь это уже катастрофа, жизненная катастрофа. Это уже местком, женком, женотдел и так далее, и так далее. Начинается такое закручивание. То есть все четыре фундаментальные свободы, предложенные обществом, – экономическая, которая блеф; гражданская, которая является выпуском пара... но и по ней наносится удар – и по митингам, и по словоговорению; политическая – ну, это уже просто, так сказать, шапито; и социальная, где «гуляй не хочу».

Но там сразу идёт такой момент. Если ты хочешь делать карьеру, допустим, в наиболее демократической стране какой-нибудь. Про Америку мы не будем говорить, потому что Америка доказала, что это страна, более страшная во всех отношениях, чем Советский Союз худшего периода. Там же теперь можно обыски проводить без присутствия хозяина. Про Америку мы не говорим. Ну, какая-нибудь демократическая страна. Вот ты хочешь быть профессором. Не дай тебе бог где-нибудь сказать, не то что там «ниггер», а «чёрный». Всё. Как профессор ты уже никто. Там будут собраны петиции возмущённых студентов. Короче говоря, тебя заклюют. Ты сам подашь в отставку и уйдёшь оттуда. Всё. А если ты какой-нибудь мойщик на автостанции, автостоянке там. Да. Ты можешь сколько угодно говорить «ниггер», ты можешь каждый день менять девчонку, и никто тебе слова не скажет. Но если ты хочешь куда-то пройти...

О. Д.: Подняться по социальным ступенькам...

Г. Д.: Да. Тебе придётся сразу отказываться от этих элементов свободы.

О. Д.: То есть чем выше ты забираешься по этой лесенке так называемых социальных благ и социального превосходства, тем от большего количества свобод ты отказываешься. Вершина её – президент, который будет ограничен уже совсем.

Г. Д.: Ну, президент – это вообще. Человек позволит себе что-нибудь в лифте со своей помощницей. Всё. Вся нация стоит, прильнув к окошку, и подглядывает в диком восторге. Но когда мы на этом этапе поняли, что есть четыре фэйковые свободы, мы коснулись темы «спонтанности» – это то, что предлагает человеку общество, то есть площадка, на которой человек, как бы, предлагает поиграть Коллективному Фараону. Но Коллективный Фараон его там бьёт. Просто однозначно ставит ему шах и мат. Дальше Коллективный Фараон предлагает ему свои площадки (четыре), на которых тоже бьёт человека. И здесь где-то в XVII веке... люди же очень сложно докапываются до сути вопроса, и они переводят тему всегда, ну, или, по крайней мере, некоторые из них, в интеллектуальную плоскость. Встаёт вопрос ребром. Вот есть Джон Ди, который хлещет своё изображение. Есть изображение, которое никак не может сорваться с крючка, но вынуждено повторять движения Джона Ди. Потом в какой-то момент изображение говорит: «А Джона Ди-то, между прочим, *нету*». Я имею в виду просто возникновение атеизма. Потому что, на самом деле, атеизм по сути есть отрицание отнюдь не Бога, о котором атеист ничего не знает. Это отрицание Великого Существа, которое является оригиналом, то есть архетипа, образом и подобием которого является человек. Он говорит: «Бога нет». Ход предельно сильный. Но! В чем здесь неприятный фокус для тех, кто идёт этим путём? Как только человек ступает на путь простого и сильного нигилизма, атеизма... то мгновенно заменяет его на отъявленное идолопоклонство. Но не в буквальном смысле – поклонение, там, деревянным идолам... А в широком, метафорическом смысле. Потому что любой атеист сидит на крючке либо веры в прогресс, либо, прежде всего, веры в человечество, веры в либерализм, прогресс, процветание...

О. Д.: В коммунизм. В условный коммунизм...

Г. Д.: И если он «правый», он будет антикоммунист, это будет «правый» либерал. То есть он верит в добро и зло. Он верит, что всё больше и больше реализуется добро, убывает зло. Мы идём от пещер дикарей в какие-то там «хоромы электронного завтра». Но это на базе атеизма. То есть мгновенно нигилизм переводит его в формат признания в качестве доминантных императивов всякого рода глупостей, которые даже смешно обсуждать; которые

гораздо более сомнительны, чем, например, понимание, что Великое Существо всё-таки есть и оно является оригиналом. Более того, человек, который встал на путь отрицания Великого Существа, то есть рванул на себе тельняшку и сделал такой предельный жест, он становится в общем-то беззащитным и безоружным, потому что известно, что стратегия дьявола заключается в том, чтобы заставлять людей признать, что его нет. И как раз, когда они признают, что дьявола нет, он появляется во всей своей красе и во всей своей полноте.

Очень хороший вы привели пример с Чернышевским, потому что русская литература в этом смысле – очень тонкий резонатор, который вообще связан с такими токами и с такими интуициями, на которые Европа оказалась неспособной. И я хотел бы обратить внимание на два нигилистических образа. Великих нигилистических образа, которые были созданы русской литературой. С одной стороны – Базаров, а с другой стороны – Кириллов. И они, как скобки, как бы обнимают всю полноту борьбы с Великим Существом. Зависимости от Великого Существа. Базаров говорит: «Никакого “великого существа” нет! Природа – не храм, она мастерская. Человек в ней работник». Умирает он жалким образом. Это уже, как бы сказать, деталь, но...

О. Д.: На могиле его вырос лопух, если не ошибаюсь.

Г. Д.: Нет, он говорит сам: «Что мне с того, что будет через двести лет, когда на моей могиле лопух вырастет?» То есть он отказывается и от человеческого будущего, потому что это человеческое будущее тоже идол, но он не хочет в этого идола верить. То есть он «хороший» законченный нигилист. Это интересно. И это, кстати, подчеркивает, что Тургенев – глубокий интуитивист, потому что он не создаёт ложный образ, исходя из неких установок – «как должно бы быть». Он пишет Базарова, исходя из интуитивной правды этого образа. Этот Базаров в принципе именно тот материал, из которого рождаются первые большевики, которые строили советскую власть: индустриализацию, программы первых советских технологий, перекрытия всяких рек, канал Волга – Дон, Беломорканал. Почему? Потому что природа – мастерская, а человек в ней – работник. То есть это комиссары первых лет. Они из Базарова. А есть религиозный полюс. Это Кириллов, который говорит: «Человек должен умереть, чтобы родился Бог. Убьём себя и будем как боги». И это совершенно другой, глубочайший полюс. Это абсолют нигилистического отчаяния, который говорит: так как отражению в зеркале невозможно сорваться с крючка оригинала, то единственное, что остаётся сделать, – это отражению в зеркале умереть и стать оригиналом. Такой могучий ход. Мы уж не знаем, как там дальше, но из этого получается Ницше. Из этого получается в общем-то много чего. Если брать наш собственный опыт, то из этого получают богоискатели, богостроители. Но в общем-то они стали «кирилловыми» в застенках ЧК. Поскольку это был не их выбор, то, я думаю, что результат тоже был не такой, на какой Кириллов рассчитывал. Тем не менее это интересный религиозный ход, который очень сильно подействовал на европейское сознание. Базаров не подействовал, потому что этот образ в Европе был отработан в «Фаусте» задолго до этого... 1800 год – это уже полный Гёте расцвел...

О. Д.: Сюжет «Фауста», если мы вспомним, начинался в шекспировские времена – первый раз о нём заговорили...

Г. Д.: Да. «Фауст» отработан. Базаров – это бледная тень Фауста. Бледная. Фауст работал с Мефистофелем. А Базаров понятия о Мефистофеле не имеет. Он дурачок в этом плане. Поэтому здесь, конечно, Базаров точно проигрывает. А Кириллов – это очень глубокий ход, который явился новым словом в литературе. Это новое слово было понято и услышано. Но оказалось, что и Кириллов, в общем-то... Это красиво, интересно, но это фриковый такой, неубедительный и маргинальный ход. Острый, но маргинальный. Из этого делаем вывод. Вывод один. Невозможно осуществить восстание против Великого Существа, не получив инструкции в виде Откровения, потому что человеческого ресурса – его изобретательности, его спонтанности, его методик – не хватает для того, чтобы побить в этой карточной игре

такого шулера, как Коллективный Фараон, который, как мы уже говорили, будучи тенью Великого Существа на Земле, является охранителем, жандармом, координатором того, чтобы образ и подобие оставались жёстко привязаны к своему архетипу. То есть побить его невозможно.

А вот инструкция, которая идёт от Откровения, которая даёт возможность добавить непредсказуемое измерение... Ведь чем характерно отражение? Почему оно фундаментально отличается от оригиналов? И чем оно бросается в глаза, как тем, что оно «не то»?

Во-первых, у него перевернуты стороны. А во-вторых, его глубина в зеркале – это псевдоглубина. Там два измерения, а третье виртуальное. Перспектива иллюзорна. Без инструкции Откровения эта иллюзорная глубина не становится реальной. Вы можете, конечно, спросить: «А что такое Откровение и почему оно не является очередным самообманом?»

О. Д.: Очень хороший вопрос. Я как раз его ждал. Вы ведь наверняка знаете большое количество комментариев ко всем так называемым откровениям всех религий, где приводятся доказательства их материалистической основы и тому подобного.

Г. Д.: Ну, естественно, знаю. Но вопрос-то в чём? Есть же критерий, как говорится. Есть критерий, потому что понятно, что как только Откровение приходит к людям, то Коллективный Фараон включается на всю мощь и тут же стремится фальсифицировать это Откровение. И первое, что он делает, – он начинает снабжать Откровение комментариями, которые говорят, что чёрное – это на самом деле белое, а белое – это на самом деле чёрное. И что бы там ни было сказано, Коллективный Фараон это всегда перевернёт. Поэтому каждое следующее Откровение старается обставить себя всё более и более глубоко проработанными заградительными ходами. Но оно всё равно же попадает в руки каких-то мудрецов. Есть пророки. Они приносят Откровение в чистом виде. Потом приходят цари. Они рисуют по этому Откровению свои указы... потом приходят судьи, уже не цари... а потом приходят мудрецы. На последней стадии мудрецы просто откровенно фальсифицируют Откровение. Потом они просто говорят: «Мы-то и есть те, кто является живым Откровением, и как *мы* сказали – так это Откровение и существует в жизни и в действии». Но на этом уровне можно уже расстаться с любой попыткой увидеть правду. И следующая фаза – это скатывание в то болото профанизма, которое следует за религиозной эпохой. Но есть то, что называется «инструкция», в прямом смысле слова, которая даётся так, что она прямо требует разрыва с понятиями и ориентациями естественного человека на добро и зло. В Коране сказано: «Вы думаете, что это вам благо? Вы ошибаетесь. Это вам зло. А вот то, что вы думаете что “это зло”, – это, наоборот, благо». То есть реально естественному человеку предлагают понять, что его естественные органические импульсы, исходящие из следования архетипу, – это как раз то, с чем надо рвать. А как и на что следует опираться? Опирается следует на набор достаточно простых инструкций, которые основаны не на делении на добро и зло, а на делении дозволено/ не дозволено. Харам/Халал. Херем/Кашер. А они идут поперек добра и зла в понимании естественного человека. Поэтому эта инструкция является уже реальным актом снятия с крючка, если следовать ей. Но, более того, если ещё осмыслять. Если, конечно, тупо следовать с фанатизмом и, так сказать, не вдаваться в это дело, то можно превратить её в противоположность в любой момент.

О. Д.: И белое станет чёрным. Понимаю.

Г. Д.: Но если ты осмысляешь, и следуешь этому моменту, и сознательно эмансипируешься от самого главного аспекта, на котором человек сидит, как на крючке «добра и зла» в их оппозиции. Это же самый главный крючок Великого Существа. Добро и зло. Дьявол ловит нас на идею Блага. И следуя идее Блага, мы попадаем в его объятия. Чтобы сняться с этого крючка... Кстати говоря, все язычники твёрдо стоят на платформе Блага. Платон, индуизм, все школы (шесть школ) санкхья религиозной философии, буддизм. Всё это стоит на платформе Блага. Сняться с этого крючка можно только через инструкцию Откровения.

А дальше, следующий шаг – это концепция справедливости. А справедливость не связана с делением материальных благ. Она может, наоборот, выглядеть как резкая несправедливость с точки зрения блатной – пайку нужно делить на четыре части, ровно выверенные. Может, это совсем и не так. Справедливость – это смысл. И совершенно точно, что если нечто лишено смысла, глубинного смысла – это *несправедливость*.

Бытие. Никто не сумел доказать и объяснить, что бытие имеет смысл. Платон не пытался даже этого сделать. И Сократ не пытался этого сделать. Максимум, что они сказали, – что бытие есть Благо. Но Благо не есть смысл. Поэтому справедливость как смысл, которая как цветок поднимается на клумбе инструкции Халал/Харам, – это единственный костыль, опираясь на который человечество может сделать шаг к свободе – уходя от экономической, гражданской, политической и социальной псевдосвобод и не пускаясь в бурные, довольно мутные воды искусства, которые всё равно никуда не ведут.

Свобода невозможна без вмешательства из Невозможного. То есть Того, Кто уничтожает аналогии и подобия, будучи Сам не подобен ничему. Ведь что означает стать свободным? Это значит просто перестать быть «образом и подобием» того, кого люди считают Богом и кто на самом деле представляет собой совокупность всех состояний возможного, то есть абсолютной ложью.

Глава 12

Нечеловеческий фактор

Нечеловеческим фактором испокон веков считали рок или судьбу, как индивидуальное отпочкование рока. Рок неумолим, но с судьбой можно договориться. Следование судьбе интересно, потому что есть ощущение сценарного продолжения. Однако всё это переживание людей старого времени. Для современного человека роком стало общество. Точнее, общество приобрело характер неумолимого принципа, который давит, давит со всех сторон. В этих условиях личная судьба крайне приблизилась к року. Во-первых, вариативность сильно уменьшилась. В дореволюционные времена человек либо кончал институт и делал карьеру, либо же исключался с первого курса и шёл на ссыльное поселение в Сибирь.

Чем в большей степени исчезали элементы разнообразия, тем, соответственно, сильнее проступал рок. В Сибири у ссыльных очень схожий образ жизни. Там рок из сакрального и непостижимого становился ординарным, каждодневным.

Эта преамбула нужна для того, чтобы провести следующую мысль. Сегодняшний человек живёт непосредственно в роке. Каждое его действие, каждый шаг фатален. Это не значит, конечно, что подобный человек заслуживает авантюрного романа. Нет. Будучи насквозь банальным, он одновременно фатален. С точки зрения людей конца поза прошлого – начала прошлого века, это абсурд. «Глупость какая-то!»

Совмещение фатальности и банальности – это специфическая характеристика новейшей эпохи. Можно сказать, что сам фатум стал сер и безнадежен. Поэтому современный человек не верит в пафос и не слышит романс тем же ухом, которым его слушали прадеды.

Но есть ли у фатального политическое измерение? Да, конечно, есть. Как мы говорили вначале, рок не имеет отношения к человеческой субстанции. С точки зрения рока судьба какой-нибудь конкретной травинки или лягушки абсолютно тождественна судьбе Наполеона.

Вот здесь, как говорится, «зарыта собака». Рок – это вопиющее торжествующее тождество, в конечном счёте, тождество всего всему. Там, где человек сталкивается с этой упраздняющей нивелирующей силой, которой он не намерен подчиняться, там возникает политический эффект. Сегодня политика – это борьба сугубо человеческого с нечеловеческим. Борьба с роком. Именно это даёт вспышку и полёт тому, что популярно называется пафосом. Кстати, в греческом языке это слово означает «боль». Место под этим названием – это, видимо, одно из тех мест, где посвящённые встречались с бытием. Потому что такая встреча всегда сопровождается болью.

Когда германские воины бросили судьбоносный вызов «ледяной пустыне», они знали, что эта пустыня есть парафраз рока. Встреча с роком для этих людей была важнее победы. Потому что надежды, ожидания, планы Рейха являлись всего лишь внешним поводом для реализации особых состояний, для оживления энергий великого дракона, Уробороса, обнимающего и сжимающего наш мир.

Эта война с роком продолжается и по сей день.

Может быть, уже не в ледяной пустыне, а в обычном нормальном пекле.

О. Д.: Сегодня мы подводим заключительный итог серии передач, и назовём мы его «Нечеловеческий фактор».

Г. Д.: Да. Нечеловеческий фактор, на мой взгляд, это, во-первых, характеристика Рока. Раньше Рок выступал (мы об это говорили в предыдущих беседах) в форме вечного времени, колеса времени, которое снимает и порождает. Но это нечто безусловное, неизменяемое. Судьба – это то, что можно поменять. Например: кто-то сказал, что география – это судьба. Ты родился в России – это судьба. Но люди уезжают, становятся эмигрантами, меняют судьбу. А вот есть более глубокий страшный неизменный момент: ты умрёшь. Ты родился, и ты умрёшь. Можно взывать к небу, можно биться головой об стену, но ты ничего не изменишь, ты умрёшь. Это фатальность. Эта фатальность есть характеристика Рока. Против неё восставали древние герои, против неё некоторая часть, очень маленькая часть человечества ведёт борьбу. Но этот Рок, как ни странно, который при Одиссее имел характер бесстрастного неба, равнодушно на тебя смотревшего... Жаркое бесстрастное небо смотрит на маленького человечка, плывущего среди островов. Он, оказывается, тоже меняется во времени. Оказалось, что человеческое пространство, пространство себе подобных, стало идентичным механизму, подобному джаггернауту – жестокому и беспощадному. Человеческий социум стал Роком.

О. Д.: То есть сегодня человеческое общество, социум взяло на себя функции, что называется, вечного неба. Значит, теперь мы определяемся этим самым обществом.

Г. Д.: Я бы сказал так: что человеческое общество съело бытие. Я бы даже не стал употреблять слово «человеческое». Раньше можно было говорить «человеческое», это было нормально. А теперь надо говорить просто общество, не имея в виду, что оно человеческое, потому что оно уже освободилось от этого предиката. Оно уже именно не человеческое, оно является неким механизмом, некой системой. Раньше общество было тенью Великого Существа. А теперь общество претендует на то, что это Великое Существо схлопнулось с ним. Вопрос, который мы поднимали в теме «Свобода», был: оригинал и отражение. В какой-то момент оригинал подошёл так близко к отражению, что зеркало его втянуло, ну это как бы здешнее пространство так думает. Хозяева – мэтры и социум – они так думают, что теперь нам не нужен объективный мэтр снаружи, теперь им не нужно Великое объективное существо. Теперь они во всей своей полноте – современное Великое Существо и одновременно его представители, такая двойная у них функция. Бытие стало человеческим обществом, просто обществом.

О. Д.: Хочу для себя уточнить следующее: может быть, это потому, что людей стало так много, так быстро разрослось информационное поле? И если раньше люди долго выстраивали коммуникации друг с другом, то теперь они так близко друг к другу, так сильно друг на друга влияют, что они подменяют этот Рок, да?

Г. Д.: Здесь много верно замеченного, особенно в плане коммуникации. Но кажется, что здесь нужно понять главное и разобраться в том, что такое кризис реальности. Потому что я считаю, что общество превращается в бытие, и это в целом продукт кризиса. На самом деле реальность входит в очень болезненную фазу. Но, чтобы понять, что такое кризис реальности, нужно понять, что такое реальность вообще.

Реальность – это противостояние. Реальность – это эффект противостояния нас как свидетелей тому, что есть не я.

О. Д.: Сложно. Давайте ещё раз.

Г. Д.: Давайте так. Вот с самого начала, когда человек говорит, что это реально. Или он говорит: это реальность или это сон? Он апеллирует к дихотомии сон – реальность. Он щиплет себя, чтобы проверить, что это реальность. Если он засыпает, то он знает, что он уходит в некий внутренний мир, в мир грёз. Чем характеризуется этот мир грёз? В мире грёз он никому не противостоит. Он уходит в домик своего физического существа, физико-химического, в своё подсознание, в свою бессознательность. И он отключается от внешнего,

и он говорит: это не реальность. То же самое, если он принимает наркотики. Это примерно аналогичная вещь. Он отключается от внешнего мира и уходит во внутренний субпродукт.

Значит, реальность – это то, что не является ни чем-то внутренним для человека, ни тем, что присуще ему, когда он отключается от всего остального. Реальность – это внешнее. Но какое внешнее? Внешнее не просто как абстрактно внешнее. А то внешнее, с которым человек борется, с которым он противостоит, где существуют силы действия и противодействия, противоположно направленные силы. Допустим, некое давление – то, что является принуждающим фактором. Например: сила тяготения – это же реальность; то, что ты стареешь, это же реальность. В своих снах я могу не стареть, в своих снах я могу молодеть или летать. Но реальность говорит: ты стареешь, ты не можешь летать. Это реальность. Теперь, если это реальность, то в чём заключается её кризис? Кризис заключается в том, что исчезает момент противостояния. Противостояние значит, что, одной стороны, есть некий вызов, который на тебя давит, а с другой стороны, есть я – свидетель, который является достойным оппонентом, полюсом. Да, я проигрываю.

О. Д.: Протагонист и хор, как в древнегреческой трагедии.

Г. Д.: Совершенно верно. Я проигрываю. Я, конечно, не могу не стареть. Я старею. Я, конечно, не могу и взлететь. Я обречён законом тяготения. Но это применяется ко мне, и я являюсь достойным объектом, на которого это воздействует, потому что армия реальности меня преследует. Разные физические, моральные, психические и прочие фундаментальные законы – они не дают мне спуска. И я их отталкиваю, даже становясь преступником, я борюсь с этой реальностью, я бросаю ей вызов. И в этом смысле я переступаю какие-то законы и черты. В каком-то плане можно сказать, что первые воздухоплаватели или лётчики, братья Райт, были преступниками, потому что они нарушили закон тяготения.

О. Д.: Я бы сказал – чуть ли не богоотступники.

Г. Д.: В любом случае они бросили вызов этому закону, переступили его. И тем самым они технически преступники. Но происходит странная вещь: исчезает противостояние. В какой-то момент оказывается, что внешнее, которое давит, – есть, а то внутреннее, которое сопротивлялось, на которое это внешнее давило, его больше нет. Нет больше того субъекта, нет больше той точки, на которую со всех сторон шли эти стрелы давления. Человек исчез.

О. Д.: То есть нет условного, допустим, Леонардо да Винчи, который противостоял силам природы, пытался открыть новые механизмы, вот это вы имеете в виду?

Г. Д.: Нет больше человека, который ощущает себя чем-то отдельным и самостоятельным от общества. Существует огромное количество сделанных под копирку людей, которые с радостью даже не то что они себя ощущают, для них вопроса «ощущать – не ощущать» не существует, это их данность, как у кроликов, как у леммингов. Это некая данность, которая необсуждаема. Мы являемся винтиками общества. Мы являемся частью общества. Конечно, Аристотель говорил, что человек – это животное общественное. Конечно, Ленин говорил, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Но они не то имели в виду, когда это говорили. Современный человек, когда говорит о себе как о достойном члене общества, просто предполагает, что его бытие, его личное бытие является функцией от социума. Что он просто встроен в социум. Клетка же не может существовать сама по себе вне организма. Если выделить эту микроскопическую клетку, она просто умрёт. Потому что клетка вписана в ткань. Она является структурным элементом ткани, а ткань организована в более высокий порядок. Поэтому клетка не может мыслить о себе как о чём-то, играющем свою собственную роль, оппонирующем организму. Если она так думает, то это уже раковая опухоль, и её хирургически удаляют. Поэтому человек как отдельный игрок, который противостоит обществу, как некий антропологический полюс, сегодня не существует.

Общество – это же не антропология. Социальная антропология появляется только сейчас в результате того, что общество всё заплонило. Вообще антропология – это изуче-

ние человека, который на рисунках да Винчи – это макрокосм, образующий пятиконечную звезду. Он у Леонардо является моделью всей реальности. Но такой человек исчез. Кризис реальности – это исчезновение человека и поглощение его социумом.

О. Д.: Человек перестал быть самостоятельным, да? Если ещё несколько веков назад человек мог самодостаточно существовать, обрабатывать землю, охотиться, питаться, и больше ничего ему не нужно было, то теперь мы все настолько дифференцированы, что работник по установке пластиковых окон может делать только это. И он не сможет ни посеять хлеб, ни...

Г. Д.: Но это внешняя часть. Потому что, говоря теоретически, можно поставить этого офисного работника в такие условия, когда он будет вынужден, чтобы не сдохнуть, посеять хлеб или рубить какие-то дрова. Но дело не в этом. Дело в том, что его внутреннее самощущение является чистым забвением того, что он есть отдельное существо, что он есть монада, что он есть микрокосм, что внутри него есть некий центр свидетельства. Что он есть и великое небо над ним, и природа, противостоящая ему. Это исчезло. Потому что он находится внутри социума, как во сне. Общество стало для него таким сном, который стал явью. В нём нет зазора. Нет зазора между «Я» и «НеЯ». Это «Не-Я» приобрело характер ленты Мёбиуса, оно переливается внутрь него самого. Внутри него то же, что и снаружи. У него нет зазора. Он стал абсолютно пластиковым, как те окна, которые он делает.

Суть происходящего в следующем: почему этот процесс дошёл до такой степени, почему это наступление социума уничтожает человека полностью? Дело в том, что общество – это изначально тень Великого Существа, некоторые могут назвать его Богом, другие называют его сатаной, третьи называют его очень красиво: Люцифером или Аполлоном и так далее. Это Великое Существо. Просто не будем говорить страшных слов, потому что все образы Великого Существа, такого карикатурного зла с козлиной бородой, рогами и крыльями, они, конечно, являются инфантильными. А образы Аполлона, Зевса – это гораздо более близкие образы потому, что бытие как благо доступно человеческому сознанию, воображению. И человек стихийно воспринимает, что бытие и благо – это одно и то же. И бытие, и Великое Существо – это синонимы. Но в западных языках, по-французски, по-английски, между существом и бытием нет разницы. Быть – это существо как монада, это одно и то же. То же самое – being. Being – это и бытие и существо. Только в русском языке есть отличие, и в немецком тоже.

Так вот, это одно и то же: бытие и существо. Оно проявляется во многих зеркалах, зеркалах миров. А миры множественны. Причём, когда несчастный Джордано Бруно, которого сожгли за утверждение существования множественности миров, на эту тему рассуждал, его понимали и сейчас понимают в том плане, что он говорил о звёздах, которые сияют всюду. Что там тоже живут какие-то люди, что эта множественность миров существует в нашем пространственно-временном континууме. Но имелось в виду не это. В традиции имелось в виду не это. В традиции имеется в виду, что это пространственно-временной континуум, который является бездной окоём, в который помещены галактики, около Солнца вращаемся мы. Это просто один из листочков в бесконечной стопе листов или одно из зеркал в бесконечной анфиладе зеркал. Потому что таких миров, которые являются вот этим пространством, вот этой длительностью, очень много, и существуют другие пространства, другие длительности и другие закономерности. И вот во всех этих зеркалах отражается одно и то же Великое Существо. Отражается различным образом – некоторые зеркала дальше, некоторые ближе. Но в принципе всюду отражается одно и то же Великое Существо. И вот в данном случае это Великое Существо отражается в нашем мире, это в общем-то модель, архетип всего, что создано. Всё сущее создано по этой модели, по этому, как говорят, геному. И по геному тиражируется.

На самом деле, геном – это буква на клавиатуре пишущей машинки, а вот сюжет «Войны и мира» – это не буква на пишущей машинке, это не геном. Этот именно сюжет – и это уже очень высокий порядок конструирования. Этот конструктор – Великое Существо. По нему создана подобная «Войне и миру» масса романов. И вот оказалось так, что... Собственно говоря, Великое Существо, оно является лендлордом. Оно требует платы со всех нас за отражение его в этих зеркалах, за то, что мы существуем, и за то, что мы живём на этих местах – на Земле. Мы должны платить. И вот существуем мы, которые платим, существуют мытари, которые с нас берут.

О. Д.: Собирают.

Г. Д.: Собирают, да. Власть имущие – это те, кто собирают с населения ресурс и передают его сатане, Великому Существо. Но не будем пугать словом «сатана», потому что оно имеет определенную коннотацию, опять же, крылья, рога. А допустим – Аполлону сияющему.

О. Д.: А в каком виде они могут это передавать?

Г. Д.: Очень многообразно. Я приведу один очень прагматичный, очень практический, очень доступный пример. Государство – это единственная компания или фирма, которая производит убыток, то есть все спекулятивные, на воздухе основанные, жульнические, мошеннические компании, они создаются для того, чтобы в конце года показать рост. Государство же создаётся таким образом, что в конце года оно всегда показывает убыток. Почему? Если вы возьмёте простой пример: государство печатает деньги. Нет таких денег, которые бы не дешевели. Они дешевеют с разной скоростью. Они могут дешеветь вдруг внезапно, скачком, они могут дешеветь по капельке. Но и доллар, и юань, и фунт, и всё что угодно, рубль я уж там не говорю – они дешевеют. И дешевели в прошлом. В этом заключается природа денег. А если деньги напечатаны государством и дешевеют – что это означает? Это означает, что государство выпускает то, что называется «промысел норд», – это обязательство, расписка в том, что что-то взято в долг, долговая расписка, долговое обязательство. Теперь, эта долговая расписка, она стоит всё меньше и меньше. И некая масса денег вращается в обороте, а её надо пополнять и пополнять. Потому что каждая эта бумажка всё более и более худеет по отношению к той массе физических предметов, которые она может оплатить. Например: если это килограмм хлеба, то на следующий день уже 950 граммов, потом ещё и ещё меньше. И это без видимых усилий. А куда идут эти «худенья»? Непонятно. Но мы, как живущие под прессом государства, должны компенсировать этот зазор. Единица всё время дешевеет, и мы заполняем кровью и потом этот зазор. Чтобы эта денежная масса, которая растёт в количестве, продолжала покупать всё то же самое известное количество товаров. Значит, вот это заполнение куда-то исчезает. Это усилие, идущее от нас, где-то подвергается энтропии. Что именно мы отдаём государству? Это наше жизненное время, которое определённым образом оценивается и превращается в капитал. Этот капитал присваивается, он уходит. Но присваивается он кем? Не олигархами, не капиталистами, как ни печально это было бы слышать господину Марксу. Капиталисты отщипывают что-то на самом деле. Они такие же бедолаги, от которых точно так же отхватывают куски с боков и задницы. Потому что это юдоль человеческая. Все люди платят своим жизненным временем. А государство – это просто оформленный механизм, который порождает дебет и принуждает всех заполнять постоянно убывающую ценность тех знаков, в которых оценивается коллектив.

О. Д.: Очень хороший пример. Вы знаете, когда вы рассуждали на эту тему, я думал: деньги действительно бумага, и как мой труд превращается в бумагу? Или мои трудозатраты, моя жизненная энергия... Почему они превратились в бумагу?

Г. Д.: Можно заменить бумагу золотом. Не важно.

О. Д.: Да. Не важно, но есть какой-то предмет, в который превратился труд.

Г. Д.: Дело в том, что во времена Маркса труд учитывался по количеству затрачиваемого времени. Маркс считал, сколько рабочий проработал на заводе и сколько из этих часов идут на воспроизводство его и его семьи, сколько берёт капиталист, чтобы поехать в Куршевель, сколько пойдёт на воспроизводство производственного процесса. Это всё было подсчетом жизненного времени, проведённого за станком. А сегодня это не нужно. Сегодня всё жизненное время, в этом обществе, которое всё стало бытием, просчитывается, и оно всё – капитал. Даже у безработного. Потому что нет такой минуты у человека, который находится в муниципальной квартире, предоставленной ему муниципалитетом. Безработный лежит на койке, он думает, где бы найти косяк с марихуаной, чтобы выкурить, куда бы пойти с друзьями выпить пива, где можно найти шиллинг на лишнюю кружку. Это время оценено, и оно является потребляемым. Почему? Почему количество безработных не пугает систему? Потому что каждый безработный даёт работу сотням человек. Это соцработники, психиатрические лечебницы, бюро по трудоустройству, та же полиция, которая пресекает противоправные действия безработных, и так далее – то есть куча людей, связанных с государством как машиной по удешевлению стоимости денег, чтобы эти люди заполняли собой этот разрыв, эту пропасть. Куча людей работает потому, что один не работает.

О. Д.: То есть безработный косвенно является их работодателем.

Г. Д.: Да. Но при социализме говорили так: ты паразит. Мы тебя посадим, чтобы ты работал, ты тунеядец. А в западном мире не говорится, что ты тунеядец, потому что его работа как таковая – она никому не нужна. А нужно напрямую его время. Оно может быть проведено в офисе, оно может быть проведено в лаборатории, оно может быть проведено в пивной, или на диване, или с детьми в зоопарке. Но когда человек идёт с детьми в зоопарк, это время всё равно отчуждено, оно превращается всё равно в капитал. Потому что на капитал работает этот зоопарк и в принципе бесчисленные связи: культурное пространство, эти звери, за которыми ухаживает масса служащих. И вообще сама идея, что есть некие звери, которые культивируются этим социальным пространством, которых любят и презентуют этих зверей детям, чтобы они понимали, что не они одни населяют эту планету, а делят её с жирафами и львами. Всё это густо замешанное варево, всё это является экстрактом, высосанным из человеческой крови. И оно постоянно перегоняется Великому Существо. Но в конце концов возникает кризис. В данном случае – какой? Процесс прогресса – это постоянное повышение стоимости времени. Например: сколько стоит время неграмотного крестьянина, живущего в медвежьем углу? Очень мало. Он сам себе порты домотканые ткёт, его жена ткёт. Он там грибы собирает, никто ему не нужен, он никому не нужен. Его время стоит копейку. Он, может, раз в год приезжает на базар и продаёт эти чёрные грибы. А потом вдруг идут страшные преобразования: французская революция, русская революция, она вытягивает его в мегаполис. И там уже происходит совсем другая оценка его времени. Совсем другая оценка, где его превращают в участника социального процесса.

О. Д.: Вот там он и становится тем самым винтиком, в котором...

Г. Д.: Постепенно. Постепенно он становится этим винтиком. Через несколько этапов он лишается собственной сути, но его время дорожает. И вот он обитатель мегаполиса, у него час стоит столько же, сколько у его деда за год или всю жизнь. Время его дорожает. Переоценка идёт не только времени, но и старых вещей, созданных предыдущими людьми. Например, какой-нибудь дом или какая-нибудь вещь, на которую современник, построивший этот дом, сделавший эту вещь, второй раз бы не посмотрел и плюнуть бы не захотел, сегодня, попадая в руки антиквара, вдруг стоит огромные деньги, немыслимые деньги. Черепок разбившегося кувшина, который пролежал три тысячи лет в земле, и если его украсть из музея, то там поднимется дикий визг, дикий вой, Интерпол подключится. Потому что этот черепок может быть тайно продан каким-нибудь миллионером в Израиль и криминальным образом займёт место в тайной коллекции.

Идет постоянная переоценка всего сущего, всего имеющегося на Земле, в сторону повышения, и переоценка времени людей. Им говорят: впереди есть резервы повысить стоимость вашего времени, то есть раньше вы говорили по домашним телефонам, сейчас у вас уже есть смартфоны. Вы вступаете в гораздо большее количество связей, вы уже нигде не свободны.

О. Д.: Вас везде могут достать.

Г. Д.: Вас отлавливают на переходе, в машине. Но в какой-то момент наступает предел насыщения. В какой-то момент, когда человек, как белка в колесе, начинает вертеться в современном социуме с такой скоростью, что повысить это нельзя, наступает предел. Допустим, какой-нибудь французский хипстер или офисный планктон в Париже, который и в фитнес-клубе присутствует, и в какой-нибудь масонской ложе, и там и сям. В общем, и семья на нём висит, и кому-то он платит алименты, ну не выжмешь из него больше. Что делать? Есть ещё, конечно, огромная Африка, есть какая-то безумно бедная и ещё вся в медвежьих углах Латинская Америка. Но повысить их до уровня парижского хипстера – это чудовищные деньги. Большевики отняли бриллианты у принцесс, чтобы 150 миллионов мужиков превратить в современных людей. И произвести этот колоссальный рывок – повысить стоимость их времени. Но где взять этих принцесс, чтобы привести в состояние французских хипстеров 800 миллионов умирающих от голода негров? Этих денег нет в современном мире. И тогда хозяева мира принуждены решать сложные вопросы. Великое Существо требует каждый новый день большую плату за пребывание в этом мире, чем была до этого. Лендлорд приходит и говорит: вчера ты платил 2 фунта, сегодня ты будешь платить 3 фунта. Где их взять? Нет запаса для переоценки времени в нечто более дорогое, чем оно было до сих пор. В своё время я с Капицей говорил на эту тему, была у нас интересная тема для разговора, когда летели вместе. И он говорит, что в последнее время то, что суммарно выдает на-гора коллективное человечество – 6 миллиардов человек, – и творчество, и коллективный продукт, и ВВП, – не растёт. Идёт, как у умершего больного, вместо зигзагов ровная линия. Это, говорит, коллапс, потому что количество работающих людей реально не повышается. Задача состоит в том, чтобы, учитывая демографию, их всех нагрузить, вовлечь в деятельность. Но я с ним заспорил и говорю: «Да нет, расти больше некуда, у нас идёт перенасыщение жизненного времени, и возник разрыв. Есть люди, которые живут в аутсайде, за пределами мегаполисной макроистории, можно вытащить их оттуда и преобразовать их в современных работников... А какой процесс происходит сегодня? Их аутсайд используется для того, чтобы их нагрузить дешёвым производством. Идут в Китай, там они за копейку айфон производят. Хорошо. Теперь они получают больше и больше, уже их жизненное время возросло, тогда ищут, кто ещё может за копейку производить айфоны. Китай уже сам хочет выводить производство за пределы своей страны. Но, извиняюсь, есть регионы, в которые с айфоном не пойдёшь. В Африку с айфоном не пойдёшь. Можно в Малайзию прийти, можно в Индонезию. Но в Африке не будут производить айфоны. Африка – это психофизиологически другое пространство, оно намного пока ещё свободнее. Их нельзя поставить к таким станкам, к конвейеру в белых халатах, потому что, как мы знаем, были бунты в Китае на заводах Apple, там такие страшные бунты происходили. Потому что там были нечеловеческие условия работы. Время от времени происходили взрывы, но в целом работники терпели. Но Африка с самого начала не будет терпеть. И тут для хозяев мира тупик. Хорошо. Тогда хозяева мира говорят так: «Первое – мы не будем платить Великому Существу, а будем делать вид, что мы – это и он тоже. Что Великое Существо как бы стало нами. Это первый момент. А второй момент – надо сливать всех тех, кто не может подняться до уровня парижского хипстера. Надо их сливать, нужно этих людей выносить за скобки. Потому что они являются балластом. Они живут, но каждый час жизни африканца стоит дороже, чем он производит. Африканец употребляет на 3 цента, а выдаёт на 1/2 цента или вообще не выдаёт.

Ну зачем он нужен? Хотя понятно, что все эти продвинутые – золотой миллиард – живут за счёт ограблений, за счёт неэквивалентного обмена с этим миром. Но с точки зрения оценки времени картина складывается другая.

О. Д.: Вы знаете, вы сейчас рассуждали об Африке, и я задумался вот о каком вопросе: ведь последние несколько десятков лет Запад уверенно уходил из Африки. На те самые колониальные завоевания в Южной Африке, на те места, где были бизнес-центры, пришли, условно говоря, негры из джунглей и стали там разводить костры. Я читал душераздирающие подробности о том, что племена стали использовать шахту лифта в качестве туалета, и так далее. Я подумал сейчас, почему белые стали уходить из Африки? Разные были гуманитарные лозунги: «Пусть сами там живут, а то несправедливо их угнетали, эксплуатировали» и так далее. Но Запад всегда был прагматичным господином.

Г. Д.: Ответ очень простой. Например, до какого-то момента колонии давали больше, чем брали, то есть французская Африка помогла Франции стать великой державой. Камерун, Сенегал. За счёт ограбления и вывоза естественных ресурсов Франция поднялась, а жизнь людей, которые там существовали, стоила гораздо меньше, чем та руда или те бананы и коксовые орехи, которые вывозились. Но в какой-то момент технологии в неэквивалентном обмене стали стоить столько, что один грузовик стал обмениваться на весь урожай кокосов целого Сенегала. Для того чтобы оплатить какую-то технику в этом Сенегале, нужно всему Сенегалу урожай выращивать. И там руда стала стоить очень дешево, а технологии стали стоить очень дорого. Поэтому жизнь этих людей стала не оправдывать себя. Содержание колоний стало затратным.

О. Д.: Африку ещё надо охранять, лечить...

Г. Д.: И не только. Сама администрация обходится дорого. Короче говоря, оказалось, что Франция должна содержать свои колонии. Тогда надо предоставить их самим себе. Пусть они разбираются с собой как хотят, а потом всё равно всё, что у них есть, они принесут и отдадут потому, что грузовики им нужны. Мы вам дадим грузовики, а вы нам за грузовик четыре тонны кофе, который надо выращивать трудами и бесконечным потом. Раньше кофе был очень дорогой, а необходимость в грузовике относительна. А теперь необходимость в грузовике безусловна, способы его производства секретны и недоступны в странах третьего мира и, условно говоря, кофе стал дешевле. В результате возникает вопрос: не сделать ли шаг дальше? Потому что все 5,5 миллиона человек висят балластом, с одной стороны. А с другой стороны, хозяева мира решили притвориться, что они и есть целое бытие. Небо – оно здесь. Всё – здесь. Природа – это министерство природопользования и экологии. Бог, Олимп – это Ватикан. Всё, что было объективным, что находилось за пределами этого человеческого пространства, всё стало «здесь», и всё стало институтом, социальным институтом. Давайте возьмем это всё под контроль. А для того чтобы происходил рост, потому что всё равно надо покрывать, перейдём к умной экономике. Потому что если люди сидят за компьютерами и производят всё, что надо производить, с помощью головы, то можно же написать любые цифры в конце. Можно пересчитать ценность времени, которое они проводят за компьютером, не считаясь с тем, сколько и как они потребляют. Здесь уже появляется свобода для манипуляций. Если избавиться от навязчивого физического мира и превратить всех в рабов умной интеллектуальной экономики, тогда уже можно манипулировать цифрами, и тогда будет получаться, что прогресс всё ещё продолжается. Хотя это уже коллапс. Это уже предельная черта, за которой идёт смерть.

О. Д.: Очень интересно мы сегодня поговорили про нечеловеческий фактор, который то ли мало кто фиксирует, то ли мало о нём говорят. Действительно социум превратился в Рок...

Г. Д.: Социум стал Роком, и это приводит к тому, что...

Человек переживает кризис. Потому что человек перестал быть той антропологической микрокосмической фигурой, которая самодостаточна, которая является неким центром и вокруг которого всегда есть большая среда обитания. Сознание заменяется матрицей, мышление заменяется коммуникацией, это всё тоже аспект современного кризиса реальности.

Но в основе этого кризиса реальности лежит исчезновение противостояния, то есть превращение всего в гомогенную социоткань. Помните, у Зиновьева была книга, по-моему, «Человейник».

О. Д.: Что-то такое помню. Муравейник заменился словом «человейник».

Г. Д.: Но на самом деле тут всё страшнее. Потому что муравьи – это функциональные элементы. Здесь уже людей нет. Точнее, они есть, но эти пугалки с массой спешащих машин, индивидуумы, это всё пугало 60-х годов. Зиновьев остался в шестидесятых. Сегодня скорее можно наводить зум, как делают некие современные режиссёры, на проблемы пары, проблемы какого-то маньяка, не важно.

О. Д.: Получается, что социум – это жизнь в туалете со стеклянными стенками.

Г. Д.: В общем, да. Где просто наведение зума, да и индивидуализм и нарциссизм не спасают человека. Потому что нарциссизм не делает его личностью, не делает его субъектом, не делает его центром противостояния. Тот факт, что он нарцисс и что он многое о себе понимает как индивидуум, не делает его чем-то большим, чем манекен.

Глава 13

Человеческий фактор

Человеческий фактор в бытовом языке рассматривается как синоним ненадёжности, нестабильности... Что-то не получилось в большом проекте – как правило, «человеческий фактор» виноват. В таком бытовом обобщении заложена метафизическая истина двойственности человека. Двойственность – она в человеке исходна. Человек представляет собой прежде всего глиняную куклу, созданную по «образу и подобию» сатаны. Причём если сатана (для глиняных людей, конечно) грандиозен и светел, то его «образ и подобие» представляют собой довольно удалённую от оригинала, мятенскую пародию.

Но! Есть фактор... Фактор языка, который принесён Адамом, сочетавшим в себе конституцию глиняной куклы и частицу Духа Божьего. Адам принёс глиняному человечеству язык, то есть подключил их к своей искре Духа.

Однако лишь малый отряд пошёл за первым пророком. Остальная масса кинулась с воплями о прощении к своему архетипу, который, кстати, является отнюдь не глиняным (как говорит сам сатана в Коране, обращаясь к Творцу: «Ты создал меня из огня...»). Предательство людишек, переход их глиняной толпы на его огненную сторону вполне устроили сатану как частичный начальный успех в борьбе с Духом. Ведь человеческие существа унесли с собой адамическое наследие: язык.

Сатана приказал людям использовать язык для того, чтобы лгать. И этот факт создал цивилизацию. Цивилизация – это такое пространство, в котором почти любое высказывание оказывается ложью. Сатана разделил людей на несколько категорий, среди которых выделяются те, кто творчески производит ложь, и те, кто бездумно повторяет её штампы. Существ, которые являются бездумными повторителями штампов, вероятно, больше 90 %. Всё, что делают эти существа, принадлежит к механическому воспроизводству придуманных наверху стандартов. Бесконечное производство селфи, постинг описаний съеденного и выпитого и прочих неудобосказуемый маразм подобны потоку омерзительной грязи, заливающей человечество.

Вернёмся, однако, к метафизике человеческого фактора. Язык, даже в самых brutальных извращениях, всё равно остаётся языком. Он – единственное зеркало, отражающее Дух Божий. Поэтому, поскольку человек участвует в цивилизации, используя язык против самой сути языка, он является врагом Бога и рабом сатаны. Поскольку же, пользуясь языком, он сохраняет виртуальный шанс примкнуть к последователям Адама, возникает зыбкая двойственность в вопросе воздаяния этому глиняному существу за его преступление. Нужно следствие и нужен суд! Причём это следствие и этот суд, это ожидание неотвратимой расправы с человечеством как коллективным вечным Иудой, составляет вторую скрытую сторону человеческого фактора. Зыбкость и нестабильность самого человека, форм его организации, всего, к чему он прикасается, вырастают в гигантскую монументальную проблему. Исторический сюжет становится проблематичным. Кастинг «героев», предназначенных для игры на мировой сцене, становится проблематичным.

О. Д.: Сегодня мы поговорим о человеческом факторе, попробуем с ним разобраться.

Г. Д.: Добрый день. Да, это следующий цикл, и он посвящён человеку в достаточно сложных деталях его организации. Но почему мы назвали беседу «Человеческий фактор», а не просто, скажем, «Человек». Дело в том, что речь здесь идёт не о человеке как таковом,

а о человеке как сложном динамическом наборе элементов влияния, векторов воздействия, соединённых определённым образом в одну точку. Как вы совершенно правильно сказали в начале, социум выступает в роли нечеловеческого фактора. Социум – это рок и одновременно это Бытие, социобытие. Интересно, что вначале, на заре человеческой истории, рок представлялся в виде косы, которая ничтожит, а Бытие, наоборот, было позитивной ценностью, которая утверждается, но подвергается риску со стороны ничтожащего рока. То есть Бытие выступало неким цветением, против чего выступала коса негатива, ассоциирующаяся со временем. В конце истории, в наши дни, в социобытии произошло слияние этих двух ранее противостоящих друг другу полюсов. Рок и Бытие соединились в социобытии, или социуме. Общество теперь одновременно и Бытие, и рок, который ничтожит.

О. Д.: Да. И косит своей косой отдельных индивидов, которые поднимают голову над общим полем.

Г. Д.: Косит своей косой всех, потому что наличие общего поля – это уже есть факт ничтожения. Но что же такое человеческий фактор и в чём состоит проблема человека? Человеческий фактор – это то, что противостоит социобытию. Социобытие, общество живёт только за счёт того, что оно отчуждает, берёт от человека, превращая его в некую питательную массу, которую оно усваивает. Человеческий фактор сам по себе – очень любопытная, причудливая вещь. Потому что, с одной стороны, человек выступает как объект, как вещь. В некотором смысле это просто физическое присутствие. С другой же стороны, он претендует на то, чтобы быть субъектом. А это практически соединение огня и воды, это взаимоисключающие вещи. Многие мыслители полагают, что объект и субъект – это как две половинки магдебургских полушарий, которые, соединяясь, дают эффект полноты. Но это абсолютно не так, потому что каждый из этих полюсов, как объект, так и субъект, претендует на исчерпывающую тотальность, иначе и смысла о них не было бы говорить как о полюсах реальности. Это исчерпывающая тотальность, каждая сама по себе, но в силу определённых обстоятельств, которые пока мы не будем расшифровывать, они сводятся вместе.

Но что же такое субъект в чистом виде? Абсолютный чистый субъект – это Всевышний. То есть это непостижимый трансцендентный субъект, который тождествен тому, что с точки зрения восприятия является невозможным, внебытийным, неподвластным ни воображению, ни аналогии либо какой-нибудь ассоциации. Субъект – это чистая дыра реальности.

Что такое объект? В самом широком смысле это всебытие, которое охватывает все возможные состояния и которое в наиболее глубокой своей парадигме есть игнорирование субъекта или, точнее, декларация его отсутствия. Бытие есть утверждение, что Всевышнего нет. Бытие есть просто-напросто некая реальность, в которой нет ни знания, ни памяти, ни опыта, ни намёка или допущения того, что есть Всевышний.

Человек имеет в себе нечто от Бытия и нечто от Субъекта, и это создаёт для него крайне неустойчивую позицию. Что в нем, собственно говоря, есть от субъекта? От субъекта в нём есть сознание. Искра сознания внедрена в его объектную массу, в его субстанциональную глиняную конституцию и является чем-то противоположным по своей сути его воплощённой данности. Как объект он, естественно, является соединением пяти возможностей, универсальных фундаментальных возможностей, присутствующих в любом феномене. Первая – человек индивидуален, каждый человек есть абсолютно уникальная данность в самом brutальном смысле. Второе – человек тиражируем, он представитель вида, как экземпляр внутри тиражируемой бесконечно повторяемой аналогии. Третья возможность – его конечность, то есть его не было, и его не будет. Четвёртая возможность – возможность гибели вида, ведь этот вид не является безусловным императивом, тождественным вечному бытию. Этот вид тоже возник и тоже может исчезнуть. И наконец, пятая возможность – эсхатологическая возможность конца мира, конца всех вещей, возможность «ничто». Все эти возможности присущи всем предметам. Мы берём чашку, мы видим, что она есть «здесь и теперь»,

только вот эта чашка и ничего более. Далее мы прекрасно понимаем, что на месте этой чашки может быть любая другая. Далее мы прекрасно понимаем, что мы можем разбить эту чашку и её не будет. Далее мы понимаем, что эта чашка вообще может не существовать как вид, то есть чашек может не быть как таковых. И наконец, из всего этого следует, что раз чашка – предмет, то может вообще не быть никаких предметов. То есть на месте всех предметов может быть их отсутствие. Но в чём проблема с человеком? В случае чашки все эти возможности абсолютно идентичны и абсолютно тождественны между собой, то есть наличие этой чашки как уникальной тождественно отсутствию всех предметов вообще. В случае же с человеком ситуация иная – у человека либо одна возможность выступает вперёд, либо другая, либо третья и так далее. Либо человек – законченный индивидуалист, который в своём уникальном самоутверждении исключает некую аналогию между собой и любым другим объектом, либо же это человек рода, не имеющий индивидуального сознания и мыслящий родовыми категориями. Либо же у человека чересчур развито ощущение своей финальности, и он заиклен на идее своей смерти, как, допустим, монах-старец, который ложится в гроб и ждёт своей смерти. Либо же человек является серийным убийцей, маньяком, который бросает вызов всему своему виду, ходит с топором и рубит себе подобных. Наконец, есть просто эсхатологи, которые ориентированы на конец мира и ждут этого конца, и эта возможность в них является доминантной. Почему так происходит? Потому что внутри человека есть искра сознания, есть принцип, который совершенно не тождествен бытию. Причём эта нетождественность, эта оперативная точка несовпадения ни с чем является главным моментом. За счёт этого существует феномен понимания. Эта точка нетождественности ведёт игру и делает ставку то на одну из этих пяти возможностей, то на другую.

О. Д.: Я правильно понимаю, что, есть эта чашка или нет, во многом зависит от решения человека? Ведь за счёт того, что в нас есть искра разума, мы способны понять эту чашку именно как чашку. Я помню, что как-то столкнулся с простым математическим доказательством бытия Бога, которое заключалось в том, что любой объект состоит из двух частей – одна предъявлена нам, а вторая существует как вещь в себе. И если мы знаем, что есть Бог, и у нас есть о нем какое-то представление, то было бы логично заключить, что он действительно может присутствовать.

Г. Д.: Вы коснулись очень важной проблемы, к которой я только готовился подойти. Потому что сознание как искра оппозиции сущему может проявить себя только через язык, который является даром Всевышнего. А язык – это имена, это набор имён, который представляет собой концепты. Собственно говоря, чашка не существует вне имени и концепта чашки, так как иначе это просто пятно Роршаха, это просто некий феномен, который существует до идеи о себе как о чашке. Этот феномен существует как чашка только в имени, а имя дано в языке. Наше представление полностью исчерпывает эту чашку. За пределами нашего представления есть неизвестно что, некий всплеск хаоса. Весь мир благодаря языку организован как некая огромная шахматная доска, где человек выступает в качестве актёра, у которого есть некая роль. Эта шахматная доска разбита на чёрные и белые клетки. Сейчас я поясню, что имеется в виду. Когда человек вбрасывается в этот мир, с процессом усвоения языка через контакт, через боль, через приятное – неприятное, через восприятие слов языка от матери, у него возникает различие «Я» и «Не-Я». Условно говоря, пусть «Я» будет белой клеткой, а «НеЯ», как среда, отличающаяся от тела человека, – чёрной. Сцена, на которую попадает новорожденный, разбита на эти клетки, и человек движется по ним, переходя из света в тень и обратно. И каждый раз это бывает ситуативно. Нам кажется, что «Я» – это перманентный фактор, который мы отождествляем с собой как понимающим субъектом, но это не совсем так. «Я» существует как некая производная от субъектности, но субъект или сознание, как точка нетождества, равно чужд как «Я», так и «Не-Я». Субъект внутри нас, как точка нетождества, противостоит нам как телу, нам как психической монаде, нашим эмо-

циям, нашим страданиям, нашей боли. В принципе давно известно, что всегда можно уйти в некие глубины себя, в некий центр себя, где человек эмансипируется от своих ощущений и переживаний.

О. Д.: Да, это известно. В индуистской традиции есть понятие о нирване.

Г. Д.: Условно говоря, это нирвана, но я бы использовал здесь свой любимый образ — когда человек входит в тёмную комнату и кто-то кладёт ему сзади на плечо руку или человек видит неожиданно в тёмной комнате какую-то тень. Он испытывает некий адреналиновый шок, его как бы подбрасывает и встряхивает. В этот момент человек перестаёт воспринимать что бы то ни было, кроме своей возможности восприятия. Я бы сравнил это с ощущением чёрной дыры внутри себя. Это длится буквально какие-то доли секунды, и если бы эта импрессия длилась дольше, можно было бы умереть от разрыва сердца.

О. Д.: На что я в первую очередь обращаю внимание? Человек ведь всегда пытается проанализировать себя и сам в себе разобраться. Но ведь дело-то в том, что он пытается понять себя изнутри системы. Для истинного понимания требуется выйти за границы этой условной системы и взглянуть на неё снаружи. Я не раз сталкивался с этой идеей невозможности проанализировать систему, находясь как бы в её координатах. Как можно справиться с этой ситуацией? Как мы можем понять человеческую искру, если находимся внутри замкнутого шарика?

Г. Д.: В какой-то момент человек обнаруживает, что он подвержен колоссальному давлению извне. Он является той точкой, на которую со всех сторон направлены стрелки мощнейшего прессинга. Можно сравнить это с неким батискафом, который опускается на колоссальную глубину, и чудовищная масса воды давит на каждый квадратный сантиметр поверхности этого батискафа. Я говорю не только о социуме, я говорю о некой реальности, которая нас окружает.

О. Д.: То есть, замеряя это давление, можно что-то понять?

Г. Д.: Конечно, ведь если человек лежит в тёплой ванне и переходит в некую полудрёму, то понять он ничего не может. Он уже переходит в состояние эйфории, беспроблемности, где разница между «Я» и «Не-Я» исчезает. И то чувство, которое Фрейд называл океаническим блаженством, присущим зародышу в материнской утробе, это как раз то сладкое состояние золотого века, к которому люди якобы, по Фрейду, инстинктивно стремятся. А когда они рождаются, они сталкиваются с очень жёстким миром, ярким светом, громкими звуками. И вот этот прессинг проявляется в массе разных факторов: встрече с классным руководителем, агрессивными соучениками, грубыми прохожими. Весь мир оказывается очень неприятным и шероховатым, это хорошо у Диккенса изображено. Это мир, в котором совершенно нет приюта израненной душе. Вот это и есть противостояние «Я» и «Не-Я», та сфера, где искра сознания, искра нетождественности ничему, ведёт свою игру, и ведёт её через язык. И оказывается, что, как игрок, искра сознания имеет против себя очень опасного и по-своему разумного оппонента. Бытие — это не просто хаос, не просто набор неких возможностей. Эта некая структура, которая является антимыслью, потому что принципом этой структуры является тождество всех возможностей. И всеохватывающая полнота этих возможностей — не что иное, как то, что некоторые философы называют мудростью. Что такое мудрость? Это представление о том, что любые усилия, любые тенденции имеют равные встречные контрусилия и контртенденции, что в итоге всегда даёт ноль. Куда бы ты ни пошёл, влево или вправо, ты всё равно придёшь туда, куда должен был.

О. Д.: Именно в связи с этим, видимо, возникло понимание закона сохранения энергии, который является одним из основных законов Вселенной.

Г. Д.: Другой формой этого представления является учение о тождестве — всё частное тождественно тому целому, из которого оно происходит. Маленькая пылинка тождественна целому абсолюту, и без него она не могла бы существовать. Это в принципе дословесная

доктрина, дословесное знание, которое не нуждается в языке и враждебно ему. И оно играет, естественно, против сознания. Человек как такая нестабильная структура этих пяти возможностей, когда он выступает и как уникальное, и как родовое, и как конечное, и как связанное с концом всего вида, и как эсхатологическое существо, – в этом плане он ненавистен бытию. То есть человек является нарушением гармонического порядка мудрости. Потому что человек явно претендует на то, что не все усилия в любом направлении в конечном счёте дают ноль. У человека есть возможность выскочить из этого круга абсолютной гомогенности мудрости. И мудрость совершенно сознательно его преследует и давит. Но когда мудрость превращается в общество – это уже иной порядок вещей.

О. Д.: Социум берёт на себя эти функции?

Г. Д.: Да. Это уже совершенно иное – диалог между человеком и обществом. Мы включены в некий сюжет, в котором на последнем его этапе проговорена и обозначена возможность о выходе из этого заколдованного круга рока. Но для этого нужны такие исключительные условия, исключительные обстоятельства, что это практически равнозначно чуду. И раз за разом мы можем повторять всю эту ситуацию и срываться вниз. В связи с этим я напомним миф о Сизифе. Вот интересно, в конечном счёте может ли Сизиф закатить этот камень наверх так, чтобы он там остался?

О. Д.: Если я не ошибаюсь, нет, в этом же состояло его наказание.

Г. Д.: Да. Но, кроме того, миф о Сизифе был использован Альбером Камю как некий парафраз нашего существования. Мне нравится такой глубокий подход, только я бы сказал так, что в этом закатывании камня на вершину заложен бесконечно малый шанс того, что этот камень останется на вершине. Иначе само его закатывание было бы бессмысленным. Собственно, вся наша история – это один из циклов этого закатывания. Существует разделяемое многими традиционалистами представление о том, что нынешнее человечество – это одно из человечеств, которому предшествовали другие и у которых ничего не получилось. И каждый такой цикл, каждая история от Адама и до конца света – это акт Сизифова закатывания этого камня на вершину. И каждый из нас со своим «Я» и «Не-Я», со своим переходом, как пешка, с чёрной на белую клетку, является игроком в этой колоссальной игре, где его оппонентом выступает Бытие с большой буквы, Бытие как объект, который притворяется живым, но в действительности является мёртвым. Собственно говоря, если продолжить эту аналогию, булыжник или валун, который закатывает Сизиф, в своей инертной и враждебной отчуждённости и есть Бытие, это парафраз Бытия. Сизиф закатывает Бытие на вершину. Оно срывается вниз по законам энтропии, что является реализацией всеобщего принципа инерции, но он снова закатывает и закатывает, потому что в нём есть вот эта нестабильность, это неверие в торжество мудрости. Бытие как камень – это очень глубокое понимание предмета. Есть несколько аспектов, позволяющих всерьёз настаивать на этой метафоре. Во-первых, Бытие представляет собой нечто хаотическое. Валун – он аморфен, он представляет собой такой досознательный и доязыковой феномен, нечто абсурдное, абстрактное и тяжкое. Во-вторых, это нечто внеположенное и враждебное. То есть по всем параметрам образ валуна соответствует Бытию. Но здесь всё время блещет эта искра надежды. Представьте себе, что валуном становится общество. Огромная враждебная и аморфная суть обретает структурированность, способность использовать язык, отнимает у человека целый ряд таких элементов, как воображение, способность оперировать терминами, рациональность. Этот валун является не просто какой-то массой, но агрессивным и активным игроком.

О. Д.: Да. Но если мы возьмём эту аналогию с валуном, то появлялись же какие-то люди, которые меняли судьбы общества, то есть докатывали-таки валун на вершину. В первую очередь я имею в виду пророков или основателей религий, которые могли изменить ситуацию. Ведь было это?

Г. Д.: Да. Они оставляли человечеству вероятность того, что шанс есть. Но камень всё равно срывался вниз. То, что Сизиф докатывает его почти до самой вершины, заложено в само описание мифа, иначе и говорить было бы не о чем. И в этом случае максимум успеха, конечно, связан с линией пророков. Но с каждым разом это закатывание даётся всё сложнее, как в страшном сне, где валун, который сначала был пассивным и послушным, становится чем-то живым, агрессивным, вырывающимся из рук, навязывающим собственную волю, вступающим в убийственный смертельный диалог с Сизифом. И только чудо может помочь Сизифу выполнить свою миссию. Само по себе Бытие мертво, это абсолютно мёртвый валун, хотя оно может казаться живым. Для очень многих людей Бытие – это чудесная весна, проявляющаяся самыми разными сторонами, цветением, сезонностью и т. д. Но если мы посмотрим на это сверху глазами Духа, то увидим абсолютно мёртвый инертный валун. Единственная точка, которая придаёт всему этому цветение, невероятный потенциал, эстетику и структурирование, – это человек, которому дан язык, имена, и в этой системе языка заключён потенциал божественного воображения. Каждое слово, которым мы пользуемся, есть созданная с нуля из ничего вещь, и мы пользуемся продуктом творения. Когда мы говорим «дерево», мы не называем нечто существующее вне нас, мы пользуемся термином, который был создан Всевышним и дан нам в виде этого слова, а никакого дерева на самом деле нет, есть просто клякса, которая в наших глазах стала деревом.

О. Д.: Да. В тот момент, когда мы его обозначили, оно и появилось. Если бы мы его не обозначили, мы бы его просто не увидели.

Г. Д.: Так же, как мы не видим массу предметов, названия которых мы не знаем. Мы проходим мимо них, не обращая внимания. В одной интересной книге «Заблуждение спиритов» Рене Генон, знаменитый французский традиционалист, пишет, что, даже если когда-нибудь людям удастся совершать межпланетные путешествия, напрасно рассчитывать на встречи с живыми существами, так как всё, что есть реального и живого на других планетах, не имеет для нас имён, и мы ничего не сможем заметить, кроме безжизненного песка.

О. Д.: Я понимаю. Рентгеновские лучи, к примеру, существовали и раньше, хотя, пока их Вильгельм Конрад Рентген не открыл, про них никто не знал, они не имели имени.

Г. Д.: Тут вопрос большой – существовали ли они до того, как их открыли.

О. Д.: Да, это один из самых интересных вопросов. Или другой пример – это излучение урана.

Г. Д.: Никто же не знал в XVIII–XIX веках об этом. Никакой проблемы гибели от излучения не было. Как только открыли – появились сразу смерти от облучения. Так что человеческий фактор, если переходить к нему от предыдущей нашей темы – «Нечеловеческий фактор», – это точка нестабильности в абсолютно инертной массе объекта, точка прорыва в объекте. Хотя это само по себе очень далеко от истинного субъекта, это виртуальная субъектность, это шанс, это всего лишь обещание.

О. Д.: Маленькая искорка и надежда на чудо. Ну что же. Этой передачей мы открываем цикл «Человеческий фактор» программы «Разговоры с Джемалем».

Малый отряд, который во все времена следует за линией пророков от Адама, может освободиться от клейма этой проблематичности, только объявив человеческому фактору беспощадную войну.

Глава 14

Гипнотическая мощь реальности

Люди сформулировали понятие «реальность» как нечто противоположное фантомности, виртуальности, условности. Это то, по чему можно «постучать». Реальность неизбывна. Вместе с тем все эти представления есть не что иное, как описание. Самое начальное, с чего делают первый шаг, – безусловность реального – есть описание. И дальше идут одни описания. Реальность – это непротиворечивое собрание описаний.

Описания же возможны благодаря языку. Описания создаются внутри огромной площади макроязыка, как некие островки и «большие континенты», существующие на карте.

Но язык не для того сообщался Адаму Аллахом, чтобы строить всевозможные реальности, а для того, чтобы вне всякой коммуникации, в чистом одиночестве своих индивидуальных душ размышлять о Всевышнем, мечтая отразить в зеркале языка хотя бы тень Его заповедного замысла. Вот сколько было дано человеку! Вместо этого он расходует язык на описание реальностей, которые не имеют ничего общего у аборигенов Австралии и итальянцев, скажем, чистенького Милана. Арабы живут в одной Вселенной, а евреи – в совершенно другой. И нет ничего, обо что все эти разные люди могли бы «постучать». Каждый камень, каждая звезда на небе, каждая банкнота совершенно разнится для этих существ.

Но некому сказать – нет всеобщего учителя – о том, что, дескать, все вы живёте в разных мирах. Даже мусульмане грешат выковывыванием особо крепких преград там, где они находятся, чтобы остаться в своём описании.

Конечно, есть очень маленькая часть тех, которые не поддались обработке всех этих «институтов», цепко опутывающих человеческое сознание. Эта малая часть спасается от того, чтобы быть поглощённой каким-то описанием, с помощью Святого Корана. Эта малая часть смотрит в Коран, читает его. А Коран есть антиописание. Демонтаж реальности. Именно поэтому битва против чудесной книги на протяжении 1400 лет не привела ни к каким результатам. В Коране не изменена ни одна точка, ни одна буква. Есть силы, которые хранят его от этого.

Однако вне этого круга, вне тех, кто не просто читает, а ещё и понимает Коран, мечется бедное человечество. Можно поставить любопытный вопрос, было ли внезапное возникновение языков, разобившее строителей Вавилонской башни историей создания разных описаний. Человечество подчиняется языку. Язык имеет над ним огромную силу. И до тех пор пока человек, служа сатане, будет использовать язык для лжи, язык, в свою очередь, будет держать его сознание в плену описаний.

О. Д.: Сегодня мы продолжим цикл «Человеческий фактор», и тема нашего сегодняшнего разговора – «Гипнотическая мощь реальности». Ну что же? С чего начнём?

Г. Д.: Мы продолжим предыдущую беседу, раскроем то, что было начато тогда. Я напомню, что предыдущая беседа была о том, что центром и главной темой человеческого фактора является время. Само по себе явление времени принципиально отличается от длительности, поскольку длительность хаотична, она не имеет внутреннего сюжета, а время существует как некий сюжет, как сценарий, потому что время предполагает финал. Это финальность человеческого существа, связанная с его двойственностью, – «бытие и сознание». Но, как мы упоминали, эта двойственность – «бытие и сознание» – является проблемой не только человека, но прежде всего самого бытия, в которое человек помещён как пятая

колонна, как агент, который состоит большей частью из бытия, но внутри него есть некая оппозиционная искорка сознания. И бытие на это реагирует крайне негативно, потому что эта искра сознания – она как песчинка, попавшая в моллюск. Моллюск отвечает на это выделением секрета, которая эту песчинку обволакивает.

О. Д.: И из песчинки может появиться жемчужина, а может – опухоль.

Г. Д.: В данном случае я не хотел бы уходить в гламур, потому что скорее выделяется гной. И этот гной является как раз тем, что мы называем реальностью. Я хотел бы остановиться на следующем очень важном вводном пункте. В обыденном сознании всех людей реальность и бытие эквивалентны, взаимозаменяемы и синонимичны. Когда говорится «бытие», то имеется в виду реальность, когда говорится «реальность» – имеется в виду бытие. Но это принципиально разные вещи. Ведь моллюск принципиально нетождествен этой жемчужине. Жемчужина – это как раз результат выделения секрета, это защитная реакция моллюска. Бытие представляет собой тень провиденциальной божественной мысли, оно как бы антимысль. Тут я имею в виду некоторые понятия и категории, которые могут кому-то показаться спорными. Мысль и идея – это принципиально разные вещи. Мысль Всевышнего основана на апории, на неравновесии, на не тождестве. А идея, о которой говорил Платон, о которой говорил Гегель, – это прежде всего концепция, это структура, конструкт, который основан на тождестве. Что значит на тождестве? Любая точка манифестации внутри бытия равна всему бытию в целом. «Всё» равно «всему». При этом бытие апофатично. Нельзя определить, что такое Бытие. Это многие отмечали, это Хайдеггер отмечал. Оно неуловимо. Нельзя сказать, что Бытие есть. В каком смысле есть? Оно есть так же, как и какой-то мелкий объект? Как какой-то феномен, ангел, бес, дерево, куст? В этом смысле нельзя сказать, что Бытие есть. Берёшь щипцами какой-нибудь объект, который можно потрогать, – вот он есть. Несмотря на Парменида, который говорил, что Бытие есть, а небытия нет, к Бытию неприменим этот предикат «есть», потому что Бытие прежде всего не имеет определения, оно не определяемо. Заяц, дерево определяемы, они имеют границы, они описываемы, а Бытие не описываемо, но при этом оно внутри себя конечно. Числовой ряд нам представляется бесконечным, но это ложное представление, это то, что Гегель называл «дурной бесконечностью». Числовой ряд никогда не кончается, но это не значит, что он бесконечен. Так и Бытие представляет собой анфиладу зеркал, которые отражают сами себя, и поэтому создаётся впечатление бездонности, разворачивающейся бездны, но это конечная вещь. Здесь начинается фундаментальная ложь. Бытие – это фундаментальное условие ошибки, фундаментальное условие лжи, которая раскрывается тем, что туда через человека всё-таки вбрасывается искра Духа, оппозиционная всему.

Теперь, если мы говорим о реальности, то реальность представляет собой не что иное, как описание. В принципе реальность – это система описаний. Люди думают, что описание – это нечто субъективное, а вот реальность – это то, что можно потрогать. Это заблуждение. Реальность – это описание, которое можно потрогать, потому что мы можем потрогать только то, что описано.

О. Д.: Понятно. Если мы отдаем себе отчёт в том, что вот это стол со стеклянной столешницей, то именно в таком виде мы это и можем сформулировать. И описывать его мы можем только теми понятиями, которые уже есть.

Г. Д.: Да. Но описания бывают разнообразными. Вот, к примеру, такой вопрос: а мифы – это реальность? Да, это реальность, потому что это описание. Какие другие описания есть? Наука. Наука – тоже описание, но противоположное мифам. Она насквозь фальшива, подобно мифам. В каком-то смысле, наверное, мифы имеют даже больше права на существование, чем наука. Мифы соответствуют своему назначению, они предполагают некий символизм. Они не утверждают свою тактильную физическую достоверность, но отсылают нас к внутренней, не здесь находящейся правде. И в этом смысле условно они непогрешимы.

А наука говорит: раз мы сказали, что есть определённый закон, значит, это объективно. На самом деле это не так, потому что каждые два поколения научная картина мира полностью меняется, одни описания заменяются другими.

О. Д.: Здесь я соглашусь. Действительно, вначале верили в землю на черепахах.

Г. Д.: Земля на черепахах — это ладно. Вот, к примеру, сначала верили во флогистон, потом была определена другая реакция горения, а сейчас опять возникает тема флогистона.

О. Д.: Кстати, вот насчет мифов вы говорили. Я вспомнил миф о памятнике самой любопытной и глупой женщине, жене Лота, которая, как вы помните, превратилась в соляной столб. В Израиле я даже видел несколько этих столбов, есть основной, который выдаётся за оригинал, и несколько копий. Вы наверняка помните эту историю о разрушении Всевышним Содомы и Гоморры.

Г. Д.: Да. Всевышний разрешил Лоту спастись, но тот просил о спасении за весь город. Бог его спросил, есть ли в городе достаточное количество праведников, хотя бы сто праведников. Лот ответил, что столько нет. Также он не смог предъявить ни восемьдесят, ни сорок, ни двадцать. И тогда Всевышний ему рекомендовал уйти оттуда со своей семьёй, не оглядываясь, так как про десять уже и разговора не было. Но жена Лота, естественно, оглянулась, как сделала бы любая женщина.

О. Д.: И вот мы имеем теперь памятник женской глупости и любопытству. Конечно, говорим об этом без всякого шовинизма, но тем не менее миф есть, и памятник тоже есть, его можно пощупать.

Г. Д.: Хотелось бы подчеркнуть, что описание — это не то, что является психологическим или дискурсивным отражением подлинного. Или тем, что мы носим в голове, или тем, чем мы можем обмениваться на словах и так далее. Описание — это и есть та реальность и та её интерпретация, которая одновременно дана нам в ощущениях.

И описания борются между собой. Когда большевики пришли к власти в 1917 году, они несли с собой новое описание реальности. Вспомним «Голубые города» Алексея Толстого, «Аэлиту», идею космического взрыва человечества, ноосферу, изменение законов природы, царство разума, который освобождается от физических непреложных условий. Но всё это длилось до конца эпохи Хрущёва с Ефремовым, «Часом Быка», «Туманностью Андромеды». После этого случился коллапс, сваливание в цинизм, в некий посткомсомол, появилось поколение колбасы. В период с 1920-го по 1965-й, вот эти 45 лет было время нового описания, но оно не состоялось. Оно не состоялось по ряду причин. На мой взгляд, прежде всего потому, что оно не было достаточно гибким и широким, оно носило сектантский характер. Несмотря на то что там предлагался универсальный подход — справедливость, союз пролетариев, которые должны объединиться, — но в этом был такой момент, очень сектантский.

О. Д.: От этого проекта очень веяло идеализмом.

Г. Д.: Даже не то что идеализмом. Всё это осталось в рамках каких-то международных рабочих партий, Коминтерна, потом того, что окормлялось международным отделом ЦК. На примере Гражданской войны в Испании явно виден сектантский характер — сталинисты били троцкистов, вместо того чтобы бороться с Франко. Потом появилась попытка описания со стороны Рейха. С 1940 по 1943 год все напряглись. Шло новое, очень острое и очень свободное от сектантства описание, которое было связано с совершенно ненаучным, вненаучным видением и ощущением мира. Это описание наносило прежде всего удар по веку Просвещения, по англосаксонским лекалам, по таким рационально-либеральным наработкам. Но после Курской дуги стало понятно, что это новое описание проиграло и им можно не заниматься. В итоге в Европе после 1945 года восторжествовало жёсткое либеральное рациональное описание, всё более и более математического и рационального смысла.

О. Д.: То есть описание формирует реальность.

Г. Д.: Описание – это и есть реальность, я это хочу подчеркнуть. Это и есть реальность, которую мы можем потрогать, понюхать, постучать по ней кулаком. Более того, существуют разные описания. Параллельно существует пачка описаний, зажатая в чьём-то кулаке, которая трепыхается разными цветами. Понятно, что у человека, выросшего в Центральной Африке, у человека, выросшего посреди Австралии, у человека в Европе существуют разные описания. Эти описания противоречивы, они конфликтны, но не до такой степени, чтобы стол для одного был чем-то иным для другого, хотя в пределе это так.

О. Д.: У всех, получается, разные описания и разная реальность. Недавно я разговаривал со своей знакомой, она заканчивала школу в Испании, и их учили, что во Второй мировой войне победили США и союзники. В нашей стране учили, что победил Советский Союз, и где-то там, наверное, были ещё и союзники, которые то задерживали Второй фронт, то не задерживали. То есть реальность получается разная.

Г. Д.: Я думаю, что в Китае учат, что победил Китай и союзники. Для Китая Вторая мировая война началась не с атаки Германии на Польшу, а с атаки Японии на Китай. Формально они правы, и мировая война началась в 1935 или 1936 году, и дальше уже всё остальное пристёгивалось, но это очень периферийный момент описания. А вот, допустим, разница между научным и антинаучным описанием, или внутринаучные противоречия, как, к примеру, разница между ньютоновским миром и эйнштейновским, это более серьёзно. Нужно понять одно: описание – это то, что составляет вокруг нас среду, то, что составляет наш мир. Единственная общая черта, которая объединяет все описания, – это фундаментальная непреложность реальности, фундаментальная непреложность того, во что мы погружены. Описание есть всегда юдоль. Яблоко всегда падает. Если у вас яблоко улетает – это воображение, сон, символизм. Это всё что угодно, но не реальность. В мире описаний яблоко всегда падает. Что это означает? Что описание делается не человеком, но для человека. Человек вызывает и провоцирует описание, без человека описания бы не было.

О. Д.: А как же оно делается, это описание?

Г. Д.: Я уже до этого сказал, что Бытие есть идея. Но, чтобы самовыразиться, оно должно воспользоваться каким-то средством. Этим средством является язык, язык, который дан человеку как Откровение через Адама. Язык дан человеку совсем не для того, чтобы его использовало Бытие, а для того, чтобы человек имел дело с некими подлинностями, которые являются непосредственным творческим продуктом Всевышнего. Но, когда человек уже вброшен в Бытие, когда он в плену Бытия, язык становится из мышления, из организма мышления, из процесса мышления средством коммуникации. И тогда Бытие как идея захватывает этот язык и начинает его использовать. Мы же понимаем, что большинство философий и большинство метафизик пользуются языком, который был дан Адаму и передан человечеству, но описывают они и излагают они некие «истины», которые основаны на тождестве, на пантеизме, на клерикальном понимании Бытия. Это всё системы утверждений, которые являются антитезой к Откровению пророков единобожия. При этом все эти концепции используют язык, данный пророческой линии. Возникает очень фальшивый симбиоз, фальшивый компромисс между Бытием и Сознанием, который порождает цивилизацию, а цивилизация тесно связана с описанием. Каждая цивилизация покоится на том или ином модусе описания. Древний Египет описывает реальность по-своему, Древний Рим – по-своему, современная либеральная цивилизация по-своему, но что их соединяет? Все они предполагают жесточайшую закономерность, ту или иную фатальность, несвободу. Яблоко всегда падает вниз. Единственно, конечно, можно упомянуть Гейзенберга и принцип неопределённости, когда кот то ли жив, то ли умер. Но это очень жалкое поползновение к выходу из описания. Я могу сказать, что есть фундаментальный разрыв с темой описания реальности, и он содержится в Коране. Потому что в Коране существует описание, но это описание ада и рая. Это не описание мира, в который мы погружены, это описание мира, который является

дальним бытием, несуществующим в данный момент. Тут важно подчеркнуть, что ад и рай, согласно Корану, в данный момент не существуют, они будут после закрытия этого Бытия, после победы над этим Бытием. Поэтому эти описания не являются реальностью, но они также не являются ни воображением, ни мифом, ни символизмом. Это своего рода завет, что разрыв с реальностью возможен. Это описание относится не к миру, а к тому, что будет после мира. При этом описание мира практически отсутствует, если не считать аятов, в которых упоминаются конкретные, понятные людям вещи. Системного же описания нет, это очень важно. Все остальные метафизические парадигмы, блоки, существующие вне Корана, предлагают именно описания, и все описания строятся на них. Все описания являются модификациями фатальной несвободы. Это рок, это юдоль, особой разницы нет. В мифе мы находим рок как неизбежность. Эдип встречается с тем, что ему суждено. Или в физике мы находим какие-то законы, которые мы не можем отменить и перевернуть. Мы не можем уйти от этих описаний. Это связано с тем, что человек схвачен миром, как муха янтарём. Это форма нейтрализации человека Бытием. При этом подчёркиваю: Бытие и описание – это разные вещи. Бытие нам неизвестно, оно апофатично, не поддаётся определению, а описание определено и предъявлено, оно может быть исследовано, отменено, ему могут быть альтернативы.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что если мы видим какие-либо очень хорошие описания, которые ранее имели место быть, более яркие и интересные, чем сегодня, то тем большей востребованностью они пользуются? То есть тот, кто лучше написал это описание, тот и молодец?

Г. Д.: Опять же, что значит лучше? Это всё с помощью вкуса воспринимается. Например, люди читали Руссо или Дени Дидро, и они приходили в буйный восторг.

О. Д.: Давайте рассмотрим более ранние описания. Автор Ветхого Завета неизвестен, но Новый Завет, написанный евангелистами, ведь тоже является описанием и в то же время являет собой четыре литературных памятника. И это в общем-то был бестселлер, потому что его больше всего читали и издавали в мире.

Г. Д.: Это не совсем описание. Это изложение некой биографии, некой повести. Под описанием я имею в виду систему восприятия мира. В Евангелии не содержится то, в результате чего стол для нас стол. Я хочу привести пример, чтобы было понятно. В сериале «Рим» два действующих лица, два римских legionera рассуждают, лёжа под открытым небом, о звёздах. Один говорит, что звёзды – это дырки в бумаге, которой является небо, а другой, более взрослый, говорит, что это просто свечи такие горят в высоте. Это два разных вида описания. Для одного это проколы в стенке, за которой находится море света, а для другого – это просто факелы в чёрной пустоте. Потом оказывается, что это такие солнца, которые излучают колоссальные потоки энергии, в недрах которых находятся термоядерные котлы. Или, скажем, Солнце, которое во времена Константина воспринималось как материальное воплощение божества, теперь же полагается как огромный термоядерный котёл. Но в третьем описании это может быть сердце, или печень, или какой-нибудь компьютер некой суперструктуры, которая вообще не по этой части. Все эти описания абсолютно ложны, любое описание ложно заведомо. Это всё есть wishful thinking. При этом это wishful thinking является не нашей «хотелкой». Все эти описания нам навязаны нашим рождением в цивилизации, основанной на определённой парадигме. Реальность, при том что она имеет независимое от нас происхождение, есть всё-таки оформление человеческого фактора, потому что она существует для человека, во имя человека, ради человека, спровоцирована человеком, и она погружает в себя человека и является доминантной силой. Мы уже говорили о том, что человек является отражением Бытия в зеркале мира, и описание как раз и является этой привязкой отражения к оригиналу, их рефлекторной невидимой связью.

Теперь поговорим о том, что описывается. Описывается мир, который определённым образом существует, причём для нас он существует исчерпывающим образом. Но этот мир

есть не что иное, как зеркало, а Бытие состоит из зеркал, отражающих друг друга, и напоминает ленту Мёбиуса. Бытие отражает само себя, и в одном из этих зеркал есть отражение Бытия в качестве нас с вами. Бытие организовано вот этими описаниями, оно ими организуется. Всевышний открыл Адаму имена, которые становились в тот момент вещами, конструктами. В момент открытия имени создавалась вещь, имя и вещь – это одно и то же в архетипическом плане. И это было совсем не то, чем мы пользуемся сейчас в качестве слов, названий, языка и так далее. Мы сейчас живём не в адамическом мире. Адамический мир первозданных слов-конструктов был господством Адама как наместника Божьего в центре Земли, которая существовала в архетипическом плане. А мы живём, как муха в янтаре, в состоянии абсолютной несвободы. И пользуемся мы не адамическим языком, а различными видами его искажений, прошедшими очень долгий путь деградации. Всё реверсно обращено в свою противоположность, и наша задача состоит в том, чтобы вернуться к адамическому состоянию. Согласно хадису пророка (да благословит его Всевышний), придёт Махди, избавит этот мир от гнёта и наполнит его справедливостью в той степени, в которой этот мир был полон гнёта. Вот эта несвобода по-арабски называется «зульм», «тьма», в более конкретной расшифровке она означает тиранию. Тьма или тирания. Это надо понимать не в политическом смысле, хотя этот аспект тоже присутствует, но в метафизическом смысле. Тьма, или тирания, есть наша зависимость от обстоятельств этой ложной действительности, наведённого на нас фундаментального морока, который связан с Бытием, с Великим Существом, имя которому Иблис и которое отказалось поклониться Адаму, когда этого потребовал Всевышний. Великое Существо ответило: «С какой стати, ведь это глиняная кукла, а я создан из огня, я бесконечно выше его». Но эта глиняная кукла являлась носителем неведомого для него принципа, носителем Святого Духа. Мы живём не в том, что является Бытием как таковым, а в том, что Бытие создаёт для нашей нейтрализации, в этой действительности, которая выдаёт себя за некую непреложность. Здесь я вспоминаю интересный момент. Наверняка вы помните, как Белинский страдал из-за споров вокруг различного понимания гегелевского тезиса «всё действительное разумно, всё разумное действительно». Мы знаем, что Белинский имел особую психическую конституцию, это был недоучившийся семинарист из сонной поповской семьи, подавшийся в разночинцы, в революционные демократы. Он не знал немецкого языка, и всему, что он знал о Гегеле, он обязан Бакунину, который ему, как другу, читал лекции и объяснял Гегеля. Белинский на первых порах воспринимал Гегеля просто свято. Это наша особенность – именно так усваивать западные доктрины, приходящие ещё и через третьи руки. Но потом у Белинского возникла такая тема: как же так? Действительное – это разумно, разумное – действительно. Значит, раз крепостное право действительно, оно что, разумно, что ли? Оно есть, но разве оно разумно? Бакунин ему говорил – да, получается так. Потом говорили, что бедный Белинский так и не понял, что имеет в виду Гегель, потому что Гегель имел в виду как раз то, что раз что-то неразумно, то оно и недействительно, значит, это надо снести революционным путём. Тут есть одна заковыка. В своё время у нас в школе преподавательница обществоведения объясняла, что Белинский не понял пересказ Бакунина и разумное это только то, что по правде. А вот то, что существует не по правде, оно – зло, оно недействительно. У меня такой вопрос. Извините, миллионы людей, которые родились в крепостном праве, у них отцы были крепостные, деды были крепостные, их продавали, они жили просто на положении животных, это что – недействительно всё было? Это какое-то воображение? Белинский был прав. И Николай Первый со своими бакенбардами и со своими истериками, и крепостные, которых продавали за 25 рублей, разлучая семьи, это всё было действительно. Проблема в том, что для Гегеля в его бездушном буржуазном рационализме это всё было разумно. Не забудем, что в Пруссии тоже было крепостное право и гессенских гусар продавали англичанам, чтобы они воевали против американских колоний за короля Георга. Они воевали потому, что курфюрсту платили деньги из британской казны.

Когда шла война за освобождение будущих Соединённых Штатов, Гегелю было лет шесть-семь, это были времена Фридриха Великого. Крепостное право в Пруссии было в полный рост. Человек, который в этих условиях говорит: «Что действительно, то разумно», не может не понимать, что рабство, которое тогда же касалось и его, как немца, не могло быть недействительным, потому что это был бы цинизм, абсолютное лицемерие и фальшь, как золотая дверь, нарисованная на холсте, в известной сказке. Конечно, Гегель был в этом отношении совершенно философски циничен, и, конечно, Белинский был прав. Но дело в том, что если мы это отвергаем, то давайте идти до конца. Всё, что действительно, является антимыслью, антиразумностью, ложью. Человек погружён в ложь, которая является продуктом и производной от ошибки. А ошибка содержится в самом Бытии, потому что Бытие генерировано мыслью, божественной мыслью и является антитезой, которую по плану Всевышнего нужно преодолеть.

Мысль, как некая духовная жизнь трансцендентного субъекта, создаёт свою антитезу, свою тень, которая должна быть преодолена для решения некоторых внутренних вопросов. Весь негатив должен быть спроецирован вовне, он не должен быть внутри мысли, и он проецируется вовне. А потом искра, присущая самой мысли, вбрасывается в этот негатив, чтобы его преодолеть. Этот негатив получает искру, но не человека как позитива, как плюса. Человек причастен этой мысли. Но он же может пойти путём полной капитуляции перед Бытием, перед той реальностью, которую Бытие порождает и навязывает ему в качестве описания. Либо же он может противостоять. Здесь возникает масса разветвлений.

Мы касались уже этой темы. Человек, чтобы не смотреть в эту искру духа, которая вызывает у него как у глиняного существа ужас, генерирует массу заглушек: страх, надежду, отчаяние, радость, ожидание – весь психический набор элементов, на столпах которых и покоятся все описания. Вплоть до того, что мы воспринимаем стол как стол и катер, идущий по Москве-реке, как прогулочный катер. Это всё покоится на наших психических столпах: ожидании, надежде и так далее. Связь не буквальная, но опосредована она очень чётко.

О. Д.: Вы знаете, я вас сейчас слушал и вспомнил один разговор с моим приятелем, доктором физических наук, который мне очень подробно объяснял, как физики друг с другом взаимодействуют. Вот физики тоже договорились, что это стол, то есть в любой, даже точной науке необходимо договориться, что и как мы называем, потому что изначального понятия, откуда что взялось, нет. Если мы как физики, пытающиеся оценить физическую картину мира, договорились, что это стол, это пол, это диван, то тогда мы можем подвинуть стол относительно дивана. Но если по поводу какой-то сущности мы не договорились, то мы с ней, соответственно, никак не можем поступить. Вот это, видимо, очень похожие вещи – взаимодействие договорённостей о реальности...

Г. Д.: Это уже следующий уровень. Договорённости – это уже вопрос американского прагматизма, потому что американский прагматизм искренне считает, что всё, что есть вокруг нас, оно есть итог договорённостей. Не только такие сугубо научные элементы, как в физике, но абсолютно всё – это продукт договорённости.

О. Д.: То есть электрон – это тоже, получается, продукт договорённости? Ну, в общем, наверное, да.

Г. Д.: Какой электрон, нет никакого электрона, он так же неисчерпаем, как и атом. Когда мы смотрим вглубь американского менталитета, мы видим, что договорённости могут быть разные – два человека договариваются или сто. Можно договориться по десяти признакам, а можно по ста признакам или по одному. Чем объёмнее договорённость по большему числу признаков, тем больше проступает у нас реальность. Мы сидим, всё это обсуждаем, привлекаем других, расширяем проблематику. Для этого американцы летают и бомбят, чтобы вовлечь в договорённость как можно больше людей.

О. Д.: И чтобы все признавали квантовую механику.

Г. Д.: Чтобы признавали хотя бы такие простые американские вещи, что домик с садиком – это мечта человека. Но при этом они сносят все прежние домики и садики. Это уже как бы такой прагматизм. Здесь мы получаем человеческий продукт. Но изначально американские прагматики сядутся договариваться о чём-то, а это что-то откуда-то берётся, оно уже заранее предъявлено в качестве элемента описания. Потом уже идут какие-то согласования, подвижки. Эти элементы описания даются не из человеческих усилий, не из человеческого творчества, они падают на нас как факт. Мы рождаемся в уже описанном мире. Первое, что держит нас в этом мире, где яблоко должно падать обязательно вниз, это страх, потому что мы боимся расстаться с этим описанием, боимся сделать шаг в сторону. Это надежда, что следование этому описанию приведёт нас к чему-то хорошему, а не к плохому. Есть и другие поддерживающие элементы, о которых мы уже говорили и которые дальше мы будем подробно разбирать. Но самые главные – это страх и надежда, те привязки, которые заставляют человека рабски стоять на коленях перед полученным изначально с колыбели описанием.

О. Д.: То есть получается, что эта реальность нас гипнотизирует в какой-то степени.

Г. Д.: Да. В данном случае интересно, что Кант не осмелился пойти так далеко. Он сказал, что всё, что мы видим, это не то, что есть на самом деле, что есть некая вещь в себе, ноумен. Вещь в себе пропускается через трансцендентальное, присущее человеческому сознанию и существующее в нас априори – принципы времени и пространства. Очень интересно, особенно про время. Это, кстати говоря, по моему мнению, один из гениальнейших прорывов человеческого духа – понимание того, что фактор времени является тем фильтром, через который модифицируется восприятие окружающего мира. Но он не пошёл дальше. Откуда эти трансценденталии? Кто их дал? То есть вопрос остался открытым, а Кант быстро перешёл к моральному разуму и его критике, свёл всё к вопросу добра и зла, к вопросу нравственного императива, а ведь это тоже продукт описания. Кант остался таким половинчатым. Он разобрал возможность описания звёзд и Земли, но не стал трогать возможность описания добра и зла, а это же самый главный вопрос. Если мы начинаем работать с такими фундаментальными понятиями, как добро и зло, мы приближаемся к самым корням темы ошибки, к самым корням темы лжи. Как сказано в Коране: «То, что вы считаете, что для вас хорошо, то для вас плохо, а то, что вы считаете, для вас плохо, то для вас хорошо».

Глава 15

Человек как часы Вселенной

Пространственно-временной континуум – это ничем не ограниченный хаос непрерывно меняющихся комбинаций и фигур, в которые складываются отражённые в зеркале этого континуума точки. Вернее, одна-единственная точка, которая, будучи предъявленной зеркалу мира, становится в этом зеркале чистым множеством. Как известно, множество несчитаемо, поэтому сравнивать множества можно только через их мощность. Множество такой-то мощности, допустим, необычайно плотная насыщенность, которая близка к плотности чёрной дыры. Если же мощность множества предельно низка, то это множество как бы образует лучащиеся сияния свободной энергии, ещё не начавшей переходить в вещество.

В идеале, если вся первоначальная энергия сгустится в чёрную дыру, «спираль времени» будет пройдена до конца. Проблема в том, что в безграничной протяжённости одновременно идут противоположно направленные процессы. Если в каком-то месте множества конденсируются и возникает звезда, то в другом месте такая же звезда взрывается, переходя в рассеянную энергию. Нет целостного однонаправленного процесса, в котором можно было бы считать последовательные позиции продвижения от начала к концу.

Конечно, такой процесс всё-таки идёт, потому что нисходящий гравитационный вектор от света к чёрной дыре всё-таки чуть-чуть превосходит противоположный вектор возврата к начальному состоянию. Но если делать снапшоты происходящего во Вселенной, помечая их последовательно числами из числового ряда (а это не ограничено!), то, отвлекшись от их порядковой последовательности, невозможно определить, какой снимок был сделан в «начале», а какой в «конце». Разумеется, у учёных есть свои представления о различии в картинах Вселенной: они говорят об архаических ступенях «развития» материи, но, с нашей точки зрения, это – ерунда. Нет никаких детерминирующих характеристик, которые говорили бы, что вот эта фотография сделана в начале, а эта в конце.

Что это означает? Это означает, что во Вселенной нет времени, а есть длительность. Выражение «пространственно-временной» не имеет смысла. Длительность сама по себе существует только потому, что есть изменение. И эта длительность протекает достаточно сложным и запутанным образом.

Время предполагает содержательный нарратив, который движется от начала к концу. Образцом времени является сказка. Вариантом сказки выступает личная биография. Крупная сумма личных биографий в их взаимодействии даёт ткань истории. Из этой ткани поднимается сама по себе История тогда, когда этой множественной связи биографий придаётся постановочно-театральный смысл. Связь биографий превращается в сказку второго или даже третьего уровня. Причём разница между уровнями нарративов (личная биография – историческая драма) ясно ощутима и, собственно говоря, представляет собой ту почву, на которой растёт Смысл.

То есть мы видим, что время – это крайне сложное, эшелонированное явление, которое порождается, вырабатывается человеком. Детишки, «маленькие принцы», оказавшись в компании какого-нибудь волшебного лиса на пустой планете, слушают сказку и засыпают под неё. Проснувшись, они обнаруживают, что у них много дел, что они должны идти туда-то или туда-то. Короче, они обнаруживают себя в контексте собственной биографии. Именно это и образует нечто, что придаёт структурированный порядок хаосу бытия нечеловеческой Вселенной. Это и сила, и слабость человека одновременно. Сила потому, что человек оказывается хозяином более значимой формы длительности, чем та, которой

располагает сатана. У сатаны длительность безлимитна. Она никуда не направлена, не имеет сюжета и поэтому абсурдна. У человека его высшая форма длительности имеет Конец. Этот Конец становится центром, вокруг которого заворачиваются потоки сцепленных друг с другом биографий, нарративов всё более высокого и непрерывно повышающегося уровня сложности. Сам конец изменяется, в конце концов становясь концом Вселенной. И в этом конце участвует непосредственно Сам Творец.

О. Д.: Речь сегодня пойдёт о «Человеке как часах Вселенной». Давайте начнём разбирать эту интересную тему.

Г. Д.: Добрый день. Предыдущий цикл был посвящён нечеловеческому фактору, но этот нечеловеческий фактор существует как оппозиция, как некое враждебное окружение для фактора человеческого. А что, собственно, представляет собой человеческий фактор? Что составляет суть того, что Тейяр де Шарден в своё время называл «феномен человека»? В принципе человек – это единственное существо среди всего, что живёт, которое обладает ясным и иногда проявленным, а иногда скрытым сознанием финальности, конечности. Каждое человеческое существо несёт в себе сознание своей смертности, знает о том, что оно смертно. И эта смертность составляет острое экзистенциальное содержание самого человеческого материала, интеллектуального человеческого материала. Феномен времени возникает как раз из смертности человека, ведь время – это движение к концу, к финалу. Этим оно отличается от длительности. В принципе, можно сказать, что вне человека, вне человеческого сознания времени не существует. Есть такая практика, есть такой подход – называть временем длительность и как бы смешивать эти понятия, к примеру, говорить о физическом времени, о человеческом времени, историческом времени. В действительности же ну о каком физическом времени можно говорить? Во Вселенной принципиально действует некий закон сжимающейся спирали, закон энтропии, который уплотняет вещество, сворачивая его в финальном состоянии в чёрную дыру. Но дело в том, что этот процесс идёт хаотично. Например, деревья растут под влиянием солнечного света, а потом их вырубают и сжигают. Мало кому приходит в голову, что это на самом деле движение машины времени – берёзовое полено выросло, собрав в себе солнечный свет, – это движение времени в одну сторону. Но, когда его жгут в камине, идёт обратный процесс – вещество превращается в энергию. Если представить себе, что Вселенная – это некая сцена, куда человек заходит со стороны и смотрит на положение дел на этой огромной сцене, и ему предлагают ответить на следующий вопрос: находится он в начале времени, в середине или в конце. Ответить никто не сможет в принципе, потому что моментальные снимки положения веществ и тел во Вселенной равны друг другу, сюжет отсутствует, и все эти положения идентичны, в них нет смысла. Где-то возникают чёрные дыры, где-то взрываются и превращаются в звёзды и так далее.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что именно человек придаёт какой-то смысл всему этому процессу?

Г. Д.: Да, потому что у него есть финал.

О. Д.: Хорошо. Давайте тогда я так попробую сформулировать тезис: поскольку мы все знаем, что умрём, мы считаем свои дни и пытаемся за тот промежуток времени, который нам отведён, что-то сделать. Если бы каждый из нас знал, что он бессмертен, то не было бы смысла торопиться. Стоило бы тогда вообще что-то начинать?

Г. Д.: Естественно. У животных нет ощущения финала, поскольку они не индивидуализированы и вообще у них нет языка, а язык тесно связан с временем и принципом конца. И человек, прежде всего благодаря тому, что он движется к финалу, имеет сюжет-

ность собственной биографии, которую иными словами можно назвать судьбой. На микроуровне эта сюжетность представлена личной судьбой, личной биографией, на макроуровне это уже история. А история, собственно говоря, развивается как многоактная постановка, в которой существует некая логика. Следующий акт является результатом развития предыдущего, любой момент встроен в очень сложную картину, идущую от некоего начала к некоему концу. Этого нет во Вселенной, потому что во Вселенной любой моментальный снимок её состояния равен предыдущему. Их можно перемешать, и номер один станет номером пятнадцать, номер семь станет номером три, и никто не заметит подвоха. А вот принцип движения, который придаёт всему этому смысл, который превращает длительность во время, вносится только человеком. Почему? Потому что в человеке существует свидетельствующее сознание, представляющее собой финал бытия, конечность бытия, отложенную внутри него. Человек внутри себя несёт собственную смерть, которая работает как принцип сознания, пока он ещё жив. Он несёт заряд непостижимого и невыразимого, которое он сам не осознаёт, но которое входит в контраст и в клинч с тем бытием, которое он собой представляет. Вот представьте, что у человека нет зазора между той глиной, из которой он сделан, и той глиной, которая его окружает. В этом случае он представлял бы собой просто ленту Мёбиуса с внешней средой. Так и было в Золотом веке, пока не было откровения Адама, который научил людей языку. Люди до этого откровения представляли собой просто инверсию некой глобальной среды, воплощённой в их райском состоянии, они были, если пользоваться выражением Фрейда, такими младенцами в околоплодных водах, зародышами в утробе матери, которые испытывают океаническое блаженство. Оно было нарушено языком, и после этого пошло время.

О. Д.: Гейдар, я хотел бы уточнить вопрос с разделением понятий «время» и «длительность». Если с точки зрения физики рассмотреть этот вопрос, то времени не существует. Есть прошлое, которое уже закончилось, есть будущее, которое мы можем предполагать, а настоящее всегда неуловимо.

Г. Д.: В отношении этих категорий, о которых вы говорите, – прошлое, будущее, настоящее – нужно всегда учитывать, что они привносятся человеческим сознанием. Да, изменения существуют, но не существует никакой фундаментальной обязательности, присущей именно этим позициям, их можно поменять. Для примера можно вспомнить игру в морской бой. Если посторонний человек взглянет на эти размеченные листки, он не сможет определить, с чего всё началось и какова последовательность действий, приведших к этому результату. Так как любая ситуация равна другой. Да, можно сказать, что есть энтропия, есть движение от первоначального энергетического потенциала пространства в вещество, в чёрную дыру, которое тем не менее идёт очень сложным ветвистым образом, постоянно, как в этом берёзовом полене, происходят откаты назад где-то во Вселенной. Почему у людей есть иллюзия, что время не имеет начала и конца? Потому что в действительности это спиралевидный процесс, который абстрактно движется к чёрной дыре, но, когда чёрная дыра достигнута, снова возникает энергетическая открытость. Представление, что смерти нет, соответствует идее некоторых языческих метафизиков. Нет финала. Когда человек умирает, он как бы тут же переходит в соседнюю комнату.

О. Д.: С точки зрения физики её действительно нет. Мы понимаем, что мы все состоим из атомов, из мельчайших частиц. Атомы могут разойтись, и структура распадётся, но потом они опять могут собраться, пусть даже и не все, и появится иная структура, другое биологическое тело, какой-нибудь лопух. Но в конечном счёте одно перешло в другое, и из одних и тех же атомов сформировалась другая сущность.

Г. Д.: Если бы не было принципиально противоположного бытию начала, то есть точки нетождества, точки сознания, которая противостоит всем состояниям бытия одновременно и поэтому является зеркалом, которое их отражает, то можно было бы так и сказать, что нет никакой разницы между человекоподобным существом и лопухом. Одно бы переходило в

другое, одно было бы равно другому. Но поскольку есть эта точка нетождества, происходит страшный конфликт между непостижимым, бездонным и всем остальным. Финал представляет собой дверь в трансцендентное, которое реально порывает со всеми представимыми, возможными состояниями. Это трансцендентное есть нечто иное. Если в листе бумаги проколоть дырку, то в этом проколе бумаги не будет протяжённости. Эта точка лист сразу центрирует, и остальное пространство строится вокруг этой точки. Но эта точка является в то же время концом этого листа, это граница. Наше сознание работает по тому же принципу. На этом листе можно писать всё что угодно, но все эти каракули получают некое значение только через эту точку.

О. Д.: Давайте попробуем разобраться вот с чем. Известно, что основным законом во Вселенной является закон сохранения энергии, на нём держится и теория струн, и многие другие физические концепции. Всегда что-то во что-то переходит. Материя переходит в энергию, стора, и так далее. А вот что происходит с той самой человеческой искоркой?

Г. Д.: Эта искорка не принадлежит реальности, она подобна солнечному зайчику, блику, наведённому на стену. Если вы убираете зеркальце в карман, то блик вернётся в тот световой принцип, который был манифестирован на стене с помощью зеркальца. Мы не воспринимаем свет как нечто существующее, как нечто выраженное, он для нас не манифестирован, а есть некое условие. Манифестируется он с помощью зеркальца. Когда зеркальце разбилось – блик исчезает. Блики в данном случае служат метафорой индивидуализации проявленного существа, и в момент смерти исчезает та точка, которая была контрастна среде.

О. Д.: То есть мы по сути являемся зеркальцами?

Г. Д.: Да, наши тела являются зеркальцами, через которые проявляется вот этот блик. И затем этот блик возвращается в ту световую базу, из которой он изошёл благодаря фокусу зеркальца. Стена как стояла, так и стоит. Она совершенно бессмысленна и является только местом проявления, фоном. Суть в том, что человеческий фактор принципиально связан со временем, которое есть финал. Вне финала длительность есть бессмысленное чередование состояний, которые друг другу равны, которые внутри себя не имеют логического сюжетного развития, так как сюжет определяется только концом. Время становится совершенно особой вещью в данной перспективе. Время – это золотой эквивалент Бытия, в котором бытие измеряется как ценность, как некий потенциал. То есть человек несёт в себе ту меру, которая превращает Бытие в отчуждаемую вещь, и Бытие может становиться капиталом. Всё, что мы видим вокруг себя, это отчужденное время умерших и живущих людей. Дома, тротуары, самолеты, книги – это всё время умерших, это всё капитал.

О. Д.: Time is money, время – деньги, как говорят американцы. То есть время конвертируемо в какие-то активы.

Г. Д.: Время конвертируемо в то, благодаря чему человек оперирует, человек действует – в капитал. Мы живём, дышим и действуем в человеческом пространстве, которое образовано временем мёртвых, застывшим, никуда не исчезающим, отчужденным, а отчуждает его общество. Это главный инструмент отчуждения, потому что, если человек живёт жизнью отшельника, схимника, то его время, не отчуждаясь, не превращается в капитал. Может быть, оно и работает на каких-то других духовных планах, каких-то других духовных планах, но оно не является уже мерой Бытия, а вот коллективное время человеческих существ, вовлечённых в социум, превращается в капитал. Поэтому человеческий фактор начинается со времени. И этот человеческий фактор основан на дуализме – дуализме Сознания и Бытия, о котором мы не раз говорили. Сознание и Бытие в своём контакте создают эффект боли, боли, которую Бытие испытывает как язву, как травму, потому что Сознание и Бытие – разнородные.

У человека есть два момента, которые определяют его человеческую сущность.

Первый момент – это способность к языку, причастность к языку. Время тесно связано с языком. Время сюжетно, время логично, а логичность и сюжетность – это контент языка, они описываются языком. Без языка время не существует. Это ясно видно на примере Маугли – для Маугли время не существует, так же как и для волков, которые его воспитали. Время связано с языком, поскольку язык описывает движение смысла. Смысл в своём движении всегда имеет начало и конец. Это фундаментальные условия смысла.

Второй момент – это боль. Боль существует в Бытии, но она существует в Бытии постольку, поскольку через человека в Бытие вброшено Сознание. Вот эта искра оппозиции – тот огонь, который вброшен в Бытие, он вызывает саму идею боли, которую Бытие переживает, которая становится возможной для Бытия. И Бытие, конечно, стремится избавиться от него.

Как мы не раз уже говорили, общество – это структуризация, наведённая Бытием, это не производное человека, это производное онтологии, которая человека держит, поглощает, всё время превращаясь во что-то большее. Постепенно Бытие из того, чтобы быть чем-то глобальным, находящимся вне доступности органов чувств, чем-то метафизическим, в конечном счёте становится социальным. И на последнем этапе стремится полностью человека пожрать, превратить его в свой элемент, свой винтик.

О. Д.: Мы говорили, что социум как бы берёт на себя функции Великого Существа.

Г. Д.: Да, Бог становится социальным институтом. Но, в сущности, это ведь есть не что иное, как борьба Бытия с той болью, которую причиняет ему искра божественного Святого Духа, которая является не чем иным, как брошенным на эту стену солнечным зайчиком, этим бликом от карманного зеркальца, который жжёт эту стену. И стена стремится этого зайчика каким-то образом пожрать. Не просто пожрать, а превратить в часть себя, превратить энергию этого солнечного пятна на себе во что-то, что её согревает изнутри, освоить этот потенциал. Люди также являются частью Бытия, поскольку душа и тело – это субстанциональные элементы. Люди думают, что они испытывают боль как мыслящие сознающие существа, но на самом деле они испытывают её как глиняные фигурки. Мы испытываем боль как тварные существа, потому что нас жжёт эта искра Сознания, и через нас большое Бытие стремится это Сознание затушить, превратить в нечто иное, загасить.

Вот два момента: боль и язык. Они вместе образуют человеческий фактор в его динамизме. Это манифестации, собственно говоря, времени. Что же происходит с человеком? Человек не может посмотреть внутрь себя и встретиться со своим Сознанием иначе, как в исключительной ситуации. Глаз не видит себя. Для того чтобы глаз себя увидел, надо подойти к зеркалу. Так же точно мы не осознаём то, чем мы осознаём. Условно говоря, та точка нетождественности ничему позволяет нам быть зеркалом и отражать всё, что вне нас. В то же время она сама является как бы амальгамой зеркала, которая не проявляется, не присутствует в отражении, делая отражение возможным. Но в некоторых исключительных ситуациях, например в случае сильного шока и испуга, когда из восприятия исчезает отражение, когда опыт исчезает и зеркало становится пустым, тогда это зеркало встречается с собственной амальгамой. Ну и каков же эффект? Это крайний ужас. Это тот шок, который, если бы он продлился дольше наносекунды, мог бы привести к смерти. Мы все знаем, что, если войти в тёмную комнату, не ожидая кого бы то ни было там встретить, и внезапно столкнуться с кем-то, нас подбросит, нас затопит волна адреналина. В этот момент мы испытаем сильнейшее потрясение, которое даже трудно описать. Оно длится недолго, потому что уже через мгновение мы понимаем, что нас испугало. Но если бы это состояние ужаса продлилось чуть дольше, то привело бы к инфаркту, смерти. Собственно говоря, в дзен-практиках такое состояние, только сильно разбавленное, называется сатори. Поддержание такого состояния, когда перманентное потрясение становится микродопингом, является целью практики дзен. Но на самом деле этот феномен связан со встречей с собственным

сознанием. Фигурально говоря, это встреча с Богом, с истинным Богом. Это связано ещё с таким выражением: «Страшно впасть в руки Бога живого». Когда человек сталкивается с собственным Сознанием, он сталкивается с искрой, которая происходит от Духа Божьего, и это производит тяжелейшее впечатление. Это примордиальный, то есть изначальный и первозданный, ужас. Самое лучшее и наиболее доступное определение ужаса, которое мы могли бы дать, это встреча возможного с невозможным. Наше бытийствующее глиняное оформление здесь в качестве индивидуальности – это возможное, это сочетание разных возможностей, которые сами по себе по определению конечны. А наше сознание, которое находится внутри нас и является точкой оппозиции, нетождественной ничему, искрой духа, это невозможное. Оно происходит из бездны невозможного. Их встреча, разрушительный эффект этого ядерного взрыва, производит ужас, это и есть встреча невозможного и возможного. И дальше всё, что человек делает в своей жизни, – это шифровка этого ужаса, заглушка этого ужаса и цензура этого ужаса от самого себя. Что это означает? Это означает, что человек создаёт ряд гештальтов, таких как, к примеру, отчаяние, надежда, радость, страх. Мы будем об этом ещё говорить подробно, но, в общем, это ряд гештальтов, который является антитезой и заменой ужаса. То есть существует ужас, который скрыт, а есть вещи явные и доступные. Мы купаемся в таких вот созданных нами антитезах ужасу, в которых как бы ужаса нет, но мы купаемся в них, чувствуем себя уютно даже в отчаянии, в тоске, а тем более в радости. Откуда они берутся? Есть оппозиция Бытия и Сознания, а есть созданная вместо них оппозиция двух конструкторов «Я» и «Не-Я». Эти «Я» и «Не-Я», их взаимоотношения, их игра между собой порождают состояния тоски, отчаяния, надежды, и вот в этом пространстве мы и живём. И, собственно говоря, благодаря этому пространству, которое ещё и связано с языком, общество и манипулирует нами, оно накладывает на нас свою матрицу, которая нами усваивается через страх, через надежду и так далее.

О. Д.: Кстати, я хотел заметить, что страх, пожалуй, самая сильная эмоция, которую человек чувствует.

Г. Д.: Но это не имеет никакого отношения к ужасу. Страх – это встреча с «другим», это встреча с «Не-Я», которое является определённой неизвестной угрозой. Есть «Не-Я» как известное, и есть «Не-Я» как неизвестное. Есть «Не-Я» как нейтрализованное или подчинённое, это даёт эффект радости.

О. Д.: Да, я понимаю. Кстати говоря, есть известная формула, характеризующая средства массовой информации, – они должны выступать в двух формах: или пугать, или развлекать. К примеру, когда общество пугают и говорят про угрозу ВИЧ, которая грядет, и скоро все от неё умрут.

Г. Д.: Это другое. Этот момент я ещё не упоминал, это тревога. Мы будем отдельно об этом говорить, это отдельная тема для того, чтобы разобрать тревогу, страх и так далее. Я просто всё это заранее прописываю, с тем чтобы дать понять, что фундаментальная идея времени предшествует всему этому. Она предшествует феноменологической стороне человеческого существования. И время – это то золото, которым обладает каждый человек и которое у него крадут. Человек рождается с запасом этого золота, оно актуализируется, когда человек становится носителем языка. И тут же через язык, навязав ему конструктор «Я» и «Не-Я», в социальном пространстве начинается похищение этого вот сюжета, который образуется его жизнью, его биографией. Каков один из побочных эффектов? Вот рождается человек, перед ним есть определённое количество лет, условно говоря 70 лет, завершающееся финалом, и этот финал безусловен, в отличие от того, что, как Высоцкий пел, «хорошую религию придумали индусы...», с превращениями в ящериц, змей, тараканов или демонов. Это всё попытка свести человека к трансформирующейся Вселенной, которая всё время бесмысленно переходит из одного состояния в другое. А время в действительности не предполагает, что мы ходим из комнаты в комнату, из одной жизни в другую жизнь. Время пред-

полагает безусловный финал. Вот ты – Иван Иванович, ты родился Иваном Ивановичем, и совершенно не важно, во что перейдут элементы, составляющие тебя. Как Ивана Ивановича тебя не будет. И вот этот Иван Иванович абсолютно конечен. И именно эта конечность даёт шанс Ивану Ивановичу на некий прорыв за пределы имманентного, если она будет каким-то образом центрирована, усвоена и понята через особые технологии или через Откровение. Откровение, собственно, и сообщает Ивану Ивановичу, что Всевышний, который послал ему эту искру Божественного Духа внутри него, воскресит его, именно как Ивана Ивановича, для Страшного Суда. В отличие от перехода из комнаты в комнату, которые никогда не кончаются. Но вот в чём дело. Иван Иванович рождается, перед ним 70 лет жизни, которые упираются в полный, совершенный и абсолютный конец. Это может быть наполнено чем-то, что вписывает его в большое время, в сюжет истории. А общество ставит перед собой задачу, чтобы он не попал в этот сюжет, чтобы его время ничем не отличалось от времени его любимой собаки, точнее, не времени, а длительности. Простой пример – Степан Разин, который вписал свою биографию в своё время. Финал его жизни был плачевен и очень жесток. Но он вписал своё имя в историю. Предположим, если бы он не участвовал ни в чём, не был Степаном Разиным, а был просто каким-то казаком-разбойником, другим Степаном, чьим-нибудь крепостным. Время всех этих людей не стало частью истории, поэтому их время не актуализировалось как время, оно осталось просто длительностью. Общество сделало всё, в лице крепостнической России или там современной Великобритании, чтобы жизни людей не превращались во время. Общество работает над тем, чтобы украсть подлинное содержание времени как смысла у каждого родившегося существа, ну, может быть, за исключением элиты, которая организует историю под себя. Как мытари, которые забирают налог у людей и немножечко оставляют себе за свои услуги. Мы не говорим сейчас об этом открыто, но понятно, в пользу кого забирается этот налог. В пользу Великого Существа. Вот поэтому то, что я хочу сказать, – это некая преамбула к нашим будущим темам в контексте человеческого фактора, которые будут уже зумом, наводимым на отдельные аспекты. Мне хотелось бы просто подчеркнуть, что стержневым вопросом человеческого фактора является понимание оппозиции длительности и времени, которая является по сути оппозицией смысла и абсурда – абсурда, который принадлежит Бытию, и смысла, который принадлежит человеку и человеческой жизни, связанной с языком. Фундаментальное проявление этой оппозиции – это оппозиция Сознания и Бытия, контакт которых рождает боль, жгучую боль, которую Бытие испытывает через человека, внутри человека и распространяет на всё остальное. Я говорю ответственно, что благодаря тому, что существует человек, можно причинить боль любому живому существу, только потому, что есть человек как человек.

Глава 16

Обожение как универсальная цель глиняного человека

Человек до Адама находился в райском состоянии. Он не знал языка, но находился в прямом общении с подобными ему существами благодаря способностям телепатии. Телепатические возможности сохраняются и сегодня у детей почти до трёх лет (чаще меньше). В противном случае новорожденные не могли бы усваивать язык. Они ведь начинают с нулевой позиции по любому языку, поэтому им нельзя «объяснять» что-либо. Для того чтобы понять смысл какого-то слова, младенец должен «снимать» невербальную интенцию. Желательно матери. (Если матери нет, то усвоение языка идёт значительно хуже.)

Райское состояние проточеловека, не знавшего Адама, было подобным блаженству зародыша в околоплодной жидкости, причём «маткой» для него выступал весь окружающий мир. Кстати, в арабском языке наиболее популярное имя Аллаха – Рахман – образовано именно от слова «рахма» – матка, фундаментальное первичное значение которого связано с переживанием покоя и защиты. С приходом Адама и началом распространения языка мгновенно кончилось это блаженное состояние. Естественно, что жизненной темой подавляющего большинства рода человеческого стал возврат в это состояние. Отсюда возникает идея посвящения и эзотерического пути: это преодоление барьера языка. Ислам, даосские и тибетские техники молчания и прочие ограничения «вербализма» – это методики перешагивания через порог, назад в доязыковое пространство. Эзотерические практики любят наглядные символы, предпочитают знания, полученные через молчаливое общение с учителем, с иронией и скепсисом относятся к метафизическим разработкам, записанным в книге. Их постоянная тема: через уход от слова приблизиться к Бытию (то есть Великому Существо).

Однако, несмотря на нелюбовь к гностическим и вообще философским размышлениям («мысль изречённая есть ложь»), в процессе повышения интеллектуальной сложности речь уже заходит о не просто переживании блаженства на высшей ступени посвящения, вопрос ставится о соприкосновении с реальным бытием. И наиболее продвинутые в этом вопросе понимают, с чем это сопряжено – с огненной гибелью.

У продвинутого суфизма тема огня, огненного очищения, огненной смерти присутствует очень широко. Шейх Хамадани, напросившийся у своего амира на казнь, оставил после себя такое стихотворение:

*Мы попросили у друга мученическую смерть,
И ещё две-три ценные вещи.
Если друг сделает так, как мы хотим,
Мы попросили жаркий огонь
И соломенную циновку.*

Здесь другом является, конечно, «двойник» самого Мастера, по образу и подобию которого он сделан. Мастер понимает, что речь идёт об Иблисе, хотя приписывает ему имя «Аллах». Он просит у Иблиса огня, потому что Иблис сделан именно из этого элемента. Соломенной циновкой является в этом разрезе символов сам мир. То есть шейх Хамадани просит у Великого Существа не только поглощения огнём при соприкосновении с истин-

ным Бытием, но и эсхатологического завершения Бытия неистинного, вторичного – этого мира.

Пожалуй, в суфизме наиболее полно и ярко конкретизировалась воля «идущего по пути» к идентичности, к тождеству с первоосновой, с тем, что для абсолютного большинства человеческих существ представляется единственно возможным Богом. Проблема синонимичности Бога и Бытия разработана именно в суфизме, а не, к примеру, в индийских философских школах или даосизме. Почему это так? Ну, во-первых, упомянутые течения мысли не пользуются понятием «Бог», по крайней мере в том же ракурсе, что и суфизм, для которого авраамическая, точнее, иудо-каббалистическая тема сплетается с платонизмом, сквозь который дышит христианство. Именно на этом стыке оформляется концепция совершенства, которое стоит выше предиката «есть». Его отличительным признаком является категория «нет», которую проще всего выразить через символизм всепожирающего огня.

Суфизм мастерски развил и проявил суть вопроса. Единственное, что суфийские мастера не поняли, – это то, что Бытие есть совершенная ложь, антимысль истинного Бога, которая настолько же отчуждена от Провидения, насколько фекалии в выгребной яме отчуждены от тех, кто их произвёл. При этом, очевидно, что эта санитарная и некрасивая тема ужасающим образом подчёркивает не эзо-, а экзотеризм, поскольку даже семантически все определения отбросов определяются терминами «выведения наружу».

Так крайний эзотеризм мэтров блаженства в огненной печи оказывается крайним экзотеризмом, воплощённым в сырой и вонючей яме.

О. Д.: Здравствуйте, в эфире передача «Разговоры с Джемалем», и мы продолжаем серию, или цикл, который у нас сегодня называется «Нечеловеческий фактор». Добрый день, Гейдар.

Г. Д.: «Человеческий фактор», на этот раз у нас идёт «Человеческий фактор».

О. Д.: Да, «Человеческий фактор», и наша передача называется «Обожение как универсальная цель глиняного человека». Итак, давайте начнём разбираться с понятиями. Что такое глиняный человек?

Г. Д.: Глиняный человек – это человек, который создан из глины. Это фундаментальная традиционная идея всей авраамической теологии по поводу появления человека – он сотворён из глины. По поводу глины мы знаем, что речь идёт о метафоре субстанции. Коран говорит нам, что для создания человека было использовано два сорта глины: одна звонкая и сухая, другая жидкая и влажная. То есть здесь речь идёт о метафоре субстанции – жидкая, чавкающая глина представляет собой субстанцию нижнего мира, это такая грязь; и качественная звонкая глина, из которой делается керамика, представляет собой тонкую небесную субстанцию.

О. Д.: Но глиняный человек – это некая метафора пустого человека, да?

Г. Д.: Нет, всякий человек является глиняным, потому что он телесный, субстанциональный. Эта субстанция является протяжённостью, о которой говорил Декарт. Но метафора глины подчеркивает оппозицию человека как вещественной твари энергетическому полюсу. Потому что опять-таки в Коране есть момент, когда после сотворения Адама, стоящего особняком от людей, Творец приводит его к Иблису, который является персонификацией Бытия в целом, архетипического Бытия, и говорит, чтобы это архетипическое Бытие, глобальное Бытие поклонилось Адаму. Напоминаю, что при сотворении, когда Адам был глиняной куклой, Творец вложил в него от своего Духа, то есть частицу Божьего Духа, Божественную Искру, о чём, естественно, Бытие не знает. Естественно, Иблис отказывается поклониться и

говорит: «Ты создал меня из огня (это коранический текст), а его из глины. С какой стати я должен кланяться существу, которое на много порядков ниже меня». После чего он соответственно вступает в конфликт с Творцом и наказывается за непослушание. Адам в свою очередь низвергается тоже за ряд своих деяний в мир, в котором он становится, согласно традиции, первым пророком великой пророческой цепи и приносит сюда язык, человеческий язык, понятийный язык. Потому что до этого Всевышний учит его именам вещей и посрамляет ангелов, которые возражали против того, чтобы Адам стал наместником на земле.

Так вот, глиняный человек – это человек, созданный из субстанции, который является вещественным полюсом. Мы не будем пускаться в такие герметические рассуждения о *materia prima*, *materia segunda*, то есть о первоматерии и о второй материи, которая является уже материей нашего мира, потенциальностью которой создаются материальные вещи, это лишнее. Просто мы скажем, что человек является существом вещественным, но внутри его вещественности есть грубый и тонкий полюса. То есть в этой субстанции присутствует возможность rarefкации, разряжения. С одной стороны располагается наиболее плотное состояние, подобное камню, а с другой – лёгкое состояние, подобное облачку пара. И то и другое – субстанция, но это разные состояния, разные модусы субстанции. Как говорят, разные модификации. Вода, допустим, имеет твёрдое, жидкое и газообразное состояния. Человек, по совершенно справедливому определению Денницы, или Иблиса, созданный из глины, естественным образом стремится к соединению с Бытием, с тем совершенным и безусловным Бытием, по поводу которого Творец требовал от Бытия, чтобы оно человеку поклонилось. Но человек – это такая хитрая тварь, которая противостоит Творцу и просто игнорирует его в целом, как нечто принципиально к нему не имеющее отношения, и стремится именно к Бытию как к тому, что является полнотой реализации того фактора, из которого он состоит. Человек состоит из некой вторичной бытийности, отражённой в зеркалах миров, но хочет слиться с оригиналом. На этом, собственно говоря, основаны все метафизические концепции и пути. Если обратиться к опыту индуистской метафизики, буддистской метафизики, даосской и так далее – всюду мы видим стремление этого подъёма и слияния.

О. Д.: Человека и Бытия?

Г. Д.: Человека и Бытия. И здесь есть одна тонкость – в мире, в котором мы живём, всё на самом деле дуально. То есть, когда мы говорим о Бытии, сосредотачиваясь на нём как на том, что есть только оно, и ничего кроме него нет, Бытие тут же разлагается на полюс Света и полюс Тьмы. Бытие как Ормузд, Бытие как Денница-Люцифер – и Бытие как Ариман, как нечто тёмное, как демоны, как некий сугубый подвал сущего, который находится под человеческим миром. И они соединяются некой осью, где в середине оказывается человек. Естественно, есть несколько путей обожения. Человек стремится к тому, чтобы стать богоподобным, а богом он называет Иблиса. Надо ясно понять, что естественный человек, человек глиняный, который не принял Откровения, считает Денницу – Иблиса – Утреннюю звезду богом. Когда он говорит «боги», то есть является политеистом, многобожником, то речь идёт не о ком ином, как о некоем мультиплицировании этого единого Существа в разных зеркалах, или разных его ипостасях. К примеру, единый Олимп, на Олимпе есть некий единый принцип, который разлагается на активные парадигмы. По разным линиям этих активных парадигм можно добраться до самого центра. В принципе из этой глубоко уходящей в недра естественного человека языческой традиции вот эта воля к обожению и переходит в некую особую ветвь авраамизма, которой является христианство. В христианстве обожение является важной фундаментальной основой, самой главной, то есть обожение – это цель человека.

О. Д.: То есть это стремление к идеалу?

Г. Д.: Нет, это не стремление к идеалу, это понимается буквально. Что говорят христиане? Они учат, что Христос есть Бог, который стал человеком для того, чтобы мы, люди,

стали богами. Это фактически высказывание апостола Павла: «Слово стало плотью и ходило среди нас», где речь идёт о том, что Бог стал плотью, Бог стал человеком, чтобы мы стали Словом, стали Логосом. Это тема подражания Христу. Фома Кемпийский написал такую книгу – «О подражании Христу», о стяжании божественных энергий, эта тема присутствует в византийской монашеской традиции, в исихазме. Но в принципе это не что иное, как обожение. Это также проникает в ислам через суфизм. В исламе давно идут споры, насколько суфии являются аутентичными мусульманами, потому что их платформа, их дискурс – они не коранические. Дискурс основан на представлении о Встрече. Главным термином суфизма является то, что называется Встреча, Встреча с Другом. Под Другом понимается Всевышний, которого суфии называют Аллах, но вопрос-то в том, что под Аллахом они имеют в виду Бытие в его абсолютной безусловной форме, а мы знаем, что Бытие – это не Аллах, это не Творец, это как раз Иблис.

О. Д.: То есть они в общем-то носители ереси. Правильно я понимаю?

Г. Д.: Они являются носителями ереси, и их идеологическая парадигма очень близка к мистическому христианству. На теме Встречи основан всякий мистический путь – мистический путь в исламе, мистический путь в христианстве. И тут есть очень тонкая вещь, которую я хотел бы довести до понимания. Бытие у Платона совершенно, это Бытие с большой буквы. Оно содержит в себе все мыслимые, возможные состояния. Совершенно оно не в том смысле, что оно каким-то образом является абсолютным плюсом, хотя у Платона это так, но в том смысле, что всё, что может быть, – есть в этом Бытии, оно совершенно. И есть человек, который находится в состоянии отражения, дефицита, вторичности, но он несёт в себе страждущую волю к этому Бытию, он несёт в себе страдание и жажду вернуться и соединиться с ним. Вот эта встреча несовершенного с совершенным – это фундаментальная вещь. Это встреча с Другом, когда несовершенное соединяется с совершенным, при этом не поглощаясь и не стираясь. В этом – специфика мистицизма, который предполагает не просто то, что человек исчезает в совершенном и аннигилируется в нём как капля в море. Нет, мистицизм добавляет несовершенное, как отдельно существующее, к совершенному, и после этой Встречи появляется союз, который в сознании мистиков называется «Бог». Бог у мистиков – это Бытие, которое встретило и приняло в свои объятия своего блудного сына, несовершенного человека, адепта, который стремился к встрече с ним. Именно эта Встреча делает из безусловного Бытия то, что называется божественным Бытием, Богом, совершенной субъектностью. Несовершенное стремится к совершенному, но это совершенное до Встречи ещё не Бог, и несовершенное стремится к ней, потому что знает, что Бог возникает во время Встречи. Конечно, суфийские мистики не проговаривают это так. Но если мы глубоко погрузимся в изучение суфийских традиций – темы Встречи, темы Друга и так далее, – то мы увидим, что здесь в момент Встречи есть некое преобразование, которое работает в обе стороны, оно создаёт третий фактор. Что означает стремление к Встрече и реализация этой Встречи? Конечно, это наслаждение, но это больше чем наслаждение. Допустим, Платон говорит, что Бытие есть Благо, это же – Идея, и это же – Благо. Что значит Благо? Благо – это полнота позитива в субъективном переживании. Бытие объективно, а Благо субъективно. Это наслаждение, это эйфория. Но в мистическом контексте это больше чем наслаждение, больше чем эйфория – это экстаз, это блаженство. Это то состояние, которое обретает мистик в момент Встречи, когда он действительно реально как праведник достигает ступени обожения. Это мистический путь.

О. Д.: Я для себя хочу уточнить. Есть древнегреческий термин «катарсис». Это такое откровение...

Г. Д.: Катарсис – это «очищение».

О. Д.: Такое очищение и озарение, что-то этого порядка, да?

Г. Д.: Катарсис – это разрешение кризиса. Кризис – это такое драматическое напряжение несовместимостей, которые взрываются, и появляется некий выход. По пьесе либо ты убиваешь меня, либо я убиваю тебя. Когда это убийство совершается – это катарсис, кто-то снимается с доски.

А в данном случае это прорыв в некую реальность, которая больше, чем совершенное Бытие до встречи с несовершенным. В этой Встрече проявляется божественность, дремлющая и в Бытии, и в твари, которая стремится к соединению. Ведь считается, что тварь порождена Бытием, но это не так. Бытие – это просто архетип. Здесь очень много запутанных вопросов, которые надо расшифровывать. В этих мистических доктринах ясное чёткое монотеистическое откровение, которое занимает оппозиционную позицию к Бытию, смешивается с Бытием, подтасовывается под Бытие, используется терминологически для оправдания старых практик, связанных с мистическим путём внутри Бытия. Здесь нужно проводить очень серьёзную работу по распутыванию этого дела. Это один путь – мистический путь, путь Встречи и выявления той божественной сущности, которая скрыта и в Бытии, и в человеке до этой Встречи.

Есть совершенно другой путь, можно сказать, противоположный, антивстреча, путь индивидуации. Мы помним, что человек – глиняный. Он занимает позицию между, условно говоря, землей и паром. У него одна рука направлена вниз к земле, другая направлена вверх. Которая вниз – там написано *coagulo*, которая вверх – *solve*. *Solve et coagulo*. Разрежай и сгущай. То есть либо он идёт путём разрежения своей субстанции, путём сублимации и приобретает свойство пара, то есть как бы одухотворяется. Либо он идёт путём сгущения, становится плотным и тяжёлым. Это конкретно не путь беатификации, то есть блаженства, это путь наслаждения. Путь вверх, *solve*, это магический путь. Был такой глубокий и серьёзный мыслитель-традиционалист Юлиус Эвола, он написал книгу «Магическое я и его возможности» в 20-е годы, это был первый его мощный том о возможностях высшей магии. Он тогда был ещё не особо углублён в традиционализм, но уже встретился с Тантрой и написал эту книгу. Это путь *solve*, разрежения, связанный с повышением наслаждения, путь к благу субъективного плана. Это магический путь, путь для посвящённых. Но есть путь вниз, к сгущению, который связан с концентрацией глины, это путь профанов. То есть это тоже путь индивидуации, но индивидуации внизу. Это путь разврата, наслаждения, путь Дориана Грея. Дориан Грей идёт индивидуальным путём сгущения, прожигания жизни. Этот путь тоже даёт наслаждение, потому что сгущение освобождает какую-то энергию, что даёт эффект острого переживания. Вы, наверное, обратили внимание, что во всех вариантах речь идёт о наслаждении, субъективном переживании Блага или блаженства в верхнем варианте райской беатификации при Встрече. Человек становится магом, которому не нужен никто, кроме него самого, это путь великого адепта, освобождения от иллюзий внешнего бытия. Это магический путь шамана высшей категории. Либо же это ночные клубы с наркотиками по туалетам и прочей бездной падения. Это путь на задворки реальности, но это тоже путь, это тоже индивидуация, и, в принципе, у неё есть разные степени. Есть нарциссизм осторожных мещан, которые не идут на крайности, но знают, что их «я» является безусловным и абсолютным, кроме него ничего нет. А есть экстремальная золотая молодёжь.

О чем идёт речь в данном случае? О том, что мы собираемся серьёзно углубиться в понимание человеческого фактора. Для того чтобы сделать это, нам нужно определить площадку, на которой этот фактор будет описан исходя из первичного понимания. Когда мы говорим о магическом пути, когда не нужен внешний Бог, когда шаман приходит к тому, что внешняя идея Бытия, отдельного от него, – это просто такое чучело, которое падает, когда он сам становится бессмертным, меняет состояния, меняет позиции, – это то, что называется в Библии «будем как боги». То есть это не Встреча с единственным Другом, это желание самому стать Богом. Я подчеркну, что в свидетельстве веры ислама говорится «Ля иляха илля

Ллах», то есть там говорится, что нет «илохим», нет божества. «Илохим» отрицается, но не как реальность, которая описана как нечто, что есть как этот стол, а отрицается как некий смысл, как некая ценность. И этому противопоставляется Аллах, который есть не понятие, подобное Богу, а имя собственное. Имя собственное, которым обозначается нечто совершенно трансцендентное, непостижимое, не имеющее аналогий, противостоящее Бытию, не пересекающееся с опытом твари, не входящее в резонанс с тем, что тварь может испытать или пережить. И именно это является предметом утверждения, веры, вектором ориентации. А всё, что здесь можно найти в Бытии, – перечёркивается. Нет богов, подобным которым можно хотеть стать, нет никакого божества ни в единственном числе, ни во множественном, ни в виде идолов, ни в виде оригиналов, ничего этого нет. В крайней форме мы находим это именно в Коране. Когда мы обращаемся к Библии, то Библия очень серьёзно занимается темой «илохим», и это некая угроза для монотеистического откровения, которое в ней описывается. Адам и Ева изгоняются из Райского сада, потому что хотели достичь этого состояния. Но не будем забывать, что Библия поправлялась несколько раз, в том числе она воспроизводилась заново в Вавилоне, и на нее оказали большое влияние вавилонские традиции. Мы не можем говорить о Библии как о чистом источнике монотеистического Откровения, она несёт на себе печать очень серьёзных влияний. «Будем как боги» – это желание может быть выражено в форме превращения в посвящённого шамана, который может быть свободным от времени и пространства, или же в форме профана, который чувствует себя божеством, но не знает, что существуют какие-то сверхъестественные возможности, – он просто рассекает на Гелендвагене.

О. Д.: Да, это высказывание для профана вполне подходит. Я вас правильно понял, что желание уподобиться высшему существу в разных религиях может быть выражено в том числе через пост, епитимью и разного рода телесные практики, когда человек стремится стать лучше, это вот и есть то самое обожение.

Г. Д.: Тут главное – намерение. В исламе предписан пост. Но он предписан не как путь к обожению. Он предписан как техника жизни, техника постоянной памяти о том, что вам дано Откровение. Откровение о том, чего вы не знаете, не чувствуете и так далее, и вы должны об этом помнить, вы должны это повторять, вы должны испытывать некие тяготы в связи с этим. И эти тяготы – это просто техника, которая держит вас в определённом режиме. В других же системах пост, аскеза, самоистязание, умерщвление плоти будет обязательно путём к обожению, будь то практики монашеские, или практики тибетские, индийские и так далее. Или же наоборот, это погружение в материю, которое тоже даёт наслаждение, иллюзию индивидуации безусловного характера. Человек стремится к некой полноте, некой реализации универсального. Это присущая ему черта, связанная с темой субъективной стороны платоновского Бытия-Блага. Это понятие есть во всех языческих метафизиках, например, концепция Сат-Чит-Ананда – это индуистская версия, тантризм, на санскрите означает Бытие-Сознание-Блаженство. У Платона это звучит как Бытие-Благо-Идея. Что такое тут Благо? Это именно субъективное переживание Бытия, как можно более полное, которое связано с наслаждением. И здесь мы подходим к некой площадке, на которой мы дальше будем анализировать человеческий фактор.

О. Д.: Одну вещь ещё хотел для себя уточнить, пока мы не перешли на следующую ступень. Я правильно понимаю, что, когда человек добивается каких-либо материальных вершин и имеет какие-то силы, права, средства дать указание построить дворец или разрушить дворец, он тоже в каком-то смысле уподобляется Высшему Существо.

Г. Д.: Да, это определённое ответвление обожения – стремление к власти. Причём, если мы говорим о власти в первозданном, архаичном значении, то это непосредственно стремление к воплощению чистого Бытия. Фараон, обращаясь к своему народу, говорил, согласно Корану: «Я ваш верховный Господь», имея в виду не то, что он господин, а то, что он тот

самый бог, который держит землю и небо. Это статус существа, которое встало в пятнышко света, проходящего через единственное отверстие в куполе тёмного храма. Ради того, чтобы попасть в это пятнышко, можно убить брата, сына, отца, которые также на это место претендуют, потому что там может стоять только один. Встав туда, ты становишься Бытием здесь, в этой тьме. Это фараон или кесарь, сегодня существует коллективный фараон, но то, что мы видим предъявленным нам, это в основном симулякры, персональные микрофараоны – это симулякры. Как и симулякры, Бытие социализировано, индивидуация произошла, в основном идёт coagulo, solve не идёт. Но тем не менее за всем этим всё равно стоит инстинкт обожения, именно он формирует человеческий фактор. Человеческий фактор – это то, что образуется такой вот динамикой: таракан хочет стать всемогущим и испытать безумную эйфорию этого состояния.

При всем при том есть тут одна серьёзная проблема. Субъективное переживание Бытия как Блага фундаментально связано с болью. Есть блаженство, и это цель, но Бытие несёт в себе боль для тех, кто стремится с ним встретиться. Суть вопроса вкратце заключается в следующем: раньше мы говорили, что реальность есть описание, виды описаний, сумма описаний, различные описания. Это не само Бытие, это матрицы. Само Бытие – это вещь в себе. Мы стремимся к нему, и выход к «вещи в себе» может быть формой обожения – соединение с вещью в себе за пределами описания. Но дело в том, что есть модус Бытия, который здесь присутствует не описываемым образом, поверх любого описания. Мы не отдаем себе отчёта, что есть вещь в себе, одна и та же в любых описаниях, и она эти описания в некотором смысле отменяет. Это огонь, огонь в буквальном и в переносном смысле. Огонь – это то, как Бытие проявляется здесь, на нашем плане. Если сунуть руку в пламя свечи, то сразу понимаешь: это вне описания. Если человека бросают в костёр – это вне описания. Это сразу жуткая боль, и это встреча с Бытием. Это не встреча с тем Сознанием, которое тебе позволяет всё воспринимать и видеть, это совсем другое. Встреча с Сознанием – это ужас. А здесь это встреча с болью, которая неотъемлема от субъективного переживания Бытия как Блага. То есть мы стремимся к Бытию как Благу, которое внутри себя является блаженством, но, когда Бытие приходит к нам, оно приходит как жгущий фактор, как пламя, соприкосновение с которым нас умерщвляет. И вот здесь есть много любопытных аспектов, в том числе и мистических. В частности, уход в пламя, мистическая пиромания, – это одна из форм посвящения, которая может вести к Встрече или к превращению в шамана и к освобождению от здешнего заземлённого статуса. Есть такой писатель Г. Майринк, написавший потрясающее произведение «Голлем». В этой книге всё кончается тем, что главный герой Атанасиус Пернат встречается с Мириам, своей суженой, и они становятся Андрогиним в пламени горящего дома. Дома, в котором появляется каждые тридцать три года Голем. Это называется «Пиромания Мириам», уход через пламя. С другой стороны, хочу напомнить об аутодафе, которым церковь прекращала существование магов, шаманов и так далее. Это тоже не просто так. Мы позднее разберём внутреннюю метафизику боли, но пока я сделаю краткий экскурс в последующую тему. Боль – это результат огня, огонь является субстратом как боли душевной, так и боли физической. И если мы проанализируем боль, которую мы испытываем от предательства, обмана, обнаружения своей несостоятельности или заброшенности, то есть когда у нас жжёт сердце, душа горит, и от того ощущения, которое мы испытываем, сунув палец в свечку, мы обнаружим, что вкус этой боли в обоих случаях совершенно идентичен. И любое такого рода влияние этого мира нас не разрежает и не сгущает. Оно забирает световой элемент, всю ту потенцию сублимации, которая есть, и оставляет пепел, который возродиться уже не может. Физически это выглядит так: вы бросили в печку полено, оно в горении отдаёт весь тот световой потенциал, который в нём был, и остаётся кучка золы. Субъективное переживание полена – это, конечно же, боль. Происходит разъём, субстанция отдаёт потенцию разрежения, потенцию возгонки, потенцию превращения воды в пар,

и остаются вместо воды соли. Здесь основа боли, и я хочу сказать, что это необходимейший дуализм, который описывает человеческий фактор вчерне и глобально. С одной стороны, это стремление к обожению, а с другой стороны, та же самая жажда Бытия, и встреча с ним под другим углом является источником не блаженства, но чудовищного страдания. С одной стороны, это беатификация и блаженство, то есть то, что обещано в раю, а с другой – это жгущее пламя, то есть то, что обещано в аду. Рай и ад в их проекциях совмещены в человеке, в описании человеческого фактора. Человек стремится быть Богом, но на этом пути у него постоянно есть опыт горящего в печке полена.

О. Д.: Получается, что это своего рода ловушка для человека.

Г. Д.: Человек сам для себя ловушка. У человека есть несколько пар фундаментальных свойств, они все основаны на боли: страх, отчаяние, надежда, депрессия и так далее. Это фундаментальные психологические переживания, гештальты, за ними за всеми стоит боль. А в оппозиции к ним стоит блаженство, к которому человек стремится. Но управляется он в своей судьбе болью, и сама его судьба – боль. Судьба человека здесь – это юдоль, удел, и удел человека – боль, и этой болью он управляется. Описав вот эту площадку, когда с одной стороны мы имеем жажду блаженства, а с другой – управление через боль, мы выходим на более детальное понимание человеческого фактора, на рассмотрение человеческого фактора как действующего в истории и во времени явления.

Глава 17

Боль и общество

Общество давно освободилось от роли посредника в треугольнике человек – боги (Олимп, Небо) – природа. Общество успешно съело два угла этого треугольника – Небо и землю – и намерено покончить благополучно с человеком. Теперь об обществе нельзя сказать, что оно в лице своего единственного представителя, фараона или кесаря, является тенью Великого Существа на земле. Оно претендует, возможно, несколько опережая ход вещей, на то, чтобы быть Великим Существом самому.

В онтологической системе координат статус Великого Существа – это просто чистое Бытие. Общество и рассматривает себя как Бытие. Ничто не может быть признано реальным, не пройдя социализацию. Археологи, встречаясь с мегалитами или пирамидами, на ступенях которых приносились жертвы, пытаются вычислить, во что «верили» хозяева этих сумрачных процедур. Им и в голову не приходит рассматривать контент тех подразумеваемых как самостоятельную объективную данность, которая не зависит от характеристик «архаика», «современность» или иная тому подобная ерунда.

Итак, общество стало Бытием, а значит, узурпировало функции Бытия подлинного (понятно, что, став Бытием, общество не может приобрести характер «подлинности», оно остаётся имитацией, остаётся «тенью», но об этом запрещено говорить). Главная характеристика подлинного Бытия при встрече с отражениями, с отброшенными им на зеркала тенями – это ожог нестерпимо мощным адским пламенем, которое ревет в скрытой от глаз и восприятий всего вторичного бездне. Бытие, таким образом, «лечит» наотмашь, вплоть до чистого уничтожения всё, что ему попало на дороге. Как говорится, «что не излечивает лекарство, излечивает железо, что не излечивает железо, излечивает огонь»!

Общество присваивает эту важнейшую функцию врача. Бессознательно обыватель говорит о социуме как о судьбе, о самой жизни и специфически – о некоем абстрактном, вроде Деда Мороза, враче. Обычный разговор обывателя, «жизнь научит», «судьба так сложилась», «тюремные университеты» и прочее и прочее, с установкой на то, что все щелчки по носу и ожоги по ходу жизненного процесса человек получает от общества. Для сегодняшнего обывателя общество стало настолько мистическим и пугающим ведомством (не путать со спецслужбой!), что он даёт ему различные клички, относящиеся к отдельным частным функциям. На некоторые из них – «судьба», «лекарь», «жизнь» – мы уже указали.

Общество управляет людьми через боль, воспитывает их через боль. Тут есть, однако, интересный момент. Если общество при всех своих позах и амбициях остаётся всё-таки симулякром Бытия, то и боль, которую оно способно причинить, оказывается симулякром боли.

Симулякр истинной боли! Вот что такое, по сути, многообразные формы социального давления, угнетения, подхлёстывания, которые составляют путь на Голгофу обычного человека, полностью уверовавшего в общество, как в «абсолют».

Отсюда следуют две вещи. Первое – это то, что чистый атеизм является конечной и категорической формой социализма. Не в смысле отношения к этому марксистскому термину «левизны» или чего-нибудь такого, а в том смысле, что человек просто поклоняется социуму («социальному») как глобальной и последней инстанции. При таком поклонении у социума есть права на всё. Это значит – право на любое унижение, на любое вторжение, на любое насилие... И, кстати, непонятно, как логически можно совместить либеральную

социократию с концепцией прав человека? Чистый атеизм (полная социократия) ведёт к абсолютному демонтажу всякого личного достоинства.

Вторая вещь заключается вот в чём. Если человек всё-таки хоть чуть-чуть не атеист, если он видит хотя бы некоторую разницу иерархического порядка между случайным булыжником и своей башкой, то тогда может оказаться, что его полоснёт по горлу не симулякром, а вполне настоящей болью, к которой он не готов. Не готов прежде всего потому, что на 99 % он сидит в комфортной трясине псевдоболи. Вот этот 1 % может закрыть его личную тему и «вылечить» его окончательно.

О. Д.: Сегодня мы продолжаем разговор на тему «Человеческий фактор». И тема нашей сегодняшней встречи – «Боль и общество».

Боль является главной составляющей человеческого фактора и инструментом управления человеком во все времена. Однако значение боли в глазах индивидуума с годами меняется. Давайте поговорим...

Г. Д.: Не с годами, а со столетиями.

О. Д.: Со столетиями.

Г. Д.: И даже тысячелетиями.

О. Д.: Давайте поговорим о боли как о способе управления обществом.

Г. Д.: Я бы хотел начать с такой темы: «Ошибка Фрейда». Как известно, его фундаментальная идея заключается в том, что человек как бы танцует от некой точки отсчёта, от океанического блаженства, которое он испытывает в утробе матери, будучи зародышем, то есть он находится в околоплодных водах, поэтому это блаженство называется океаническим. И человек испытывает то абсолютное чувство комфорта, безопасности, эйфории, блаженства, которое потом является доминантой, бессознательной доминантой его последующей жизни, и к этому состоянию он стремится вернуться.

Причём, я считаю, что эта идея – острая ошибка Фрейда. Она заключается в том, что он назвал это чувство блаженством, в то время как это на самом деле комфорт, можно сказать океанический, но это дела не меняет. Между блаженством и комфортом – фундаментальная, глубочайшая разница. И здесь встаёт такой интересный вопрос: люди золотого века, о которых мы в предыдущих беседах упоминали, – что они испытывали? Потому что как раз их ощущение было очень подобно зародышу в утробе матери, поскольку у них не было никаких проблем со средой, то есть у них не было проблемы дождя, жара, мух, комаров и прочего. Они чувствовали себя в этой среде так же, как младенец-зародыш в утробе матери. Так вот, при каких условиях это называется золотым веком? При каких условиях это называется земным раем? Судя по всему, это должно быть некое блаженство. Блаженство – это райское состояние. Но тут есть одна тонкость: это земной рай. Не будем забывать, что это земной рай, то есть это рай, который находится в зеркале нашего мира, это рай отражённого, вторичного Бытия. Я считаю, что, конечно же, в золотом веке первые люди, доязыковые люди, люди, которые были в доязыковом состоянии, испытывали именно комфорт, а не блаженство. Почему это так важно? Потому что антитезой боли является не блаженство, а комфорт. Тут есть некоторая путаница, потому что серьёзно разбирать все эти нюансы стали только в XVIII веке, когда появилась сенсуалистская школа, когда появились гедонисты, Локк, люди, которые стали погружаться в исследования того, к чему стремится человек. Но они стали смешивать эти две вещи: блаженство и комфорт. Но проблема в том, что блаженство – это некоторым способом сверхъестественное состояние. В прошлых беседах мы говорили, и не лишне ещё раз повторить: блаженство – это переход от коагулы к сольве, то есть это поднятие от более грубых и плотных состояний вещества, такой телесной глины или глиняной

телесности, к более тонким, разреженным уровням субстанции, вплоть до того... Как сказал один герметик XVI века, Меркурий ван Гельмонт, был такой алхимик. Он сказал, что материя и дух – это два полюса одной субстанции и наша задача состоит в том, чтобы сделать материю духовной, а дух материальным. Собственно говоря, здесь речь идёт о блаженстве, потому что это некоторым образом переход снизу, от вещества, вверх, вверх, вверх, к парообразному состоянию. Это и есть то, что даёт блаженство, максимально приближая гештальт человека, его экзистенциальное состояние к чистому Бытию в его платоновском смысле. Ведь блаженство – это то, что, согласно Платону, присуще именно Бытию. Платон говорит: Бытие – идея Блага, а Благо – это блаженство. А вот комфорт не требует повышения вашего телесного статуса. Вы находитесь в этом состоянии грубого вещества, и вы не превращаетесь ни в сверхсущество, ни в ангела, ни в призрака.

О. Д.: Видимо, зародыш человека не может осознавать блаженства, он скорее находится в комфорте, и когда зародыш через боль появляется на свет... Достаточно больно зародышу человека появляться на свет.

Г. Д.: Здесь его матери больно, а ему же больно становится потому, что происходит удар воздуха по лёгким. Самое главное – это вторжение воздуха в лёгкие.

О. Д.: И это в первую очередь для младенца дискомфорт, говоря современным языком.

Г. Д.: Антитеза комфорта – это именно боль. Не лишне вспомнить ещё раз, что боль – это встреча отражения с оригиналом, когда Бытие напрямую сталкивается со своим отражением, воздействует на своё отражение сквозь реальность. Бытие и реальность нетождественны. Реальность – это система описаний, и не более того. Реальность вся погружена в язык, в словесную ткань. Бытие – оно невыразимо словом, оно не является никакой вещью, и поэтому оно не реально. Когда Бытие сталкивается с человеческим существом, оно пересекает все тени и плетения, описания насквозь, и это всполох пламени, которое жжёт.

Я напому образ, который я очень люблю, когда Джон Ди, возвращаясь с гуляний, в холле своего особняка видит своё отражение в зеркале и начинает его избивать хлыстом, чтобы оно сделало лишнее движение и освободилось от связи с ним. То есть воздействует на него болью. В данном случае он оригинал, и он встречается с отражением, и прежде всего для отражения это боль, это огонь. А сущность боли – это всегда огонь. Но здесь мы обнаруживаем такую интересную вещь: это человек, который зажат между этими двумя полюсами...

Многие не отличают комфорта от дискомфорта, это же разные степени. Комфорт начинается с того, что из экзистенции человека устраняется риск боли, упоминание о боли, угроза боли.

О. Д.: Боязнь будущей боли.

Г. Д.: Боязнь будущей боли. Это уже начало комфорта. И здесь мы обнаруживаем очень интересную вещь: общества прошлого все строятся на боли и вокруг боли, а современное общество – оно строится на комфорте. Поэтому исторические сериалы и исторические фильмы так шокируют зрителя, если они качественно сделаны. Они все построены на большем количестве боли. Взять хотя бы «Игру престолов».

О. Д.: Да, конечно. Кровь, мясо, кишки наружу и всё такое.

Г. Д.: Да.

О. Д.: И все страшно боятся будущей боли, и все в этом и живут, собственно говоря.

Г. Д.: Боятся ли? Вот тут интересный вопрос. Потому, что боль для архаического человека – это вещь очень натуральная, очень близкая ему. Более того, мы будем говорить об этом несколько подробнее, но, собственно говоря, с чего мы начинали? Боль – это стержень человеческого фактора. Выскажу такой тезис. Я его выскажу аксиоматически, потом попробуем его доказать. Боль очень тесно связана с верой. Включённость боли как постоянной константы внутри личной экзистенции является основой и опорой религиозной веры в соб-

ственном смысле слова. Религиозная вера имеет два эшелона. Люди плохо понимают, что такое вера. Они считают, что вера – их умственные предположения, хотелки. Или – когда они говорят: «Я верю, что есть нечто высшее; я верю, что есть высший разум; я верю, что есть нечто большее, чем мы». Вот эти неопределённые клише, которые они заимствовали из культурных матриц, они якобы являются верой или приобщают их к вере. На самом деле вера – это очень резкая, острая и болезненная встреча с совершенно чуждым. Но не совершенно чуждым, как откровение Бога монотеистов, который принадлежит к сфере радикально противоположного Бытию. А это Бытие, которое отражается, но оно так же чуждо, как оригинал перед зеркалом, то есть как бы есть аналог, но это – трёхмерный объективный факт, а это – отражение.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что вера купирует болезненные ощущения?

Г. Д.: Она не купирует, она является обратной стороной. Вы переживаете боль, но можно же переживать боль как животное, или можно переживать боль, как переживает её современный человек, который тупо не понимает, за что это с ним, почему с ним, за что это мне, что я такого сделал. Он это переживает как нечто абсурдное и бессмысленное. Потому что он считает, что он достоин только комфорта, он погружён в комфорт, это его натуральное. И вдруг в это натуральное вторгается какой-то горячий уют или фосфорная бомба. За что это мне?! Это нечеловеческое восприятие боли, это недочеловеческое восприятие боли.

Человеческое восприятие боли – это когда человек воспринимает боль как страшную энергию поднятия над самим собою, выхода в некое утверждение. Боль – это утверждение. Это утверждение его человеческого предназначения, и он обнаруживает внутренней стороной этого утверждения предмет боли. Допустим, условно говоря, Джордано Бруно, привязанный к столбу, с разложенным костром под ногами. Он переживает эту боль как доказательство его миссии. Как выход из своего человеческого бытия с его домыслами, множественностью миров. А если это множество миров – некое «ля-ля» такое, и из-за этого «ля-ля» его привязали к столбу? И когда он испытывает предельную боль сжигания его тела, он выходит в состояние, в котором обнаруживает, что вся его жизнь была правдой. И вот именно в этом смысле боль является базой, верой. Это одна сторона. Вторая сторона очень тонкая и гораздо более ускользающая – это интеллектуальная воля. Это вера как постулат утверждения того, что человек не имеет, не видит и не испытывает. Какой смысл верить в этот столб, он передо мной. Какой смысл верить в какие-то системы описания. Вот тебе предлагают вариант: звёзды – это огромные огненные шары, пылающие в космической бездне, тебе дают посмотреть в телескоп, говорят о красном свечении, разбегающихся галактиках. И тебе говорят: ты веришь в это? Какой смысл в это верить? Я посмотрел в телескоп. Я могу верить только в то, чего нет, но что я утверждаю как абсолютное да, как абсолютно центральное.

Два полюса: боль, которая не требует интеллектуального преодоления её отсутствия. Она присутствует. Боль присутствует, она вторгается в нас. И интеллектуальная воля, которая говорит, что этого нет для меня, но я утверждаю, что это самое главное. Вот это два взаимоисключающих себя момента, которые должны соединиться. Для архаического человека. Я условно говорю – архаический человек, потому что он может быть и сегодняшним. Архаическим называют человека времён Гомера, а я имею в виду, что это может быть в так называемой тёмной эпохе, которая для меня совсем не тёмная: в Средние века, в Риме. Были люди, вся жизнь которых была построена на боли. Для них боль была фундаментальным принципом. Эту боль им давали все: всё общество, начиная с фараона, короля, монарха, с первого лица, что называется. А современное общество построено на совершенно другом принципе: принципе комфорта, принципе исключения боли, построено таким образом, что боль для человека является просто парадоксом и преступным, незаконным вторжением в нормальное существование.

О. Д.: Я тогда сформулирую: когда было больше боли, было и больше веры. Это взаимосвязано и в определённом смысле логично.

Г. Д.: Абсолютно.

О. Д.: И как только в современном обществе становится меньше боли... Скажем проще: к примеру, сейчас родители не наказывают детей физически, хотя в конце XIX – начале XX века лупили линейками с бороздками.

Г. Д.: В британских частных школах лупили линейками с бороздками, клали на скамейку и пороли.

О. Д.: Совершенно верно. Как только общество становится «цивилизованным» и даже в воспитании детей (я не говорю о каких-то экзекуциях, пытках, физических наказаниях) фактор физического насилия или боли начинает отсутствовать, соответственно, начинает отсутствовать и фактор веры. Это взаимосвязанная какая-то...

Г. Д.: Вы очень точно уловили направление моей мысли. Более того, я хотел продолжить в том плане, что комфорт есть не что иное, как парадигма расчеловечивания, то есть демонтаж человеческого фактора. Социальный комфорт раскладывается на два аспекта. Легальный комфорт – это плыть по течению (диван, телевизор, офис и прочее), и нелегальный комфорт – это наркотики, азартные игры, проституция и все подобные пороки. Понятно, что эти два аспекта смыкаются. Есть масса вещей, в которых это всё сходится и находит друг друга. Потому что тот же самый легальный обитатель офиса и смотритель телевизора на диване время от времени оказывается в ночном клубе, на дансинге. И он встречается с допингом, и если он идёт дальше, то это уже путь к маргинализации. Маргинализация, поскольку человек становится пассивной жертвой этого всего, его полностью съедает. В принципе комфорт расчеловечивает, и это хорошо видно на примере маргиналов. Причём социально активные элементы, которые погружены в этот комфорт, просто не замечают расчеловечивания, хотя это тот же самый процесс. И что интересно: комфорт – это мерило цивилизации. Соответственно, вера считается частью варварства, частью тёмной эпохи, и поэтому она должна быть исключена и подавлена. Потому что она связана с болью.

О. Д.: Очень интересное заключение.

Г. Д.: Мы здесь приходим к фундаментальной алгебре ряда категорий, которые я вбрасываю. Выкладываю некоторые категории, рассуждая о человеческом факторе.

Вот комфорт, он не имеет ничего общего с блаженством, он является совсем другой дорогой, совсем другим состоянием, он противоположен боли. Это дуализм, это двойственность динамики истории. Но мы же не можем сказать, что боль ушла. Комфорт – да. Комфорт присутствует, он становится главным. Но боль-то не ушла, боль – она есть. Во-первых, человек ревнует, во-вторых, он берётся за тот же самый горячий утюг, в-третьих, есть война, в-четвёртых, есть спецслужбы, суд и тюрьма. Но здесь присутствует одна такая вещь: цивилизация умеет соорудить в головах людей такую матрицу, в результате которой они воспринимают комфорт как всеобщую данность, а боль – как эксклюзив, как некое вторжение. Я приведу простой пример. США – это полицейское государство, в котором прав у человека меньше, чем в СССР. Это факт. Спорить не будем. Кто-то скажет: я там был, и там прекрасно. Кто-то скажет, что это сильное преувеличение. Но взять хотя бы USA PATRIOT Act. Этот PATRIOT Act предполагает массу вещей, которые были немыслимы в Советском Союзе. Взять хотя бы обыск, проводимый без хозяина дома, или то, что выделяли ФБР и полиция в Бостоне во время поиска Царнаевых, когда 10 тысяч человек были вышвырнуты из своих домов, поставлены на колени перед своими домами на лужайках, руки за голову, и там проводился обыск в их отсутствие, и никто из них даже не пикнул. Но при этом все эти люди, за исключением некоторых левых, которые пишут возмущенные тексты о Police brutality, убеждены, что они живут в комфортном цивилизованном пространстве.

О. Д.: В самом цивилизованном пространстве в мире.

Г. Д.: Да. В самом цивилизованном и самом комфортном пространстве. Хотя количество боли в чёрных кварталах или в азиатских кварталах, собственно говоря, достигает архаических величин. А если учесть суммарно ещё пересекающиеся слои: Police brutality, деятельность мафии, те же самые разборки банд, те же отношения в семьях...

Но при этом эти люди чувствуют себя принадлежащими к цивилизации. Это великая иллюзия. Здесь мы сталкиваемся с феноменом диктата описаний, когда мы действительно обнаруживаем, что реальность – это в действительности не более чем описание.

О. Д.: К слову об описании. Мне приходилось не раз бывать в Америке, приведу небольшой пример архаичности: мы проходили со своими друзьями совсем рядом с негритянским кварталом, он достаточно большой, и на стене надпись «Martin Looter King not dead». И там сидит на корточках группа негров, и мой друг говорит: «Если ты видишь эту надпись, то лучше отсюда уходить. Мы белые, и здесь можно огрести. Это народная примета». Понимаете?!

И мне показалось очень точным описание: если Мартин Лютер Кинг жив, то белым здесь не место. Вот такой простой совершенно пример конфликтных отношений, которые просто написаны на стене.

Г. Д.: Причём я бы сказал, что это не совсем логично, потому что, если уж писать такие вещи, от которых белым лучше отгребать, то «Малкольм Икс» надо писать, and he's not dead. А у них, кстати, была встреча. Они же друг друга терпеть не могли. Потому что Малкольм считал, что Кинг – это прогибающийся сопляк, который всё сдал, конформист, который всё сдал. А Кинг считал его экстремистом. И у них была только одна встреча. И они так поговорили, как Эрдоган с Путиным, и разошлись. После этого Малкольм был убит, ну и Кинг был убит.

О. Д.: Но тем не менее есть некое описание, и если ты оказываешься рядом с ним, ты можешь огрести, поэтому лучше к нему не подходить.

Вот вы сказали, считается, что мы живём в демократическом и самом цивилизованном обществе. И да, пускай Мартин Лютер Кинг жив. Вот тут тебе как раз архаично прилетит.

Г. Д.: Здесь я бы хотел подчеркнуть, что матрица построена на идее тотальности и легитимности комфорта и его абсолютной исключительности. А боль есть нечто парадоксальное, внешнее. Человек, который живёт, сталкиваясь с болью, всё равно считает, что он живёт в цивилизованном обществе, где все играют по правилам, всё комфортно. Риск исключён из его сознания. Риск и боль, ожидание и боль. Когда эта боль приходит, она является чем-то таким... Преступным.

Государство присваивает право на насилие. А ведь в предыдущих обществах (обществах фараонов, кесарей и даже королевы Виктории, хотя у неё уже было не совсем так) государства в нашем смысле понимания не было. Почему не было в нашем смысле понимания? Потому что государство сегодня – это аппарат. И это не просто аппарат, а как говорил Ленин – аппарат насилия и убеждения, и, конечно, это так и есть. Но это и аппарат прекращения коммуникации между верхом и низом. Раньше такая коммуникация была. Если кому-то доводилось смотреть «Аббатство Даунтон», то там прослеживается история графской семьи на протяжении нескольких поколений. Эта история очень хорошо иллюстрирует массу вещей, касающихся не только Великобритании, но и России, и кого угодно. Мы видим – внизу, в подвальном этаже, в кухне – слуги, вверху – господа. Но эти слуги и эти господа находятся непрерывно в коммуникации. А сегодня господа пользуются услугами таких слуг, которые принадлежат к спецслужбам.

Нет коммуникации, с улицы господа не берут себе слуг. А там слуг берут из ближайшей деревни. Вот в чём дело. Лев Николаевич Толстой брал себе слугу из ближайшей деревни, и он находился в прямой коммуникации с народом, как и любой британский граф, как и римский сенатор, как кто-то из рода Юлиев или Флавиев. Они опирались прежде всего на народ

и даже на вольноотпущенников. Это значит, что у них не было государства в нашем понимании. Когда были первые халифы в исламском пространстве, например Умар ибн аль Хаттаб – второй праведный халиф исламского халифата. К нему заходит мусульманин, спокойно, не останавливается на входе охраной, берёт его за шкирку перед кучей народа, которая там находится, выхватывает меч и говорит: «Смотри, Умар, если ты сойдёшь с пути, завещанного пророком, да благословит его Аллах, вот этим самым мечом я снесу тебе голову». Вместо того чтобы тут же положить мордой на землю, Умар обнимает его, показывает на него присутствующим и говорит: «Вот такими должны быть все вы, я горжусь им». Он говорит: «Спасибо тебе, я требую, чтобы ты сохранял эту позицию и дальше». Это отсутствие государства. Это прямая, хотя несколько и парадоксальная, но прямая коммуникация между верхом и низом. Собственно, здесь нет ни верха, ни низа, здесь просто некое братство.

О. Д.: Тогда получается, что халиф был первым среди равных в каком-то смысле.

Г. Д.: И я хочу подчеркнуть, что здесь мы обнаруживаем второй полюс веры. Вера, которая основана на интеллектуальной воле утверждения в качестве единственно важного того, чего нет. Потому что другой полюс – это когда мы имеем дело с фараоном, от которого, как известно, Моисей увёл свой народ. Согласно Корану, фараон говорил своему народу: «Я ваш верховный Владыка», имея в виду, что он есть Бог. Там был другой полюс веры. Там был полюс веры, основанный на боли. И вот мы говорим, что это два полюса, находящихся в неустойчивом равновесии: интеллектуальная воля, которая утверждает то, чего нет, и боль, которая раскрывает потенциал и сущность того, что единственно только есть. Потому что ничего нет, кроме этой боли, а эта боль – это встреча с чистым Бытием, которое не имеет определений. Потому что в конечном счёте боль, настоящая боль, не имеет определений. Вот два этих полюса.

О. Д.: Вы знаете, когда вы ещё раз вернулись к мысли о параллельном существовании боли и веры, мне пришло в голову простое детское воспоминание: когда у тебя что-то болит, ты обращаешься к Всевышнему и говоришь: «Ну за что? Останови это». Есть такая интересная штука, что, когда ты не понимаешь, что с тобой происходит, и тебе просто больно по каким-то причинам, ты обращаешься к высшим силам и просишь их это остановить. И тогда в тебе усиливается вера. Если ребёнок чувствует боль, он понимает, что если сказать «Господи, останови её», то Он это делает.

Г. Д.: Это такая реакция, что называется, сырая, это реакция современного человека. Реакция же архаического человека иная – он идёт навстречу этой боли. Я имею в виду зрелого архаического человека, который не бежит от костра инквизиции и других подобных вещей.

О. Д.: Или с радостью идёт на казнь.

Г. Д.: С радостью идёт на казнь или, во всяком случае, понимает, что эта казнь раскрывает его человеческую сущность, хотя и является крайне нежелательным и предельно негативным фактором его судьбы. Но именно этот предельно негативный фактор раскрывает последнюю правду о его вброшенности в этот мир. Боль и финал. Но современное общество всё построено, во-первых, на комфорте, во-вторых, на обмане, что боли нет. По поводу обмана. Получается, что комфорт весь находится на одной стороне, а вот в Сирии, например, там, пожалуйста, касетные фосфорные боеприпасы, там этой боли сколько угодно. Но говорить о ней практически нельзя, потому что боли нет. А если есть боль, то это должно изолироваться, подавляться, уничтожаться. Но при этом боль-то всё равно существует в руках этой государственной машины, которая не допускает, чтобы кто-то зашёл с улицы в штаб управления и поднёс обнажённое лезвие к горлу первого лица, и сказал бы, что если ты сойдёшь с пути – марксистско-ленинского или ещё какого-нибудь, – то, значит, тебе будет больно. Нет. Эксклюзивное право, легитимное право на насилие, то есть причинение боли, находится даже не у фараона, а у какого-то аппарата.

О. Д.: У писцов, проще говоря.

Г. Д.: У писцов находится это легитимное право. И, собственно говоря, получается, что писцы – это террористическая организация, которая борется с другой террористической организацией. Точнее, они называют террористической организацией всякого, кто подозревает, что тут дело нечистое. Такие люди тут же оказываются в террористах, вот в чём проблема. Комфорт – это значит расчеловечивание.

Человек, который идёт по пути комфорта, может сдерживаться от экстази или от героина, не ходить там на всякие дансинги, а просто считать, что семья, досуг, хождение с детьми в зоопарк, поездки на море и всякое такое – это самые что ни на есть законные вещи, в рамках которых мы должны существовать. И это общество предоставляет ему массу возможностей. Как американцы любят говорить – у нас равные возможности, ты можешь пойти куда угодно, делать что угодно. Вот ты избрал тёмную дорогу и сел, а мог бы поступить в Гарвард или в более скромный университет. Если бы ты хорошо учился, то получил бы стипендию от государства, от штата. Но это всё колоссальная ложь. В чём смысл этих возможностей выбора? Они абсолютно тупиковые. Потому что они никогда и нигде не кончаются. И когда читаешь американскую литературу, то потрясает то, что ключевым словом там является «нормальность» (Normancy), то есть люди могут испытывать невероятные приключения (ну занятно же, иначе никто читать не будет), они проходят через всякие интриги, риски, опасности, но к чему они выходят и что является финалом и подарком в конце? Normancy.

Когда в конце, после всех интриг, герой выходит на улицу, вдыхает свежий воздух и смотрит, как играют дети, едут машины, он понимает, что гордится своей страной и своим путём. Всё на кругах своих, и наконец мы видим normancy.

О. Д.: Да, тот самый комфорт. Наша передача «Разговоры с Джемалем» подходит к концу. В студии был Олег Дружбинский. Сегодня мы говорили о двух интересных вещах: о боли и обществе и о том, как боль и вера долгое время шли рука об руку. Спасибо большое, Гейдар, что были вместе с нами. До следующих встреч.

Г. Д.: Спасибо вам.

О. Д.: Всего доброго.

Глава 18

Общение и мышление

Главное, что следует положить в основу данного дискурса, – это различие между мышлением и мыслью. Мышление возможно при условии, что где-то там есть Мысль. Это похоже на то, что конкретные феномены могут являться и быть при том, что где-то там есть Бытие. Только следует иметь в виду, что Бытие есть антитеза Мысли, антимысль. Соответственно, и феномен есть манифестация антимышления. Мышление – это некое движение на человеческом уровне тех теней и бликов, которые благодаря Языку отбрасываются Мыслью. Мысль – одна. Когда говорится, что есть мысли о том, о сём, то речь идёт о неких клише, оформленных исходя из домысливающего уровня. Это не продукты Мысли и даже не продукты мышления.

Мысль одна, потому что она есть Божественное созерцание своего нетождества абсолютному Всему. Суть Мысли – именно вот этот сакральный парадокс невозможного. Всё есть всё. И в таком виде это чистый покой ничто. Но Трансцендентный Субъект – обладатель этого всего – нетождествен ему. Благодаря этой нетождественности само всё становится возможным как данность, имеющая хозяина. Вот эта апория, находящаяся в мёбиусовом непрерывном самоотрицании, – она и есть Мысль. Теперь в центре этой Мысли оказывается невозможность такого положения, невозможность одновременно быть всем и другим в одном флаконе. Эта невозможность есть сердце Трансцендентного

Субъекта. Эта невозможность есть то, что в Откровении называется «Он», هو (хува). Это третье лицо в единственном числе, которое в арабской грамматике определяется термином «отсутствующий», тот, кого нет. Именно из этого отсутствия в придонный ил бытия падает искра, становящаяся сердцем Адама. Для того чтобы связать два этих полюса – «Он» и «я здесь и теперь», – нужен Язык. Тогда Мысль, обращаясь к архетипическому Адаму, открывает ему имена. Эти имена являются не просто образами каких-то феноменов, которые, кстати, возникают только одновременно с этими именами и только для тех, кто эти имена слышит... Имена становятся таким множественным соединением образов на разном уровне, под разными углами, что возникают чудовищной мощности и глубины конструкторы. Грубо говоря, конструктор «дерева» представляет собой пересечение «художественного» внешнего образа, биологической ткани с её секретами, волокон, накладывающихся кольцами, образ моста между энергией света и тьмой хтонической бездны, куда эта энергия утекает... И бесчисленное количество других аспектов, приобретающих организующую символическую природу. Идея коры, например. Всё это насажено на одну-единственную точку подразумевания. Точку, которую мы называем деревом.

Количество имён бессчётно и безлимитно, но это не значит, что оно бесконечно. Конструкторы, растущие вокруг понятийных «точек сборки», организованы так, что обязательно хотя бы один из образов, заложенных в некий конструктор, участвует и в других, пронизывая таким образом этот ковёр, созданный из имён, подпольной ассоциативной сетью. Это сверхязык, и только в поле этого огромного ковра узоров, которые не имеют никакого отношения к описаниям, мирам, так называемой реальности, можно вырезать куски, которые будут конкретными языками на человеческом уровне, пошире или поуже. Эти куски можно накладывать на Бытие, точнее, на отражения Бытия в зеркале, и тогда получается организованный мир с теми же деревьями и крокодилами, если не летающими ящерами (для изобилия).

Следует понять, что язык – это средство для однойедин ственной коммуникации: между сознанием Адама и Невозможным, выделенной частицей которого это сознание является.

Теперь, что такое мышление? Это расположение имён таким образом, что для носителя адамического сознания эта ткань имён становится специфическим зеркалом, отражающим саму Мысль. Отражающим смутно, несовершенно и не в том аспекте, где речь идёт о Невозможном, где эта мысль есть ускользающий от самого себя парадокс. Нет! Отражающим только фабулу.

Что такое фабула? Есть парадокс, который непостижим и неотражаем ни в чём. Но парадокс – он как взрыв. Он ищет путей своего разрешения. Взрыв несхватываем, но последствия взрыва, давление, которое, так или иначе, открывает себе выход наружу, – это проявление взрыва. В нашем случае это фабула. Это описание того, как решается парадокс Божественного замысла. Отблеск этого, который можно уловить сетью имён, созданных Аллахом и сообщённый Адаму, этот отблеск, который в силу своей вторичности нестабилен и движется, называется мышлением.

Язык, как мы не раз указывали, попадает в обстоятельства антимысли – Бытия. Бытие использует язык для того, чтобы формулировать ложь, то есть позиционировать идеи, представляющие собой отрицание сути мысли. Так, например, идея тождества, идея бесконечности, которая есть будто бы то же самое, что и неопределённость и тому подобное. Метафизика язычников, состоящая из подобных перевёртышей относительно правды, выражена в языке и с помощью языка, который имеет только одно назначение: служить каналом Духа, который спускается в чёрную ночь потенции и возвращается оттуда с просьбой-мольбой адамического сердца (сознания) тому, что выше восприятия и выше отсутствия (хотя выглядит как «богооставленность»).

Вот вместо этого язык становится инструментом создания цивилизации, в которую вовлекаются толпы обладателей виртуальных сердец. Они – каждый из них – могли бы превратить свои виртуальные сердца в живые и реальные, но они погружаются в цивилизацию, из которой для них уже выхода нет. Это и означает то самое «сбитие с пути» при заходе «справа, слева, спереди и сзади», о чём Иблис сообщил Аллаху как о своей глобальной и первоочередной миссии. Следует подчеркнуть, чтобы не осталось никаких сомнений, что цивилизация есть аппарат Бытия (Великого Существа), разрабатываемый исключительно для дезориентации Духа в пустыне, состоящей из множеств. Любая цивилизация: индийская, древнеегипетская, либерально-западная и... так называемая арабо-мусульманская. Последняя цивилизация показывает, что и носители последнего Откровения на самом раннем этапе своего проявления в мире могут быть уведены в болотную топь. Только евреи не создали цивилизацию, по крайней мере матрицу материально-психического обустройства, которое переводится в термины квазирелигиозной культуры. Благодаря этому евреи способны выступать в качестве операторов-посредников между любыми матрицами.

Общение происходит внутри матрицы, внутри цивилизации. Это коммуникативная функция языка, которая ему несвойственна. Функция из довербального прошлого телепатического человечества, которую навязали языку, потому что единственную коммуникацию, которая для языка законна, мы уже описали, и единственная практика, которая открывается на этой линии, это практика созерцательная, практика концентрирования, которая предполагает общение только личного сознания со Всевышним. Выход наружу такого общения есть коллективная молитва, синхронизированная через имама. Другого общения правильно поставленное использование языка не предполагает, по крайней мере там, где речь идёт о мышлении.

О. Д.: Сегодня мы продолжаем разговор о человеческом факторе. Тема нашей передачи – «Общение и мышление» – взаимоисключающие функции. Фундаментальные внутренние противоречия языка.

Г. Д.: Да, это очень важная тема, коль скоро мы говорим о человеческом факторе. В предыдущей передаче мы говорили о том, что боль является фундаментальным стержнем человеческой реальности, точнее, человеческого фактора. Но совершенно понятно, что если боль – это бумага, то язык – это то, что на этой бумаге нарисовано, это то, что делает бумагу картиной. Язык превращает потенциальность человека в человека как такового. Согласно традиции авраамических пророков, язык был открыт Адаму Творцом, который назвал ему имена вещей. Причём оказалось, что Адам является эксклюзивным получателем этого знания, потому что ангелы, которых Творец спрашивал параллельно с Адамом о том, что это такое, они развели, условно говоря, руками и сказали, что не знают. И таким образом Адам был назначен наместником Творца на земле. Что такое адамический язык? Адамический язык – это, естественно, метареальность, потому что это не описание, это средство описания, это некая фундаментальная система, связь образов, которая существует для того, чтобы быть площадкой или зеркалом для отражения провиденциальной мысли Всевышнего. Провиденциальная мысль Всевышнего одним из своих аспектов включает в себя статус Адама в качестве наместника, его роль, его миссию, тот проект, ради которого он поставлен на землю. Это замысел, который отражается в мышлении, которое представляет связь вот этих открытых ему образов. Причём эти образы не являются тем, что Платон называл идеями. Платон называл идеями, собственно говоря, такие архетипические проекты того, что мы застаём здесь, на земле. Я помню, что у него в диалогах фигурирует лошадь как известный пример – есть идея лошади, а есть и реальная лошадь. В данном случае, конечно, вот эти метареальности, эти фундаментальные образы не есть та конкретика, которую мы застаём в обычном языке и, соответственно, в обычной нашей действительности. Это фундаментальное условие последующих описаний, уже когда есть проявленное, рабочее действие языка в человеческой общественной среде.

О. Д.: Правильно ли я понимаю, что если, как мы говорили на прошлой передаче, боль приводит к вере, если боль – это, скажем, чистое полотно, то язык – это то, что показывает путь к этой вере?

Г. Д.: Это очень хорошее возвращение нас к теме боли, потому что раньше мы, кажется, говорили, возможно, даже в «Нечеловеческом факторе» о том, что когда Адам спускается к людям, людям золотого века, находящимся в состоянии блаженной эйфории и комфорта, то с тем, что он приносит им язык, этот блаженный комфорт кончается, взрывается и уничтожается. Возникает противоречие, острое противоречие между существом как такой биологической хрупкой, нежной монадой и жёсткой, отрицающей его, давящей на него средой. Включается вот это столкновение, столкновение «Я» и «Не-Я», которое возникает с приходом языка. И язык, конечно, связан с болью. Но вместе с тем язык тут же трансформируется людьми, потому что, вообще говоря, адамический язык не создан для общения. Он открыт Адаму как уникальному существу, первому истинному человеку, как носителю Духа. И это существо одно, и оно посвящает себя мышлению, то есть стремится отразить в мышлении, в оперировании этими суперобразами свою миссию, своё назначение как наместника Творца.

О. Д.: То есть когда-то, в самом начале язык был, естественно, более сакральным. Вы знаете, есть любопытный пример того, насколько наш язык сейчас профанируется. Сакральность языка осталась ещё, может быть, в уголовной среде. Там ты можешь сказать какое-нибудь слово, и тебя за это обязаны убить, потому что ты оскорбил, хотя это просто слово, и

оно ничего не значит. А в бытовом общении язык потерял свою сакральность, и, в общем-то, мы можем говорить друг другу что угодно, и это никого не обижает и не задевает. Видимо, какой-то первоначальный язык был сакральным, когда за каждое слово приходилось отвечать.

Г. Д.: Я думаю, что он сакральным был не в том смысле, что это был язык общения. Язык общения сразу перестаёт отвечать своей адамической предназначенности. Он попадает к существам, которые находились в режиме общения до языка. То есть люди золотого века находились в телепатическом общении друг с другом. Они были неким роём и были связаны друг с другом в телепатической коммуникации. И они не нуждались в образах, идеях, концептах, словах. И их общение, конечно же, было ситуативным, нужно подчеркнуть, что общение всегда ситуативно. В общении нет сослагательного наклонения, нет допущений, нет той грамматической сложности, которую предполагает язык. Нет прошлого времени, нет будущего. Есть только ситуативная коммуникация существ, которые живут вне времени. Но язык вброшен, и язык разрушает их эйфорию, их погружённость во вневременность. Естественно, на них обрушивается негатив среды. И тогда общение начинает перестраивать язык, который был получен этими людьми. Язык начинает становиться средством общения. При этом он теряет свои свойства аппарата мышления, которым он был у Адама, и становится механизмом коммуникации, а это совершенно другое. Язык – это мышление одиночки, а общение – это взаимодействие разных монад, взаимодействие разных существ. Когда язык выведен в сферу множества, его природа становится совершенно другой. И здесь мы начинаем жить в режиме существенных, фундаментальных неискоренимых противоречий. Когда человек рождается, он получает язык от матери. Когда мать его учит языку, она его учит прежде всего одиночеству. Первая импрессия языка – это уроки одиночества. Почему? Потому, что именно с языком пришедшее в мир существо получает различие «Я» и «Не-Я». Когда ребёнок ещё только появился из утробы, он в доязыковой период не способен отличать себя от среды. Но с языком это различие приходит, и в какой-то момент он достигает точки одиночества и точки ужаса, понимая, что балансирует на краю какой-то пропасти, потому что одиночество перед средой, нетождественность среде всегда сопряжены с ужасом. В следующий момент он попадает в среду, среду яслей, детского сада, школы и так далее. Там язык используется для общения, и вот этот момент «Я» и «Не-Я», который он получил в первые годы восприятия языка в колыбели, в общении с матерью, разрушается общением, на него уже накладывается матрица – матрица, созданная в стихии языка искажённого, переформатированного.

О. Д.: Получается, что мышление и общение противостоят друг другу.

Г. Д.: Да, они противостоят друг другу. Но, к сожалению, существует устойчиво вбиваемое в нас убеждение, некоторая постоянно проходящая идея, что язык – это средство общения, общение – его изначальная роль. У диалектических материалистов, у Энгельса вообще язык возникает в ходе трудового процесса, хотя и непонятно, как это логически обосновать. Невозможно представить себе, что не знающие языка существа, условно говоря, питекантропы, с нуля изобретают язык, когда им приходится совместно тянуть бревно или охотиться на мамонта. Вообразите, что для того, чтобы что-то сделать вместе, нужно организовать, а для того, чтобы организовать, нужен язык. Тут телега находится впереди лошади. Но нам это вбивают в голову, нам вбивают, что язык – это средство общения, а мышление возникает уже после, как результат этого общения. На самом деле реальность этому совершенно противоположна. Мышление связано прежде всего с глубочайшим одиночеством, с различием «Я» и «Не-Я», которое на самом деле отражает внутреннего свидетеля, прежде всего через язык обнаруживающего свою нетождественность любым объектам, любым образам. Эти образы даны как кирпичики мышления, поскольку человек обнаруживает, что он, как свидетель, есть не то, перед чем он предстоит, с чем он имеет дело. Нечто иное, принципи-

ально иное, нечто вброшенное сюда как оппозиция тому, во что он вброшен. Поэтому такой конфликт создаёт драму постоянного уменьшения мысли, которое идёт во время общения. Не зря же сказано: «Мысль изречённая есть ложь». Это очень глубокая интуиция, Тютчев это сказал. Это глубокая интуиция, хотя вряд ли он продумывал это в лингвистическом и филологическом плане, скорее всего, это поэтический образ, но он попадает в точку. Мысль изречённая, то есть изречённая в целях коммуникации, есть уже необходимая капитуляция перед матрицей, которая сформулирована обществом для того, чтобы запрограммировать людей, уже вписанных в коммуникацию через язык. Ну и конечно, деваться им некуда. И здесь совершенно понятно, что проблема возвращения человека к мышлению, возвращения человека к подлинному есть преодоление общения.

О. Д.: То есть отказ от общения?

Г. Д.: Преодоление общения. Об этом, не знаю, насколько глубоко и сознательно, писал Ницше в «Заратустре». Уход Заратустры от людей, уход в горы, удаление в сосредоточенное безмолвие – это как раз возвращение к истинному мышлению или попытка вернуться к истинному мышлению. Кстати, напомним, что миссия Заратустры была связана с учительством, а учительство – это адамический архетип, который связан с пророчеством, с принятием первого языка Адамом. То есть здесь, мне кажется, интуиция Ницше бродит вокруг этой тематики, хотя она нигде не выражена эксплицитно, а проходит как поэтическая интуиция.

В этом смысле можно сказать, что адамический язык является условием последующего человеческого фактора. Адамический язык не является человеческим фактором, он является неким условием того, что описание, которое мы создаём, матрицы, которые формируются обществом и накладываются на вновь приходящих в этот мир, – это всё как бы кляксы на том огромном листе бумаги, который задан адамическим языком. Вот, допустим, Древний Египет, древнеегипетский язык, древнеегипетская религия, древнеегипетская матрица с фараоном в центре – это одна клякса. А вот американская цивилизация с гаджетами, с авианосцами, какими-то открытиями, Массачусетским технологическим институтом – это другая клякса в другом углу этой бумаги. И всё это – такие частные пиксели, которые становятся возможными только потому, что существует колоссальная заданность метареальности, с её образами, превосходящими любую конкретизацию, которой располагал Адам и которая сокрыта, или загущена, вот этим языком в нашем обыденном понимании. То есть языком с его лексикой, с его понятийной системой, избирательной конкретикой и тому подобным. Причём понятно, что тема «реальность – это описание» становится особенно ясной, когда мы осознаём, что люди, говорящие на разных языках, даже если они живут в нынешней глобальной цивилизации, видят разные вещи. Эти вещи играют разную роль. Даже когда в руки одного либо другого попадает один и тот же смартфон или автомобиль, это для них разные предметы, для обоих. То есть реальности у них не пересекаются или пересекаются очень частично. Это понятно тому, кто знает два языка и просто представляет себе, что он в этом языке, не зная других, или что он в ином, не зная других, и понимает, что это были бы совершенно разные реальности. Языки сегодня, те языки, на которых говорят сегодня люди и народы, это частные случаи. Это в принципе бобок, я бы так сказал, вспомнив рассказ Достоевского «Бобок», где герой, оказавшись на кладбище, слышит бормотание изпод земли ещё не до конца умерших покойников. Некие борборигмы, доносящиеся из царства мертвых.

О. Д.: Гейдар, я хотел бы немного вернуться назад. Выше вы говорили о том, что чем меньше человек общается, тем больше ему есть над чем подумать в одиночестве.

Г. Д.: Ну, вы знаете, это не автоматически так. Берём обычного человека и кидаем его в одиночку, и он просто сходит с ума.

О. Д.: Да, естественно. Но нельзя отрицать тот факт, что большинство философских и научных открытий в первую очередь сделано интровертами. Людями, в определённом смысле замкнутыми по отношению к социуму.

Г. Д.: Здесь мы подходим к очень интересной теме. Потому что следующий момент, который я хотел бы осветить, – это то, что из языка возникает экономика. Из этого искажённого языка, который создаётся обществом, когда общество защищается от среды, используя и деформируя саму возможность языка, принесённого когда-то Адамом. Язык рождает экономику. Что такое экономика? Экономика – это обмен веществ между «Я» и «Не-Я», между человеком и средой. Но поскольку искажённый язык – это средство общения, люди общаются со средой. И определяется это общение, этот обмен веществ сформулированными матрицами, которые могут быть теми или иными. Здесь интересно, что развитие языка, которым управляют, скажем так, некие кахины, некие жрецы, прямо пропорционально развитию общественных матриц. Из этой динамики матриц рождается развитие производительных сил. Если мы задумаемся, в чём причина преодоления нулевого состояния экономики, вот что мы увидим. Мы не будем лезть в какие-нибудь недоказанные дебри архаики, а просто обратимся к примеру допромышленной Англии, где овцы бродили по зелёным лужайкам и росла какая-нибудь зерновая культура на полях. С какой стати появляются мануфактуры, с какой стати овцы используются не для того, чтобы их есть, а для того, чтобы их стричь и делать шерстяные сукна? Почему появляются эти станки, почему потом совершается промышленная революция? Почему меняется формат взаимодействия между коллективом людей и средой? Никто не объясняет, и в том числе марксисты и исторические материалисты, такую вещь, как развитие производительных сил. Они говорят, что по мере развития производительных сил возникают новые противоречия, когда социальные отношения отстают от развития производительных сил. А с какой стати происходит развитие производительных сил, кто их развивает, почему появляется необходимость перейти от приводимых ручным трудом прялок и веялок к паровой машине? На самом деле это получается потому, что возникает новая матрица, пересматривается язык. Язык пересматривается мэтрами, хозяевами дискурса, стоящими за спиной цивилизации, за ширмой. В этом случае люди являются просто пассивной принимающей стороной. Здесь очень интересна роль философии, потому что философ постоянно стремится к уединению, к возвращению языка хоть в какой-нибудь малой степени к статусу первоязыка, полученного Адамом. Понятно, что между Адамом – тем, кто пришёл с первообразами, и Гегелем, как вершиной классической человеческой философии, есть непроходимая пропасть. Но уж как мог. Постоянно на фоне этого формирования матрицы, на фоне этого коллектива, обменивающегося веществом и энергией со средой, возникает острая проблемная попытка сделать язык снова инструментом мышления, сделать его снова тем зеркалом, в котором отражается замысел. И, конечно же, отражение замысла есть отражение и присутствие невидимого субъекта, невидимого внутреннего свидетеля, которого вне мышления нет способа увидеть, как глаз не может увидеть себя кроме как в зеркале. Поэтому экономика рождается из языка, освоенного обществом, а общество, как мы помним, есть фактор нечеловеческий, оно стремится стать судьбой, роком, Бытием в конечном счёте и полностью узурпировать все человеческие элементы. В результате в своей динамике общество, становясь исключительно Бытием, роком, уничтожающим всё, кроме самого себя, и губит язык. То есть коммуникация, которая сравнительно долгое время сохраняет на себе некие следы мышления, естественно, становится всё более и более ситуативной, потому что, напомним, общение является всегда ситуативным. Если мы полностью погружены в общение, то чистое общение – это перекрикивание соседок через улицу. Это абсолютная ситуативность. И эта ситуативность доходит до максимума, а потом переходит в посткоммуникацию. То есть современное общество и современное государство, современный аппарат входят в режим посткоммуникации. Собственно

говоря, язык окончательно утрачивает связь с мышлением, а это означает, что и со смыслом. И любое высказывание, сохраняя по своей видимости у культурных политиков, у образованных бюрократов грамматические правила и формальную гладкость, становится бессмысленным потоком слов, содержание которых невозможно удержать в памяти, потому что не за что зацепиться. Это некие высказывания, которые представляют собой образец бюрократической белиберды.

О. Д.: Да, естественно. Причём, вы знаете, когда вы говорили, я думал, что есть такая естественная максима – если решил что-то сделать, не говори никому об этом. Если решил что-то создать или написать, то лучше до времени ни с кем не делиться. Потому что, как только начинаешь выбалтывать свои планы, желание что-то делать сразу тебя оставляет.

Г. Д.: И просто обесценивается замысел, обесцениваются те смыслы, которые ты в это вкладывал. Ещё в детстве мне отец говорил: не рассказывай никому свои мысли, ты их обесценишь, и они сразу пропадут в своём значении для тебя же самого.

О. Д.: Да. Если у тебя появляется какая-нибудь идея или ты чувствуешь, что внутри у тебя что-то есть, это не надо выбалтывать, это надо делать. Тогда из этого что-то может получиться. В противном случае весь замысел размывается в общении и уходит в никуда.

Г. Д.: Но есть в общении и позитивный аспект, как и у всего в нашем мире, ведь наш мир предельно диалектичен, и, как в инь-ян, нет до конца чёрной или белой части. Герцен об этом очень точно сказал в «Былом и думах», когда он вспоминает общение с друзьями, с единомышленниками. Очень часто им ставили в упрек их долгие разговоры, студенческие пирушки, болтовню, но, говорит он, разве наше общение не было той работой, тем действием, из которого родилось смысловое пространство, которым мы теперь живём. Да, в какой-то степени это не лишено определённого смысла, потому что общение создаёт, по крайней мере в оппозиции господствующей доминирующей матрице, таких людей, как интеллектуалы своего времени, создаёт анклав смысла, анклав духовного присутствия.

О. Д.: Может, это происходило в какие-то переходные периоды, когда было непонятно, что дальше делать?

Г. Д.: Я упомянул этот аспект общения как некий диалектический штрих, который не мешает в методологических интересах жёстко противопоставить мышление и общение как два полюса языка, противоречащих друг другу, взаимоисключающих и борющихся на человеческой площадке. И именно из языка как средства общения рождается экономика, которая развивает свои производительные силы через предварительное изменение матрицы. Собственно говоря, даже те историки, которые выступают сторонниками экономической культуры, экономического пути цивилизации, отмечают, что прежде возникновения того или иного формата экономических отношений появляются новые интеллектуальные школы, новые философы, которые как бы прокладывают интеллектуальный путь к этому. Перед тем как перейти к Новому времени, появляется Декарт, потом Кант, классическая философия. Тут опять встаёт проблема телеги и лошади. На самом деле внимательное изучение показывает, что без этих философов, которые удалялись в мысль и при этом способствовали реформированию матрицы, было бы невозможно и изменение описания, той части описания реальности, которое связано с обменом между «Я» и «Не-Я», между средой и человеческим коллективом. Экономика в принципе – это показатель трагедии человеческого существа, вброшенного в этот мир, показатель на выходе. Маркс, допустим, считал, что прежде, чем что-либо сделать, человек должен одеться, обуться, плотно покушать, завести крышу над головой и тогда уже думать о надстройке. Но это достаточно безумная и абсурдная мысль, потому что, во-первых, факты показывают, что при любых обстоятельствах человек всегда будет одет, обут и будет иметь крышу, пусть даже самую неприятную. Во-вторых, если бы речь шла только об этом, то никакого развития экономики не было бы, потому что у одетого, обутого и поевшего человека отпадает необходимость менять что-либо. Все противо-

речия, в том числе и наш нынешний экономический кризис, заложены в языке и в драме языка.

О. Д.: Вы знаете, у меня тоже всегда вызывали удивление такие концепции, как пирамида потребностей Маслоу, ведь есть старцы-пустынники, аскеты, которые отказываются от всего, что могло бы им дать общество, и уходят в скиты и пещеры...

Г. Д.: От общения. В поиск адамического языка.

О. Д.: Причём во всех религиях есть такие примеры. Для них материальная сторона вопроса была совершенно не важна, они могли ходить в рубище и практически ничем не питаться.

Г. Д.: Ну вот эти базовые, по мнению Маркса, потребности в принципе не являются целью экономики. Как мы уже раньше говорили, главной целью экономики, рождающейся опять-таки из языка, является трансформация времени, которое отнимается и присваивается определёнными силами, жизненного времени человека. Человек ангажирован в своём жизненном времени в процесс обмена веществ, он как бы насильственно принуждён в коллективе к этому обмену.

Коллектив обслуживается языком, форматируется языком, над ним довлеет язык. Социум использует коллектив как свою физическую базу и является коконом, который защищает человечество, условно говоря, от боли. Той самой боли, которая является стержнем человеческого фактора, которая возникла с приходом языка. Общество человека защищает и заставляет его обмениваться веществом и энергией со средой. В процессе этого обмена человек теряет безусловную и абсолютную дистинкцию свидетеля и противолежащего ему объектного мира, то есть «Я» и «Не-Я», потому что только в мышлении человек устанавливает противоположность себя как свидетеля всем объектам, которые ему предъявлены. А в общении он становится частью того мира, который рождается в описании. Потрясающе именно то, что общение является одной из форм дегуманизации, причём одной из кардинальных форм. Раньше мы говорили, что формой дегуманизации является комфорт, но ведь инструментом комфорта является именно общение. Именно в общении рождается чувство защищённости, чувство отведённости от тебя рисков. То есть то, что так ценится в узких элитарных кругах современного социума. В широких кругах общение разрушается, а в узких – очень ценится. И в этом общении, общении людей, которые присваивают очень много прибавочного продукта и комфортно сидят в холле «Краснопольского» или «Хилтона» за бокалом хорошего «Хеннесси», это общение является не просто составной частью, оно является опорой комфорта. Опорой комфорта, в котором раз за разом подтверждается их абсолютная защищённость от любых угроз. И здесь язык очень много заимствует невербальных моментов коммуникации, очень ценящихся в общении «между своими». Это один из могучих инструментов отделения своих от чужих. Естественно, когда эти люди вынуждены обращаться к тем, кто находится за пределами их круга, они вынуждены прибегать к языку посткоммуникации, они же не могут говорить тем языком, который является общением со своими. Удивителен в этом плане некоторый мой опыт встречи с американскими сенаторами, которые приезжали на медиафорум в Алма-Ату. Я с ними встречался сразу после избрания Обамы. Один, между прочим, был республиканец, руководитель национального комитета республиканской партии, второй – сенатор-демократ. Оба были цветные, причём демократ был похож на Обаму как две капли воды, только полегче, поменьше, так сказать, та же фабрика, но дым пожиже. И вот интересно, он был очень говорлив, ему задавали вопросы, но ответы воспроизвести было невозможно. Единственное, что можно было запомнить, что каждый ответ он начинал с того, что он очень благодарен за вопрос и что он очень уважает ваш интерес к данной теме. Это всё, что можно было понять, потому что дальше шла просто околесица, где вообще не было никакого смысла, но на очень хорошем правильном языке. Нашим политикам всё-таки ещё далеко до такого уровня, потому что американцы довели

посткоммуникацию до совершенства. Обама, кстати говоря, тоже образец посткоммуникации, блестящий образец. Но это лирическое отступление.

О. Д.: Но тем не менее оно очень характерно. Иногда приходится встречать людей в политическом или общественном поле, которые, когда начинают что-то говорить, и их дискурс полностью растекается в «муку», как говорит молодёжь. То есть человек что-то говорит, но ему не хочется говорить, или его просто положение обязывает. Поэтому воспринять можно только это самое «спасибо за вопрос».

Г. Д.: Это всё, что можно запомнить.

Я хотел бы подвести некий итог и сделать выводы по нашей беседе, суммировать всё сказанное. Язык Адама приносит в мир феномен боли.

Феномен боли ведёт к появлению общества как способу защиты от этой боли.

Общество узурпирует принесённый язык, извращает его и превращает его из инструмента одинокого мышления в инструмент коллективной коммуникации.

Коллективная коммуникация порождает взаимодействие со средой, где человек малопомалу теряет свой статус отдельного уникального субъекта, становясь частью той среды, в которой он коммуницирует.

Из этого рождается экономика, и мэтры социума играют, пользуясь определёнными знаниями и технологиями, на эволюции матрицы для того, чтобы менять динамику производительных сил, и для того, чтобы переоценивать отчуждаемое у людей жизненное время, превращая его во всё более и более высоко оцениваемый капитал.

Всё это связано как раз с извращением языка, который в конечном счёте идёт к смерти именно через социум, в социальном пространстве.

Гибель языка, который в какой-то момент приходит к точке коллапса, означает конец мира в эсхатологическом религиозном смысле.

Ведь конец мира не обязательно должен означать, что начнётся невероятная гроза, которая своими страшными молниями будет всё испепелять, что будут землетрясения и прочие катаклизмы. Хотя такие аспекты вполне реальны, но они не самые существенные. А вот самое существенное, это когда все семь миллиардов людей в один прекрасный день просыпаются, забыв язык. То есть в их голове не только нет языка, но нет и памяти о том, что язык когда-то был. Они просыпаются как чистые Маугли, но только Маугли, не прошедшие подготовку в общении со средой у волчиц. То есть ни волков там нет, ни собак, ни бандерлогов. А языка нет. Языка нет, и в этом случае они просто смотрят на абажур, проснувшись, и видят кляксу, пятно Роршаха. Лиса, когда смотрит на куст, находится с ним в конкретном взаимообмене, это сигнал, что за кустом, к примеру, находится другое пятно – заяц, и надо броситься на него. А вот таких сигналов у человека нет, когда он смотрит на абажур. Потому что он не лиса. Он видит просто хаос вокруг, и, естественно, мир исчезает, и человек исчезает, потому что физически он просто обречён на гибель, будучи частью этого хаоса. Так как за счёт исчезновения языка исчезает его оппозиция среде. Раз нет языка, значит, нет и свидетеля. Раз нет свидетеля, человек становится частью среды, которая есть калейдоскоп пятен Роршаха, перетекающих друг в друга. Это коллапс мира. И к этому ведут пути развития современного общества, развития посткоммуникации. Язык, несомненно, является развитием темы боли, которая, как стержень человеческого фактора, даёт базу как для попытки вернуться к языку как мышлению, чтобы быть зеркалом мысли Творца, так и для извращения языка, которое даёт основание для экономики, являющейся способом эксплуатации, отчуждения времени, его переоценки и превращения в капитал. Это моя попытка переосмыслить политэкономии с точки зрения чистой теологии.

О. Д.: Вы знаете, я очень хорошо понимаю, что мысль и слово – это в каком-то смысле враги, если мышление и общение мы противопоставляем друг другу. Только как бы у нас из этой очень серьёзной беседы не выдернули только это противопоставление, как из «Капи-

тала» Маркса выдернули только одну фразу – «грабь награбленное» – и стали ею пользоваться.

Г. Д.: Дело в том, что слово даже в той форме, в которой мы этим словом располагаем, не обязательно является инструментом общения, потому что слово можно рассматривать как знак. Вот как «кирпич» запрещает проезд в переулок, так и каждое слово можно рассматривать как знак. Но ведь слово можно рассматривать как некий образ, в который можно уходить как в зеркало того, что это «Не-Я». Когда оно становится зеркалом, тогда раскрывается полнота и богатство внутреннего значения этого образа. То есть ты уходишь в это «Не-Я», как в очень сложную структуру, которая не нуждается в том, чтобы её сообщать кому-то. И так обстоит дело с каждым словом. Почему филологи так любят сидеть со словарями, погружаться в это многообразие значений, работать со словами? Слово не обязательно есть инструмент общения, оно двойственно, то есть оно может вести либо в созерцание, либо же в такой оперативный знак, который просто нужен ситуативно. И, кстати говоря, тут есть интересный момент. Общество настаивает на общении. Но в обществе тоже есть подвергнутые компромиссу и извращению осколки старого значения языка, связанные с культурными измерениями. Например, это литература. Общение всегда ситуативно, но литература не ситуативна. Мы сегодня читаем Достоевского, и нам понятно, что «Братья Карамазовы» происходят не «здесь и теперь», а в реальности, отчуждённой от настоящего момента и не имеющей к нам отношения. Это описание, которое читалось и до нас целыми поколениями, и будет читаться после. Здесь язык обнаруживает свою некоммуникативную природу, потому что литература – это не коммуникация. Кому-то это может показаться странным, но литература – это не коммуникация.

О. Д.: Это может быть форма мышления?

Г. Д.: Это осколок мышления. Но, как и всё в нашем пространстве, как и всё в социальном пространстве, литература тоже подвергается извращению и пародированию. Возникает роман-поток, возникают литературные произведения, состоящие просто из потока слов и ассоциаций, не имеющие сюжета. Их читать невозможно. Но это считается суперсовременным, супермодным, ведь литература тоже присоединяется к общей динамике деградации языка в сторону посткоммуникации. Если же брать классику, которая вызывает постоянный интерес и всегда, в каждом новом поколении находит спрос, то это тот феномен, который резко дистанцируется от общения, от коммуникации, от ситуативности, от обусловленности моментом, лучше всего выраженном в переключке соседок через улицу, вешающих белье и кричащих что-то друг другу. Вот такая ситуация.

О. Д.: Ну что же, наша программа подошла к концу. Это были «Разговоры с Джемалем», вёл передачу Олег Дружбинский. Сегодня мы поговорили о противопоставлении общения и мысли.

Г. Д.: Мышления. Мысль только у Всевышнего. А мышление может быть у нас.